

ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2017. № 4

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2017. № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)

П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь

А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь

М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционный совет

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Академиздатцентр “Наука” Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр “Наука” Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- Герд Генчель** – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- А. Е. Дайнеко** – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- В. И. Жук** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. П. Изотко** – Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- И. Л. Копылов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Е. Миронович** – Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
- И. В. Саверченко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
- Янг Хионг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2017. № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 13.10.2017. Выход в свет 27.10.2017. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 110 экз. Заказ 203.

Цена номера: индивидуальная подписка – 10,34 руб., ведомственная подписка – 25,29 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2017

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2017. No. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

*This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities and Arts,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Vladimir V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Petr G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead editor*)

Yevgeni M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigori A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail P. Kostyuk – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Igor V. Kotlyarov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Dmitri I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Council

Aleksandr N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and
Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Book Culture Research Centre, Book Publishing Council of the
International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Aleksei Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University, Minsk, Belarus
Valeri I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir P. Izotko – Minsk, Belarus
Vladimir A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Moscow State M. V. Lomonosov University, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Igor L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Evgeni Mironovicz – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Ivan V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Azimchan A. Satybalidin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrey V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Humanitarian Series, 2017, No. 4.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 13.10.2017. Published on 27.10.2017. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 110 copies. Order 203.
Number price: individual subscription – BYN 10.34., departmental subscription – BYN 25.29.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address : F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2017

ISSN 1024-5928 (print)

ЗМЕСТ**ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ**

Котляров И. В. Патриотизм как социальная реальность белорусского общества (социологическое измерение)	7
Щёкин Н. С. Традиционализм как концептуальное основание диалога церкви и государства в православном мире (опыт восточнославянской цивилизации)	16
Стаселька К. І. Інтэлектуальная асоба ў сучаснай сацыяльнай прасторы	23
Баравостов П. А. Реализация принципа политической обусловленности в рамках “Восточного партнерства” ...	33

ГІСТОРЫЯ

Ляўко В. М., Сідаровіч В. М. Рымскія манеты з гарадзішча і селішча каля в. Кардон у Беларускім Падзвінні	43
Вороненко О. В. Кремневые артефакты поселения финального палеолита–мезолита возле д. Зборов Рогачёвского района Гомельской области	50
Nekrashevich P. A. The Finnish Detached Corps of the Russian Army (1815–1831)	60

МОВАЗНАЎСТВА

Зиневич Н. В. Текстоброудуючы потенциал катэгорыі абагульнення ў навучным прадзведенні	65
---	----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОП

Мазурына Н. Г. Этапы фарміравання варыянтнасці народных песень у беларускай фалькларыстыцы	75
Горбунов И. В. Музей или паноптикум: история создания восковых фигур	83

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Мікуліч М. У. Паэзія Заходняй Беларусі: нявывучаныя старонкі	90
---	----

ПРАВА

Мартыненко И. Э. Государственная политика в сфере историко-культурного наследия	101
--	-----

ЭКАНОМІКА

Никитенко П. Г. Стратегическая модель ноосферного цивилизационного развития	111
--	-----

РЭЦЭНЗІІ

Елынцова И. В. Фундаментальное издание по дериватологии: о “Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка”	123
---	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Леонид Федорович Евменов (К 85-летию со дня рождения)	126
--	-----

CONTENTS**PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY**

Kotlyarov I. V. Patriotism as Social Reality of Belarusian Society (Sociological Dimension)	7
Shchekin N. S. Traditionalism as a Conceptual basis for Dialogue between the Church and the State in the Orthodox World (An Experience of the East Slavic Civilization)	16
Staselko K. I. An Intellectual in Contemporary Social Space	23
Barakhvostov P. A. The Realization of the Principle of Political Conditionality within the Eastern Partnership	33

HISTORY

Liauko V. M., Sidarovich V. M. Roman Coins from the Hill Fort and Settlement near Kardon in the Belarusian Dzvina Region	43
Voronenko O. V. Silicone Artifacts of the Settlement of the Final Paleolithic–Mesolithic near the Village of Zborov in Rogachev Region, Gomel Oblast	50
Nekrashevich P. A. The Finnish Detached Corps of the Russian Army (1815–1831)	60

LINGUISTICS

Zinevich N. V. Text Formation Potential of the Generalization Category in a Scientific Work	65
--	----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mazuryna N. G. Development Phases of Folk Song Variance in Belarusian Folkloristics	75
Gorbunov I. V. Museum or Panopticon: A History of Creating Wax Figures	83

LITERARY SCIENCE

Mikulich M. U. Poetry of Western Belarus: Unstudied Pages	90
--	----

LAW

Martynenko I. E. Public Policy in the Sphere of Historical and Cultural Heritage	101
---	-----

ECONOMICS

Nikitenko P. G. A Strategic Model of Noospheric Civilizational Development	111
---	-----

REVIEWS

Yelyntseva I. V. A Fundamental Publication on Word Formation: About the Dictionary of Word Formation Affixes in Modern Russian	123
---	-----

BELARUSIAN SCIENTISTS

Leonid Fiodorovich Yevmenov (To the 85th Birth Anniversary)	126
--	-----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 316.37

Поступила в редакцию 29.06.2017
Received 29.06.2017**И. В. Котляров***Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь***ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
(СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)**

Аннотация. Рассмотрена одна из наиболее значимых ценностей человечества – патриотизм применительно к его отечественной традиции, практике, современным проблемам и перспективам эволюции. Показаны научно-теоретические основы патриотизма как социальной реальности, этапы генезиса и осмысления, место в цивилизационной парадигме белорусского общества, социально-философские и духовно-нравственные императивы. В рамках цивилизационного кода белорусского общества на основе анализа состояния и тенденций развития патриотического сознания национального государства выявлены основные подходы к пониманию важнейших факторов и приоритетов политики по патриотическому воспитанию, обеспечению безопасности Республики Беларусь в связи с появлением новых рисков, вызовов и угроз ее безопасности. Для нашей страны патриотизм становится важнейшим фактором обеспечения независимости и самобытности, добра и процветания, безопасности и внутривнутриполитической стабильности, силы и могущества. Патриотизм как система основополагающих ценностей и идей, целей и интересов общества детерминирует единство ценностных ориентаций как отдельного индивида, так и государства в целом, интегрирует множество смыслов различных социальных и конфессиональных, этнических и иных групп как социальной реальности. Утрата патриотических качеств и ценностей ведет к потере национальной идентичности и самобытности, утрате смысла и цели развития государства, справедливости и нравственности в нем.

Ключевые слова: патриотизм, цивилизационный код, парадигма действий, социальная реальность, патриотические ценности, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война, социологическое измерение, историческая память, смысл и цель развития, героические традиции, социализация, ценностные ориентации, пограничные войска

Для цитирования: Котляров, И. В. Патриотизм как социальная реальность белорусского общества (социологическое измерение) / И. В. Котляров // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 7–15.

I. V. Kotlyarov*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***PATRIOTISM AS SOCIAL REALITY OF BELARUSIAN SOCIETY (SOCIOLOGICAL DIMENSION)**

Abstract. The article explores one of the most significant human values, i.e. patriotism, from the viewpoint of the Belarusian tradition of patriotism, practice of patriotism, modern problems and evolution prospects; it proposes theoretical and scientific basis for patriotism as social reality, identifies stages of genesis and comprehension, and the place of patriotism in the civilizational paradigm of Belarusian society, and sets socio-philosophical, spiritual and moral imperatives. Within the framework of the civilizational code of Belarusian society and based on the analysis of the state and development trends of patriotic consciousness in a nation state, the article identifies main approaches to understanding the most important factors and priorities in the patriotic education policies and ensuring security of the Republic of Belarus, as new risks, challenges and threats to its security have emerged. For Belarus, patriotism becomes the most important factor in ensuring independence and identity, virtue and prosperity, security and domestic political stability, strength and power. Patriotism as a system of fundamental values and ideas, goals and interests of society determines the unity of value orientations for both an individual and the state as a whole, and integrates multiple meanings of various social, confessional, ethnic and other groups as social reality. Loosing patriotic qualities and values leads to loosing national identity and uniqueness, the meaning and purpose of the state development, and justice and morality in the state.

Keywords: patriotism, civilizational code, paradigm of action, social reality, patriotic values, patriotic education, Great Patriotic War, sociological dimension, historical memory, meaning and purpose of development, heroic traditions, socialization, value orientations, border troops

For citation: Kotlyarov I. V. Patriotism as Social Reality of Belarusian Society (Sociological Dimension). *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 7–15 (in Russian).

Одной из важнейших задач современной науки является создание такой парадигмы конкретных действий, которая позволит не только анализировать причины будущих изменений, но и определять смыслы и ориентиры конкретных действий, предлагать сценарии социальной деятельности, выяв-

лять причины, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения, поддерживать заслуживающие внимание инновации, формировать эффективные модели власти и гражданского общества, институты рыночной экономики и правового государства.

Как показали многочисленные социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, интегрирующим инструментом управления многомерными социальными процессами, происходящими в белорусском обществе, может стать его цивилизационный код. Эта дефиниция достаточно популярна у западных и восточных соседей, но в нашей стране о ней знают мало. Поэтому возникает множество вопросов: что такое цивилизационный код, в чем он выражается, как его определить, охарактеризовать, изучить, измерить? Можно ли на него целенаправленно воздействовать, если можно, то кем и как? Важно определить парадигму формирования цивилизационного кода, его важнейшие составляющие, постоянно использовать их в управлении социальной реальностью.

Прежде всего, важно дать определение цивилизационного кода. По моему мнению, это исторически сложившаяся система (набор) знаков, символов, средств антропологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), элементов самовыражения, своеобразных маркеров, формирующих социальное пространство национальной реальности и благодаря которым передается социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в преемственности людей, которые адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы [1].

Главная установка цивилизационного кода – это наличие определенного комплекса самобытных, доминирующих в обществе ценностей и смыслов, взглядов и традиций, форм общения и социальных укладов, исторической памяти и мировоззрения, поведенческих форматов и знаний, умения и навыков. Именно они детерминируют развитие нации и общества, передаются из поколения в поколение через образование и обучение, позволяют решать многочисленные проблемы, справляться с рисками и вызовами, сами формируются в процессе исторического цивилизационного развития, интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания [1].

Код помогает предложить четко очерченную смысловую модель действий. Это очень важно для тех, кто принимает политические и управленческие решения. Их действия не должны быть хаотичными. Они обязаны отвечать на вопросы: почему это делается так, а не иначе, почему это работает, а это не работает и на что делать ставку, а на что ставку не делать? Код помогает найти дорогу к будущему с учетом современности и традиций прошлого.

Что входит в структуру цивилизационного кода? Цивилизационный код предполагает при всех экономических и идеологических, политических и социальных различиях набор определенных смыслообразующих факторов, характерных черт, фундаментальных ценностей, долговременных признаков, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик, исторических традиций, особенностей ментальности. Среди них основополагающие, системообразующие психологические характеристики, связанные с определенными поведенческими и ментальными стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, различными социальными и идеологическими ориентациями [1].

В рамках цивилизационного кода социальную реальность можно понимать в качестве связанного множества смысловых моделей, предстающих перед людьми как результат и цель их социальных действий, позволяющих приобретать новые знания, открывать новые горизонты социальных возможностей и прогресса. Социальное знание движется от уровня философской рефлексии к уровню обыденного здравого смысла, подлежащего рефлексии, и потом к социальной реальности.

Одними из важнейших составляющих цивилизационного кода любого общества являются национальные ценности и идеалы, которые образуют его духовную, нравственную, мировоззренческую основу. Постоянно возникает вопрос: какими национальными ценностями обладают белорусы? Социологические исследования показывают, что патриотизм, любовь к Родине, своему народу, служение Отечеству являются высшими духовными ценностями белорусского общества. Для нового поколения граждан независимого белорусского государства характерны чувство собственного достоинства и трудолюбие, толерантность и отзывчивость, доброта и способность к состраданию, взаимопомощь и взаимовыручка. И все же, как показывают многочисленные социологические исследования, одним из смыслообразующих факторов современного белорусского общества является патриотизм.

«Пришло время выделить то, что станет объединяющей всех граждан белорусской идеей, в которую поверят все – от академика до крестьянина», – подчеркнул Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Он считает, что «ее основанием является патриотизм, готовность беречь свое наследие. А эти чувства не передаются на генетическом уровне. Их нужно формировать через интерес к истории и культуре своего народа» [2].

После распада Советского Союза, уничтожения многих базовых ценностей советского народа, целенаправленной попытки уничтожения тысячелетнего цивилизационного кода нашей страны дефиниция «патриотизм» была совершенно не престижной. Для многих «свядомых» стало модным уезжать за границу и оттуда поливать грязью все чистое и святое, что раньше окружало их, всех тех, кто поднял и поставил их на ноги, все то, что называется Родиной – малой и большой. Изгоями становились те, кто отдавал свою жизнь на полях сражений. На защиту патриотизма грудью встали многие честные люди. И первым среди них был Президент Беларуси. Именно он потребовал: «Фронтовики, наденьте ордена!».

И все же что такое «патриотизм»? Существует много определений. Одни исследователи считают, что патриотизм – одно из высших человеческих чувств, моральная позиция, выражающая любовь к Отчизне, гордость за ее успехи и достижения, уважение к историческому прошлому, культурным традициям, в готовности прийти на помощь в трудные времена, отстоять ее независимость от завоевателей, пожертвовать жизнью за ее независимость и свободу. В современной социологии есть мнение, что патриотизм – это любовь к Отечеству, преданность ему, стремление своими конкретными действиями служить его интересам, постоянная готовность личности к защите Родины [3; 4]. Некоторые убеждены, что любовь к березке под окном дома, где прожита вся жизнь, – это тоже патриотизм, что, в принципе, верно.

Дефиниция «патриотизм» берет начало из далекого прошлого, когда предки вели бесконечные войны за свободу и независимость Родины от чужеземцев. В те далекие времена это слово имело сакральный смысл. Любое военное действие начиналось с речи полководца, который утверждал, что каждый воин, стоящий в военном строю и идущий на возможную гибель, выполняет долг перед Родиной. Воины, зная о гипотетической смерти, шли в бой с мыслью, что Родина – это их мать. Отдать жизнь за Родину – значит отдать жизнь за родных, близких, свою семью. Для воинов считалось позорным оставить поле боя. В военных походах и сражениях формировались любовь к Родине и взаимовыручка, товарищество и смелость, героизм и презрение к смерти во имя Отечества. Данными качествами должен обладать каждый сознательный человек и сегодня. С тех далеких времен патриотизм – особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране, где родился и вырос, где тебя приняли и полюбили.

На современном этапе развития белорусского общества патриотизм способен дать новый импульс духовно-нравственному развитию народа, воспитанию молодежи, модернизации экономики. Государственно-патриотическая идея пронизывает всю деятельность государственных органов по созданию нового облика белорусского общества, его Вооруженных Сил, укреплению обороноспособности страны.

Важным фактором патриотического воспитания в белорусском обществе является укрепление любви к своей стране, ее культуре и образу жизни. Перед вторжением в Россию много лет назад Наполеон утверждал, что это государство уже пятьдесят лет пытается оказывать влияние на европейскую жизнь, что, по его мнению, недопустимо. У нас же в свое время многие преклонялись перед жвачкой и джинсами, джазом и вообще западным образом жизни, недостающие эмоции пытались восполнить целенаправленно навязываемыми погоней за модой и азартными играми, наркотиками и пьянством, футбольным фанатизмом и другим экстримом. Теперь, наконец, поняли, правда, с большим опозданием, что многие наши неудачи возникли в результате целенаправленной пропаганды нашими политическими оппонентами неуважения к нам, нашей истории и современным реалиям. Поэтому пониманию важности патриотизма, его сущности и смысла, разработке теоретических основ, практическому внедрению ценностей в жизнь сегодня в Беларуси придается огромное значение.

Научные сотрудники Института социологии НАН Беларуси задали вопрос жителям страны: «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?» и получили следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для вас значит быть патриотом Беларуси», %

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question "What does being a patriot of Belarus mean to you?", %

Вариант ответа	%
Преданность Беларуси	33,5
Готовность жить и работать только в Беларуси	30,4
Готовность в трудные времена защищать Беларусь, даже рискуя собой	26,5
Активная деятельность на благо Беларуси	24,6
Уважение культуры народов, живущих в Беларуси	24,5
Любовь к белорусской культуре и языку	19,3
Любовь ко всему белорусскому	18,8
Уважение государственных символов Беларуси	15,5
Предпочтение товаров белорусского производства	7,1
Стремление разговаривать на белорусском языке	4,7

Как следует из табл. 1, белорусскому национальному сознанию свойственны идея патриотизма как высочайшей ценности Отчизны, уважительное отношение к родному краю, забота о сохранении и приумножении его богатств. Идеалы и традиции, любовь к Родине, с особой силой проявившиеся в годы Великой Отечественной войны, являются высшей морально-нравственной ценностью современного белорусского общества, основой воспитания подрастающего поколения.

Патриотизм как социально-нравственная категория предполагает любовь людей к малой и большой Родине. Как показывают результаты многочисленных исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, патриотизм основан на любви к земле, на которой родился, на уважении к людям, среди которых вырос, к языку, на котором с детства говорил, на ответственном отношении к национальным традициям и обычаям, героическому прошлому Отечества. Трудно в Беларуси встретить человека, который не желал бы благополучия своим родным и близким, в целом малой Родине. Зарождаясь на любви к малой родине, патриотические чувства, пройдя ряд этапов формирования зрелости, возвышаются до общегосударственного патриотического самосознания, осознанной любви к Отечеству. Чем дальше гражданин от своего государства, родных мест, тем сильнее его ностальгические чувства. Однако рано или поздно каждый человек начинает отчетливо понимать, что он связан пуповиной с большой Родиной – Отчизной. Чем взрослее и нравственнее становится человек, тем отчетливее он понимает, что у него одна мать и одна Родина. Известный итальянский писатель и философ позднего Ренессанса Пьетро Аретино утверждал, «что лучше черствый хлеб есть у себя дома, чем множество блюд за чужим столом». «На родине у тебя – и прошлое и будущее. В чужом краю – одно лишь настоящее», – писал Лев Гиршфельд.

Можно ли формировать или воспитывать патриотизм? Хорошо известна формула: «Патриотами не рождаются – патриотами становятся». Формирование патриотизма базируется на трех системообразующих постулатах: памяти о славном прошлом; современных достижениях и успехах; вере в прекрасное будущее Родины.

Что формирует патриотизм? Важно выявить основные социальные механизмы, существенно влияющие на развитие ценностей белорусского общества, его цивилизационный код, формирующие идеалы и ценностные ориентиры граждан. Под механизмами формирования и развития структурных элементов цивилизационного кода можно понимать комплекс институтов, общественных и государственно-правовых отношений, которые с помощью различных методов, способов и средств, с учетом политических, социальных и экономических факторов воздействуют на возникновение, развитие и изменение цивилизационных параметров в целом и патриотизма в частности [1].

Формированию патриотических качеств в нашей стране уделяется особое внимание. Жители Беларуси прошли через многие войны и прекрасно понимают, что такое герой и что такое предатель, что такое подвиг и что такое трусость, что такое совесть и что такое подлость. Многочему в деле воспитания настоящих патриотов можно поучиться на примере Брестской крепости. Именно пограничники первыми дали отпор немецко-фашистским захватчикам, встав непреступной стеной

на их пути. Ни одна пограничная застава не сдалась на милость победителей. На западной границе Советского Союза начался крах плана молниеносной победы гитлеровской Германии. Героями-пограничниками, вставшими на защиту Родины, были сотни тысяч. Свыше двухсот из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В сражениях за Брестскую крепость и другие белорусские города и села ярко проявились и боевая доблесть войск, и мужество населения. Сегодня Брестская крепость-герой является символом патриотизма и мужества во всем мире.

Особое внимание в Республике Беларусь уделяется формированию патриотизма в Вооруженных Силах. Именно они, прежде всего, растят из маменькиных сынков настоящих мужчин, воспитывают у них гражданское мужество и национальную гордость. Вооруженные Силы Республики Беларусь – это сосредоточение волевой силы национального государства; оплот Родины; воплощенная храбрость народа; социальный институт чести, храбрости и самоотверженности.

Как показывают многочисленные социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, воинская служба требует огромного напряжения моральных и физических сил, а осознание ее важности способно и должно вдохновлять молодого человека на преодоление огромных трудностей во имя Родины.

Особый интерес для многих респондентов имеет служба на государственной границе. Как показывают социологические исследования, в современном белорусском обществе органы пограничной службы функционируют в режиме постоянного совершенствования. Динамичный характер всех социальных и технических модернизаций предъявляет новые требования к пограничникам. Им постоянно приходится действовать самостоятельно, принимать единственно правильные и ответственные решения в экстремальных ситуациях, быть творческими и инициативными, патриотически воспитанными и готовыми к самым непредсказуемым событиям.

Успешная защита рубежей государства реальна лишь при наличии высокого морального духа защитников, который формируется через осознание долга и гражданской позиции, личной ответственности за безопасность Отчизны. Глубокое осознание каждым пограничником личной причастности к защите Родины, ее рубежей, обеспечению мирной жизни и труда многих сотен людей, в том числе своих родных, близких и друзей, вдохновляет воинов на успешное выполнение боевых и специальных заданий.

Одним из важных социальных институтов формирования патриотизма является отечественная история как основа воспитания патриотов, а героика прошлого – как основа формирования гражданственности. «Наша история никогда не была красивой сказкой», – отмечал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. «Беларусь – перекресток европейских и азиатских дорог, по которому не раз прокатывались войны и интервенции. Но сколько ни пытались – никто не смог поработить этот мужественный народ. Благодаря вере и духовной силе предков Беларусь возродилась из руин, словно Феникс из пепла», – подчеркнул Глава государства [5].

Научные сотрудники Института социологии НАН Беларуси задали вопрос респондентам: «Какие события и/или исторические периоды Вы бы отметили как знаковые для белорусов?». Ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие события и/или исторические периоды Вы бы отметили как знаковые для белорусов», %
Table 2. Distribution of respondents' answers to the question "Which events and/or historic periods would you mark as significant for Belarusians?"; %

Вариант ответа	%
Период вхождения белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского (XIII–XVI вв.)	16,5
Период вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой (1569–1772)	11,3
Период вхождения белорусских земель в состав Российской империи (1772–1917)	11,7
Октябрьская революция 1917 г.	23,7
Присоединение к Беларуси западных территорий в сентябре 1939 г.	18,0
Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	68,2

Как следует из табл. 2, 68,2% респондентов убеждены, что победа в Великой Отечественной войне – это важнейшее событие в истории белорусского народа, что это Великая победа наших отцов и дедов, героический подвиг всего советского народа. Победа стала возможной только по-

тому, что война для белорусского, русского и других народов Советского Союза стала действительно Отечественной, продемонстрировавшей величайший патриотизм советского народа.

Социологические исследования показали, что Великая Отечественная война – в настоящее время единственное историческое событие, которое в значительной степени объединяет население нашей страны, России и бывших союзных республик, которое подавляющее большинство людей оценивает как выдающийся период советской истории, как событие, которое характеризует дух, мужество и характер великого советского народа [6].

Более того, белорусский народ оценивает Великую Отечественную войну как символ всего человечества, а ее итоги и последствия – как знаковые для Отечества. Историческая память о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом является системообразующим, основополагающим элементом духовного сознания белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление имеющихся проблем, решение стоящих перед ним экономических, социальных и политических задач.

Нападки на Великую Отечественную войну, ее ветеранов со стороны оппозиционных юродствующих политиков, писателей, журналистов наносят удар по смыслообразующему фактору белорусского общества, по его системообразующему каркасу. Уничтожить у внуков и правнуков память о Великой победе их дедов и прадедов – это значит сделать их манкуртами, не способными определить, что такое хорошо и что такое плохо, лишить их жизнь смысла и цели. Без прочного патриотического стержня немыслимо социально-экономическое и политическое развитие белорусского общества.

Перед государством, политическими структурами и гражданским обществом стоит сложная задача – сохранить эту память у юношей и девушек на долгие годы, постоянно формировать ее у подрастающего поколения. Все, кто способствовал Великой победе, от маршала до солдата, от партизана до труженика тыла, достойны любви, памяти и уважения. Забывая подвиги своих предков, человек теряет тот ценностный стержень, уникальный патриотический дух, который чтят и уважают во всем мире, но особенно в Беларуси.

Каждый четвертый респондент получает сегодня информацию о Великой Отечественной войне через систему образования. Респонденты отмечали, что у нас всегда были хорошие учебники истории, которые утверждали, показывали и доказывали, что советский народ – народ-победитель. А это рождало гордость за свою страну, свой народ и свою армию. В настоящее время учебники устарели, их качество резко ухудшилось. Поэтому Президент страны поставил задачу в максимально короткие сроки создать новые учебники по истории. Огромную гордость и радость всегда приносили школьные музеи. Сегодня, как утверждают многие эксперты, интерес к школьным музеям воинской славы у чиновников и руководителей учреждений образования резко снизился. Еще интересный момент: очень часто в школе предмет, который раньше назывался «военное дело», по самым разным причинам преподает девушка, которая никогда не нюхала пороха, а не боевой офицер, побывавший в горячих точках и прошедший испытание боем.

Первой малой Родиной для каждого ребенка является семья, дом и люди, которые его окружают и любят. Именно ими закладывается нравственность, которая определяет поведение человека от колыбели до савана. Ведь и колыбельные песни, и сказки, и рассказы старших членов семьи о Родине и ее героях – это именно то, с чего начинаются процессы социализации, постижения добра и зла, чести и бесчестия, красоты и безобразия. Постепенно, познавая окружающий мир, маленький человечек начинает понимать, что Родина – это не просто какое-то слово, написанное с большой буквы, что уважение и любовь к ней нельзя измерить никакими материальными благами. И ошибается тот, кто убежден, что через принятие каких-то законов можно изменить поведение человека, заложенное в нем с детства. В семье всегда воспитывались любовь к «Бацькаўшчыне» и моральная ответственность, гуманное отношение к человеку и социальная справедливость. Семья и сейчас остается главной ячейкой белорусского общества. На вопрос: «На Ваш взгляд, какие качества необходимо воспитывать у детей в семье?» сотрудники Института социологии НАН Беларуси получили следующие ответы (табл. 3).

Семья по-прежнему является важнейшей ячейкой белорусского общества. Но, к сожалению, в условиях недостатка и «сытости», глобализации и зомбирования некоторыми телеэфирами любовь к Родине, толерантность, терпимость к другим людям уже не находятся во главе «семейной турнирной таблицы», и это настораживает.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «На Ваш взгляд, какие качества необходимо воспитывать у детей в семье?», %
 Table 3. Distribution of respondents' answers to the question
 "Which qualities should, in your opinion, a family bring up in children?", %

Вариант ответа	%
Любовь и уважение к родителям, к старшим	76,6
Доброту, душевность, отзывчивость	65,5
Трудолюбие	60,3
Порядочность, честность	53,8
Самостоятельность, умение самому решать жизненные проблемы	51,1
Ответственность, чувство долга	40,2
Целеустремленность	37,1
Стремление к знаниям, образованию	35,8
Общительность, коммуникабельность	31,3
Законопослушность	30,5
Инициативность	27,1
Бескорыстие, неэгоистичность	24,0
Любовь к Родине	22,1
Предприимчивость, инициативность	21,6
Умение приспосабливаться к ситуации	19,2
Экономность, бережливость	19,0
Религиозность	11,8
Толерантность, терпимость к другим людям	11,8

В белорусском обществе, как показывают социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, активно используется патриотическое воспитание на героических традициях народа. Оно направлено на единение интеллектуальных, эмоциональных, волевых качеств личности с ценностями и смыслами народа, направляющими человека на созидательное совершенствование социально-политических реалий.

Патриотизм эффективно формируется при помощи важного фактора цивилизационного кода белорусского общества – национальных традиций. Они как корни локальных цивилизаций во многом детерминируют будущее, запечатлевая его «формат вечности», действуют вопреки переменчивому времени и социальным модернизациям.

За многовековую историю в белорусском обществе, армии и пограничных войсках сложились патриотические традиции. Воинские традиции – это устойчивые, исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение специфические формы отношений в виде порядка, правил и норм поведения личного состава, его духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной и других видов службы. Но самая главная традиция белорусского народа – это красный флаг Великой победы над Музеем истории Великой Отечественной войны, красные флаги победы над Брестской крепостью и «Линией Сталина», над колоннами демонстрантов 9 мая и 3 июля каждого года, в душах молодого поколения. Пока этот флаг Победы гордо реет над страной, можно быть уверенными, что украинские события в Беларуси не повторятся и кованые фашистские сапоги не будут грохотать по нашим улицам.

В белорусской армии и пограничных войсках для формирования патриотизма активно используются ритуалы. Под ритуалом понимается сложившийся на протяжении жизни многих поколений устойчивый вид общественных отношений, проявляющихся в символической форме, регламентированный общественным мнением и обычаями. Воинский ритуал – это исторически сложившаяся форма поведения военнослужащих при совершении воинских обрядов, торжественных и траурных церемоний. Воинские ритуалы служат закреплению и распространению воинских традиций.

Воспитание на традициях и ритуалах включает активное изучение героического пути и боевых традиций своего отряда или пограничной заставы с акцентом на примеры воинской доблести и героизма воинов; активное участие ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий в Афганистане и других «горячих точках» за пределами нашей Родины. Воинские ритуалы и традиции призваны вызывать у молодых людей глубокие патриотические чувства, гордость за свою страну, армию

и пограничные войска. Как показывают социологические исследования, воинские ритуалы имеют огромное социальное значение, оказывают целенаправленное идейно-политическое и эстетическое влияние на подрастающее поколение, например, подъем государственного флага Республики Беларусь на пограничной заставе. Пограничники, застыв в едином строю на рубеже независимой Беларуси, приветствуют государственный флаг, поднимающийся по флагштоку. В этот момент они отчетливо представляют ответственность за обеспечение безопасности государственного суверенитета страны, каждого ее жителя. Одним из важнейших ритуалов пограничных войск является отдача приказа на охрану государственной границы. Это боевой приказ Родины. Выполняя его, сотни, тысячи пограничников отдали свои жизни, сделали все, чтобы граница была неприкосновенной, был спокоен труд народа.

В последнее время в органах пограничной службы Республики Беларусь закрепились традиции проведения ритуала принятия военной присяги в знаменательных местах. Так, например, в Бресте данное мероприятие проводится в Брестской крепости, в Гродно – возле памятника Защитникам границы, в Минске – на площади Герба и Флага. Проведение данного ритуала в памятных, героических местах, местах национальной гордости, придает данному мероприятию особого рода значимость, вызывает у пограничников чувство гордости за героическое прошлое страны, воспитывает чувство любви к своей Родине – Республике Беларусь.

Большим и радостным событием в жизни каждой заставы является прием молодого пополнения. В дружную пограничную семью приходят новые люди, которым предстоит охранять государственную границу, беречь и умножать боевые традиции заставы. Перед командирами стоит важная и ответственная задача – сделать все, чтобы воины из числа молодого пополнения с первых же минут почувствовали, что они прибыли в родной дом, где их ожидают, где им рады, где ими будут гордиться.

На ряде застав встреча молодых солдат проводится у памятников героям-пограничникам. Помимо начальника заставы перед молодыми воинами выступают отличники учебы и службы, земляки героев, их родные, близкие и сослуживцы.

Для сохранения памяти о героизме и воинской доблести погибшим пограничникам в Беларуси установлены мемориальные комплексы. Одним из самых известных в СНГ является Брестский мемориальный комплекс героям «Стражам границы». В Гродно на пожертвования личного состава пограничных войск, общественных организаций и граждан, а также пограничных ведомств России, Казахстана, Молдовы, Кыргызстана возведен мемориальный ансамбль воинам-пограничникам Белорусского пограничного округа, погибшим в первые дни Великой Отечественной войны при обороне государственной границы.

Важным фактором формирования патриотизма в рамках цивилизационного кода белорусского общества является посещение мест боевой славы. Это важный урок патриотического воспитания. Пройдя дорогами дедов и прадедов, побывав на местах боев, орошенных их кровью, подростки, юноши и девушки совсем по-другому смотрят на историю Родины.

Как показывают социологические исследования, посещение мест боевой славы, памятников погибшим героям позволяет воссоздать яркие страницы отечественной истории, активно содействует патриотическому воспитанию. Эти славные места вызывают особого рода сопереживания и размышления, глубоко затрагивают сознание каждого человека. Они играют огромную воспитательную роль, содействуют формированию нравственных идеалов, прежде всего, у подрастающего поколения. Я всегда с особым чувством смотрю на пятилетнего мальчишку, который из всех сил, обгоняя родителей, бежит в Музей истории Великой Отечественной войны. У него в жизни будет еще много музеев. Но этот останется на всю жизнь. Ведь в этом музее частичка его цивилизационного кода, частичка Великого подвига и славы его предков.

К сожалению, многие соотечественники до сих пор так и не смогли посетить знаковые для белорусского общества места. Так, например, никогда не были в Брестской крепости – 30,3% респондентов, в Несвижском замке – 49,3%, в Мирском замке – 50,3%, на «Линии Сталина» – 66,5%, в Музее истории Великой Отечественной войны – 58,4%, на Августовском канале – 77,4% респондентов.

Понять и объяснить это практически невозможно. Ведь это пояс святынь белорусской земли, источник ее гордости, который незримо несет нас через века в будущее. Только безразличие некоторых чиновников, учителей, педагогов не дает детям, юношам и девушкам познать лучшее в нашей стране. Вспоминаю свое детство в г. п. Яновичи на самом северо-востоке Белорусской ССР. Мы, являясь школьниками, каждый год три-четыре раза ездили на экскурсии в Минск,

по местам боевой и трудовой славы, на новостройки промышленных гигантов, причем на приспособленном для перевозки людей грузовике. Теперь я понимаю: какой патриотический заряд приносили нам эти поездки. Ведь многие из нас впоследствии стали настоящими патриотами.

Для социологов неожиданностью явилась высокопрофессиональная и целенаправленная работа по формированию патриотических качеств, которую проводит Государственный пограничный комитет Республики Беларусь. По нашим наблюдениям, такая работа в ведомстве осуществляется достаточно эффективно. Государственный пограничный комитет занимает среди всех силовых ведомств самую активную позицию по формированию патриотизма среди военнослужащих. В самой структуре Госпогранкомитета Республики Беларусь созданы конкретные условия для формирования патриотизма: традиции и ритуалы, существующие у сотрудников, принятие присяги, атрибутика и др. Проводится большая работа по переводу социально-нравственных коллективных ценностей в личностные. Как результат пограничники, находящиеся на передовых рубежах Родины, готовы защитить ее грудью. Институт социологии НАН Беларуси заключил Договор о сотрудничестве с Институтом пограничной службы с целью совершенствования работы по формированию патриотических качеств у сотрудников органов пограничной службы.

Слова великого русского поэта Александра Пушкина

«Пока свободою горим,
пока сердца для чести живы,
мой друг, отчизне
посвятим души прекрасные порывы»

являются гимном патриотизму. Все граждане Беларуси должны помнить его и соответствовать ему. Это очень важно для молодой и независимой Беларуси.

Список использованных источников

1. Котляров, И. В. В поисках цивилизационного кода: социологические тренды / И. В. Котляров // *Иппокрена*. – 2016. – № 1. – С. 107–120.
2. Котляров, И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / И. В. Котляров // *Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. – 2016. – № 4. – С. 20–32.
3. Президент: История Беларуси никогда не была красивой сказкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.by/news/belarus/1145418>. – Дата доступа: 20.04.2017.
4. Котляров, И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – 286 с. – Т. 2. – 284 с.
5. Котляров, И. В. Социология перед новыми рисками и вызовами / И. В. Котляров // *Социологический альманах: науч. изд. / Нац. акад. наук Беларусі, Ин-т социологии / гл. ред. И. В. Котляров*. – Вып. № 7. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 6–11.
6. Президент Беларуси: наша история никогда не была красивой сказкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://n1.by/news/2014/01/09/573678.html#hcq=OVSh0nq>. – Дата доступа: 20.06.2017.
7. Котляров, И. В. Где живет патриотизм? / И. В. Котляров // *7 дней*. – 2017. – № 16. – С. 28.

References

1. Kotliarov I. V., “In search of civilization code: sociological trends”, *Ippokrena* [Hippocrena], 2016, no. 1, pp. 107–120.
2. Kotliarov I. V., “The civilizational paradigm of the Belarusian society: theoretical and methodological foundations”, *Vesti Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi, Seriya humanitarnykh navuk* [Proceedings of the National academy of sciences of Belarus, Humanitarian series], 2016, no. 4, pp. 30–32.
3. “President: history of Belarus has never been a beautiful fairy tale”, Available at: <https://www.interfax.by/news/belarus/1145418>, (accessed 7/02/2017).
4. Kotliarov I. V., *Politycheskaia sotsiologiia: teoriia, istoriia, metodologiia, metodika* [Political sociology: theory, history, methodology], Minsk Institute of Management, Minsk, BY, 2004, vol. 1, vol. 2.
5. Kotliarov I. V., “Sociology facing new risks and challenges”, *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological almanac], 2016, no. 7, pp. 6–11.
6. “President of Belarus: The history of Belarus has never been a beautiful fairy tale”, Available at: <http://n1.by/news/2014/01/09/573678.html#hcq=OVSh0nq>, (accessed 7/02/2017).
7. Kotliarov I. V., “Where does patriotism live?”, *7 dnei* [7 days], 2017, no. 16, p. 28.

Информация об авторе

Котляров Игорь Васильевич – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by

Information about the author

Igor V. Kotlyarov – D. Sc. (Sociol.), Professor, Director of the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by

Н. С. Щёкин

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

**ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА
ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ПРАВОСЛАВНОМ МИРЕ
(ОПЫТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)**

Аннотация. Автор исследует феномен традиционализма в становлении и развитии цивилизации православного мира как императива устойчивого развития восточнославянской цивилизации. Раскрывается диалектика традиций и инноваций в диалоге церкви и государства восточнославянской цивилизации. Рассмотрены концепции Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, соответствующие традиционалистскому пониманию исторического развития. Акцентированный анализ этих концепций позволил выявить не только философско-концептуальные основания традиционализма как специфической особенности православной цивилизации, но и обосновать социальный опыт взаимодействия диалога церкви и государства.

Ключевые слова: традиционализм, церковь, диалог церкви и государства, христианство, восточнославянская цивилизация, ценности, традиции

Для цитирования: Щёкин, Н. С. Традиционализм как концептуальное основание диалога церкви и государства в православном мире (опыт восточнославянской цивилизации) / Н. С. Щёкин // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2017. – № 4. – С. 16–22.

N. S. Shchekin

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**TRADITIONALISM AS A CONCEPTUAL BASIS FOR DIALOGUE BETWEEN THE CHURCH AND THE
STATE IN THE ORTHODOX WORLD (AN EXPERIENCE OF THE EAST SLAVIC CIVILIZATION)**

Abstract. In the article the author studies the phenomenon of traditionalism in the formation and development of the civilization of the Orthodox world as an imperative of the sustainable development of the East Slavic civilization. The dialectic of traditions and innovations in the dialogue between the church and the state of the Eastern Slavic civilization is explored. The article addresses concepts by N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontyev that correspond to the traditionalist understanding of historical development. The focused analysis of these concepts has made it possible both to identify the philosophical and conceptual foundations of traditionalism as a specific feature of the Orthodox civilization and justify the social experience of interaction between the church and the state.

Keywords: traditionalism, church, dialogue of church and state, Christianity, East Slavic civilization, values, traditions

For citation: Shchekin N. S. Traditionalism as a Conceptual basis for Dialogue between the Church and the State in the Orthodox World (An Experience of the East Slavic Civilization). *Vesti Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 16–22 (in Russian).

Введение. Исторически развитие христианства шло разными путями, и если в динамике западной традиции христианства можно выделить определенную внутреннюю логику, ведущую к секуляризации общества – Средневековье, Ренессанс, Реформация, Контрреформация, Просвещение, то восточной традиции была уготована иная судьба, связанная не только и не столько с имманентными ей закономерностями, но прежде всего с внешними деструктивными факторами – сложным «выбором веры» князем Владимиром, гибелью Византии как идейной опоры древнерусского православия, татаро-монгольским нашествием, что, несомненно, повлияло на замедление процесса секуляризации. Но что знаменательно: это «замедление» обусловило актуальность для возникавшей светской культуры религиозной проблематики, прежде всего это проявилось в литературе, искусстве и философии.

Основная часть. Различие исторического развития христианского Запада и Востока проявляется в их мировоззренческой интенции. Для человека Запада свойственна, используя терминологию К.-Г. Юнга, экстравертивная ориентация, которая выражается в его стремлении к эффективности своей деятельности и измерению ее результатов по критериям практического успеха. В то же время, как отмечает М. А. Можейко, «важнейшим аспектом православной культуры является ее интенция на формирование личности особого типа, а именно – личности, ориентированной на сохранение самотождественности и духовной автономии в социально-политических

и духовно-идеологических контекстах и вместе с тем нацеленной на индивидуальную ответственность за судьбы мира» [1, с. 38]. Восточнославянская цивилизация не знала ни схоластики, ни Ренессанса, ни буржуазных революций, поднимающих из глубин веков демократию греческого полиса и римское право. При этом, «отрицая античную философию, восточные Отцы Церкви доказывали, что к Богу ведет только один путь, и путь этот – созерцание собственной души» [2, с. 39], что предполагало наличие в их религиозном опыте определенного мистического элемента.

Историческая судьба любого народа – следствие взаимодействия многообразных объективных и субъективных факторов общественного развития, сложной диалектики объективных закономерностей и основанных на интересах, воле, целях людей их социальных действий.

Обратим внимание, что в современном общественном сознании существует приобретенное популярность мнение, что XXI в. станет свидетелем «столкновений цивилизаций» как проявления объективной исторической закономерности и что будущее демократических и толерантных государств Запада находится под угрозой со стороны государств незападного мира, исповедующих «авторитарные», западные ценности. Есть все основания скептически относиться к таким взглядам, поскольку в них преувеличиваются различия между «группами цивилизаций» и игнорируется сходство между ними. На наш взгляд, не существует четкого исторического раздела между «толерантным и демократическим» Западом и «авторитарным» Востоком, поскольку в таком случае следует признать, что Платон и блаженный Августин были не менее авторитарны в своих суждениях, чем Конфуций и Каутилья. Об этом свидетельствуют данные недавнего социологического опроса, согласно которому «население мусульманских стран высказывается в поддержку демократических ценностей в такой же степени, как и жители немусульманских стран» [3, с. 7].

Асимметрия норм осуществления политической власти и норм общечеловеческой морали, закрепленных в христианской религии, подкрепленная культурными предрассудками, способна обернуться серьезными ошибками в практике социального управления. Эта асимметрия проявилась в 40-х гг. XIX в., когда разразился голод в Ирландии. В то время в Англии было широко распространено мнение, что нищета в Ирландии вызвана ленью, безразличием и неумной корыстью ее жителей. Именно поэтому, по убеждению правительства, предназначение Англии заключалось не в том, чтобы облегчить бедственное положение Ирландии, а в том, чтобы привести ее народ к цивилизации и руководить им, пока ирландцы не станут ощущать себя англичанами и действовать согласно установленным правилам и принципам Великобритании.

Сходное использование цивилизационных и культурных форм в политических целях можно обнаружить в истории взаимоотношений западных империй с их колониями в Азии и Африке. Знаменитое замечание У. Черчилля о том, что голод в Бенгалии в 1943 г. был вызван тем, что местное население «размножается, как кролики», можно отнести к общей традиции западных лидеров возлагать вину за собственные управленческие просчеты на жертвы колониального правления.

Следует отметить, что индикаторы, используемые для анализа проблем цивилизационного развития, не всегда аргументированы, а тенденциозная подборка исторических фактов, которые призваны обосновывать тезис о столкновении цивилизаций, чрезмерно усиливает существующие контрасты. В работах этой тематики, как правило, не обращается внимания на гетерогенность субцивилизационных структур, с присущим им многообразием этносов, религиозных общин, землячеств, существующую внутри каждой цивилизации взаимную обусловленность их культур. Тем самым на базе нового материала проводится старая, обладающая статусом доктринальной установки точка зрения на универсальность различия как основную характеристику взаимоотношений цивилизаций, на фоне которой все прочие способы социально-культурной идентификации людей являются вторичными. Другие отношения, например отношения между обладающими властью и подвластными, между имущими и неимущими, приверженцами различных политических убеждений, представителями разных конфессиональных групп, нивелируются. В итоге артикуляции различий в теории в современной общественной практике оборачивается опасностью нагнетания подозрительности по отношению к представителям иных рас, наций, религий (что наблюдается в наши дни в отношении мигрантов в странах Запада) и может способствовать разжиганию реальных конфликтов в современном мировом сообществе.

Развивая мысль об историческом опыте традиционализма восточнославянской цивилизации, необходимо подчеркнуть, что характерная для нее культурная матрица существенно влияет на

развитие цивилизационного диалога Востока и Запада. Исторический опыт свидетельствует, что восточнославянская цивилизация сохранила свои корни, свою самобытность только благодаря сформировавшемуся и прошедшему тернистый путь традиционализму. Но не только сохранила в нетронутном виде. Так, на первый взгляд православная церковь может претендовать только на глубокую традиционность, о чем свидетельствует традиционализм в ее учении, литургии, использовании символики. Однако по мере христианизации Руси возникает своеобразный духовный и культурный феномен, характеризующийся своеобразным синтезом греческого и языческого начал в восточнославянском православном мире. В результате сформировалось двуязычие, которое стало фактором бытового общения и культурной жизни [4, с. 10]. Это позволяет говорить о присущей традиционализму интенции к обновлению общества.

Белорусский философ Ч. С. Кирвель отмечает, что «стоит обратить внимание и на то, что в IX в. славянские народы оказались перед дилеммой культурного вступления в одну из двух частей христианского мира: в латинский Запад или греческий Восток. В целом они почти все предпочли Восток, признав своим выбором превосходство византийской духовной культуры» [5, с. 381]. Видимо, в сущности византийской духовной культуры и кроется тайна православия, которое сыграло главную роль в создании христианского государства, а не просто христианской церкви.

Данный исторический опыт подтверждает тезис, что общественная система восточнославянской цивилизации сохранила свою целостность благодаря сильной централизованной власти и ограничительной системе традиционных ценностей, которые и обусловили баланс личных и общественных интересов. В восточнославянской цивилизации «православная идея возложила на плечи тяжелейшую задачу – быть материальной силой, сохраняющей Церковь, сосредоточиться на Церкви как на своем метафизическом ядре» [5, с. 265]. По сути, идея традиционализма в структуре восточнославянской цивилизации основывается на идее «православного царства» (христианской империи) и неразрывно связана со становлением и развитием России как духовного центра «русского мира».

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к философским изысканиям таких мыслителей, как Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, консервативная интерпретация философии истории которых в последнее время не раз была предметом всестороннего анализа. Многие идеи консервативной историософии нашли свое развитие также в евразийстве, они обнаруживают себя в современном русском философско-историческом сознании, в частности, если говорить о современности, у известного российского философа А. С. Панарина.

Во второй половине XIX в. в философско-исторической науке доминировал взгляд на развитие общества как процесс прогрессивного перехода к более совершенному его состоянию. Методологической основой такого подхода являлась философия Г. В. Ф. Гегеля, рассматривающая развитие общества как диалектический процесс становления объективного духа, реализующийся через деятельность исторических народов, прежде всего романо-германских. В то же время идея социального прогресса имела оппонентов, к числу которых, несомненно, относился Н. Я. Данилевский. В понимании общественно-исторического развития он исходил из признания того, что поступательное движение общества нельзя рассматривать как переход от древней истории к средневековой, а затем к Новому времени. По его словам, развитие общества проявляется не в том, чтобы всем «идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее историческое поприще человечества, исходило в разных направлениях» [6, с. 87]. Ориентируясь на принципы религиозного мировоззрения, русский мыслитель устанавливает иерархию ценностей, которой должен придерживаться русский человек: Бог, Его святая церковь, интересы, связанные с защитой и развитием своего культурно-исторического типа [6, с. 127].

Определяя своеобразие того или иного культурно-исторического типа, Н. Я. Данилевский стремится к «установлению тех общих категорий, под которые подводились бы естественным образом все стороны народной деятельности» [6, с. 471]. С его точки зрения, таких «высших рядов», признаваемых в качестве главных критериев подобного деления, четыре. Во-первых, деятельность религиозная, составляющая «живую почву всего нравственного поведения человека»; во-вторых, деятельность культурная, определяющая отношения человека к внешнему миру на теократическом (научном), эстетическом (художественном) и техническом (промышленном) уровнях; в-третьих, политическая деятельность, объемлющая взаимоотношения людей как членов одного народного целого и отношения этого целого к другим народам; в-четвертых, деятельность общественно-эко-

номическая, определяющая способы и условия пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их [6, с. 471–472]. По мнению Н. Я. Данилевского, в своем развитии локальные цивилизации не смогли в полном объеме реализовать заложенные в них потенции, поэтому остается надежда на возникающий славянский культурно-исторический тип, в первую очередь на Россию как наиболее последовательную его представительницу. Н. Я. Данилевский стремится доказать, что эти надежды имеют под собой прочное основание, он вслед за славянофилами отмечает особую религиозность русского народа, являющегося главным хранителем «истины православия». Отсюда следует важный в плане рассмотрения нашей темы вывод, что религиозная деятельность «составляет принадлежность славянского культурного типа, и России в особенности» [6, с. 482]. В итоге рассмотрения вопроса Н. Я. Данилевский приходит к выводу, что в отличие от других локальных цивилизаций формирующийся славянский культурно-исторический тип впервые в истории представляет синтез всех сторон народной деятельности и, следовательно, «будет первым четырехосновным культурно-историческим типом» [6, с. 508]. Поэтому, по его мнению, в результате творческих усилий славянских этносов, и прежде всего русского народа, односторонние начала прежних цивилизаций заменятся гармоничным сочетанием основных сфер народной деятельности, в итоге появится совершенное общество, насколько оно вообще возможно в рамках земного существования. Этими глобальными задачами и предопределяется особая роль России в главном потоке всемирной истории.

Отсюда, продолжает русский мыслитель, проистекает своеобразие геополитической ситуации и задачи России как православного центра, ибо каждый культурно-исторический тип имеет «естественную склонность расширять свою деятельность и свое влияние, насколько хватит сил и средств» [6, с. 305]. Так, Европа, или германо-романская цивилизация, отмечает он, стремится подчинить своим интересам славянские государства, причем данная политика проводится под эфемерным лозунгом приобщения «отсталых» народов к ценностям общечеловеческой цивилизации. В действительности, следует авторское заключение, Европа стремится к ослаблению православного мира, к преодолению самобытных черт культур православно-славянской цивилизации.

Н. Я. Данилевский выделяет ряд специфических черт русского этноса, связанных с особенностями критериев славянского культурно-исторического типа, сохранение которых необходимо для его развития. Духовным стержнем русского народа является православие, хранительницей которого выступает Русская православная церковь. Народный дух также опирается на здоровый консервативный инстинкт, способствующий сохранению национального самосознания и культурной самобытности. Следует отметить, что согласно автору работы «Россия и Европа» русский народ характеризуется особым отношением к государству, доверием и любовью, которые он питает к своим государям, что особенно проявляется в кризисные моменты отечественной истории. Государство же, на что обращает внимание мыслитель, стремится поддерживать «дух народа». Так, в период смутного времени государство «восстановило народный дух, никаким правительством не руководимый» [6, с. 259]. Наконец, в русском народе отсутствует индивидуалистический эгоизм, он не утратил способности к подчинению своей воли высшим целям, а значит, своих нравственных достоинств. Народная солидарность имеет и вещественную основу, которую обеспечили себе русские в течение долгих веков, а именно «общинную форму землевладения» [6, с. 262].

Итак, православность, консервативность, государственность, общинность, по мнению Н. Я. Данилевского, являются непреходящими ценностями русской цивилизации. В их сохранении должен быть заинтересован каждый русский человек. В то же время Н. Я. Данилевский выступал против насильственного навязывания какому-либо народу чуждых ему традиций культуры, религии, чем часто грешит западная цивилизация. Претензии Запада на некий универсализм своих ценностей, их безапелляционный экспорт другим народам оборачивается неуважением к чужой для них истории других народов.

Немаловажное значение в данном контексте для нас представляют историкософские взгляды К. Н. Леонтьева, которые формировались под влиянием Н. Я. Данилевского. Второй важнейший источник его мировоззрения – естественнонаучные представления, полученные в ходе обучения медицине. В интуициях К. Н. Леонтьева развитие живого организма точно так же, как и история локальных цивилизаций, состоит из трех периодов, диктуемых природной необходимостью. Это циклы первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения [7, с. 75]. Тем самым в методологии социально-гуманитарного познания он предстает как сторонник органицизма.

Соглашаясь с Н. Я. Данилевским в том, что не существует единого исторического процесса, что история складывается из неповторимых культурно-исторических типов, К. Н. Леонтьев предлагает усовершенствовать его классификацию прежде всего за счет введения оригинального христианско-византийского культурного типа. Византийский тип культуры, по мнению К. Н. Леонтьева, носил всеобщий характер и сменил на исторической арене культуру, свойственную греко-римской цивилизации. Именно с IX в. «византийская цивилизация утрачивает из своего круга все обширные и населенные страны Запада, но зато приобретает гению на Северо-Восток югославян, а потом и Россию» [7, с. 29].

Согласно его концепции первый этап усиления России относится к XV в., но в отличие от Западной Европы она тогда еще не вступила в период цветущей сложности, в силу этого идейное наследие византизма было ею усвоено «чище и беспрепятственнее». К. Н. Леонтьев определяет его следующим образом: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире византийский идеал не имеет такого высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом. Наконец, для Византии характерно “разочарование во всем земном”, он отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов» [7, с. 19]. Следовательно, адаптация духовных ценностей византийской культуры и установок эрастизма, предполагающих тесную связь светского и религиозного начал общественной жизни, но при ведущей роли государственной власти в их единстве [8, с. 41], соответствовала запросам формирующегося российского общества.

В то же время в организации повседневной жизни общества и образе жизни большинства населения византизм связан с утверждением приоритета духовного благополучия человека над его материальным благосостоянием. Отсюда особое значение придается эстетическому отношению к миру, противостоящему западноевропейскому утилитаризму. Вместо несбыточной надежды на всеобщее благоденствие народов, считает русский философ, византизм выступает как «сильнейшая антитеза идеи всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеобъемлемости и вседовольства» [7, с. 19]. И все же адаптация ценностей византизма не сводилась к их простому заимствованию, так как хотя византизм, согласно К. Н. Леонтьеву, – это своеобразный культурно-исторический тип, усвоенный Россией, но приобщение к нему шло не механическим, а творческим путем. Развивая самодержавный принцип, укрепляя православие, сохраняя сословный строй и неотчуждаемость крестьянских земель, Россия превращает византизм в политический идеал. Таким образом, последовательная защита византизма есть борьба за сохранение как можно больше русского и православного.

В целом у К. Н. Леонтьева программа противодействия западному влиянию и сохранения самобытных национальных черт культуры отличается явной симпатией к традиционализму в организации общественной жизни. Об этом свидетельствуют лежащие в ее основе принципы: государство должно быть «сложным, крепким, сословным», но в то же время «подвижным», а правительство должно действовать «с осторожностью»; церковь должна быть независимой, ее иерархи должны быть смелее, властнее, сосредоточеннее, церковь должна «смягчать государство», а не наоборот; быт должен быть «поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве»; издаваемые светской властью законы должны быть строже, а люди должны стараться быть «лично добрее», при этом, что показательно, «одно должно уравновешивать другое»; наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе [7].

Интересно отметить, что в данной программе заложены не только охранительные начала, направленные на защиту как российских традиций, так и традиций формирующейся восточно-славянской цивилизации. В ней предусматриваются определенные новации в государственной и церковной жизни, в быте народа. Причем эти изменения в отличие от западного влияния органически развивают русские национальные начала.

Философия истории К. Н. Леонтьева в одном пункте, а именно в вопросе о критериях социального идеала, расходится с отечественной философской традицией, которая, по ремарке известного русского философа В. В. Зеньковского, как и вся «русская мысль, сплошь историософична» [9, с. 16]. В русской историософии всегда признавалась значимость эстетических оценок социальной жизни, однако они обычно являлись подчиненными по отношению к ее религиозно-нравственным характеристикам. В концепции К. Н. Леонтьева иная ситуация – в ней утверждается,

что настоящий славянский культурный идеал должен быть, скорее, эстетического, чем нравственного характера. Автор концепции пытался сгладить противоречия между эстетическими и нравственными оценками явлений в социальной сфере, однако в целом это ему сделать не удалось.

Заключение. Таким образом, концепции Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева соответствуют традиционалистскому пониманию исторического развития как поступательного и последовательного процесса социально-культурной динамики на основе восприятия, хранения и трансляции социально значимого опыта человечества. Если традиции свойственно охватывать социальное наследие со значимыми для общества ценностями, идеалами и нормами, то традиционализм можно рассматривать как систему идей, принципов и убеждений, утверждающих их определяющую роль в обеспечении стабильного и устойчивого развития социума. Следовательно, традиционализм выполняет методологическую функцию в общественном знании, а знание традиции позволяет выявить и охарактеризовать закономерности общественных процессов. Это относится и к общественному сознанию, развитие которого немислимо вне опоры на традицию и которое обладает имманентной способностью к объективации в социальной практике [10].

Значение традиционализма как явления духовной культуры состоит в свойственной ему интенции защиты духовных устоев, которая оказывается востребованной в период социальных кризисов. Ведь собственно традиционализм у восточных славян является императивом мощной государственности, способной выживать в крайне жесткой геополитической среде. Исторический опыт свидетельствует, что если государство в восточнославянской цивилизации лишается исторической памяти и начинается коррозия его ценностных оснований, то оно теряет опору в обществе и может быстро разрушиться. Именно традиционализм во многом способствовал наделению государства и государственной власти статусом легитимного и сакрального феномена. Это неудивительно для восточнославянской цивилизации, на всем протяжении существования которой деятельность православной церкви была тесным образом связана с государством и государственным строительством. И хотя религиозность необязательно находится в корреляции с традиционализмом и, тем более, не может быть редуцирована к фундаментализму, роль религиозных традиций в обеспечении стабильного функционирования государства или же в его дискредитации может быть существенной.

Список использованных источников

1. Можейко, М. А. Православная духовность и ценностные основания восточнославянской культуры / М. А. Можейко // Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира : материалы Междунар. науч. конф., Мин. духов. акад. при Св.-Успен. Жирович. монастыре, 14–15 мая 2015 г. / НАН Беларуси [и др.] ; науч. редсовет.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2015. – С. 35–38.
2. Замалеев, А. Ф. Восточнославянские мыслители: эпоха Средневековья / А. Ф. Замалеев. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 1998.
3. Доклад о развитии человека, 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире : пер. с англ. / С. Фукуда-Парр [и др.]. – М. : Весь мир, 2004.
4. Щёкин, Н. С. Самосознание белорусского христианского мира в цивилизационной динамике исторического развития / Н. С. Щёкин // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2008. – № 4. – С. 8–13.
5. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2008.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. – М. : Книга, 1991.
7. Леонтьев, К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев; сост., вступ. ст. И. Н. Смирнова. – М. : Парогъ, Моск. рабочий, 1993.
8. Гаджиев, К. С. Политическая философия / К. С. Гаджиев. – М. : Экономика, 1999.
9. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго [и др.], 1991. – Т. 1, ч. 1.
10. Новиков, В. Т. Проблема транзитивности и особенности объективации социально-гуманитарного знания / В. Т. Новиков // Философия и соц. науки. – 2016. – № 1. – С. 35–43.

References

1. Mozheiko M. A., "Orthodox spirituality and value bases of East Slavic culture", *Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Sviatoi kniaz' Vladimir i Kreshchenie Rusi: tsivilizatsionnyi vybor vostochnoslavianskogo mira"*, 14–15 maia 2015 [Proc. Materials of the International. Sci. Conf. "Sacred Prince Vladimir and the Baptism of Russia: the Civilizational Choice of the East Slavic World"], Minsk, BY, 2015, pp. 35–38.
2. Zamaleev A. F., *Vostochnoslavianskie mysliteli: epokha Srednevekov'ia* [East Slavic thinkers: the Middle Ages], SPb, RU, 1998.
3. *Doklad o razvittii cheloveka, 2004. Kul'turnaia svoboda v sovremennom mnogoobraznom mire* [Human Development Report, 2004. Cultural freedom in today's diverse world], Moscow, RU, 2004.

4. Shchekin N. S., “Self-Consciousness of the Belarusian Christian World in the Civilizational Dynamics of Historical Development”, *Vesnik Brestskaga universiteta. Ser. 1, Filasofiiia. Palitalogiia. Satsyialogiia* [Bulletin of the University of Brest. Ser. 1, Philosophy. Politics. Sociology], 2008, no. 4, pp. 8–13.

5. *Sovremennye global'nye transformatsii i problema istoricheskogo samoopredeleniia vostochnoslavianskikh narodov* [Modern global transformations and the problem of historical self-determination of East Slavic peoples], ed. Kirvel' Ch. S., Grodno, BY, 2008.

6. Danilevskii N., *Rossiiia i Evropa* [Russia and Europe], Moscow, RU, 1991.

7. Leont'ev K. N., *Izbrannoe* [Selected Works], Moscow, RU, 1993.

8. Gadzhiev K. S., *Politicheskaiia filosofiiia* [Political philosophy], Moscow, RU, 1999.

9. Zen'kovskii V. V., *Istoriia russkoi filosofii: v 2-kh t.* [History of Russian philosophy: in 2 vol.], Moscow, RU, 1991.

10. Novikov V. T., “Problem of transitivity and features of objectification of social and humanitarian knowledge”, *Filosofiiia i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2016, no. 1, pp. 35–43.

Информация об авторе

Щёкин Николай Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, руководитель центра политической и экономической социологии. Институт социологии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: lsst@socio.bas-net.by

Information about the author

Nikolay S. Shchyokin – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Head of the Center for Political and Economic Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus) E-mail: lsst@socio.bas-net.by

К. І. Стаселька

*Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ АСОБА Ё СУЧАСНАЙ САЦЫЯЛЬНАЙ ПРАСТОРЫ**

Анотацыя. Аналізуюцца сацыяльная роля і значэнне інтэлектуала. В частнасці, разглядаецца адлічце інтэлектуала ад інтэлігента, в том числе сацыяльнае. Показана сацыяльная гісторыя ўзнікнення катэгорыі «інтэлектуал» в рамках еўрапейскай і адчэсвеннага традыцыі. Аналізуюцца катэгорыя «інтэлектуал» в понимании прадставітэлей еўрапейскага науга. Выдэляюцца характарыстыкі і сацыяльныя функцыі інтэлектуала, а такжэ інтэлектуалав как сацыяльнага групы, пасле чэго выводіцца схама мабілізацыі агуства інтэлектуалам. Автор прыходіт к выводу, что в сацыяльным прастранстве інтэлектуал яўляецца тэм сацыяльным агентам, котарыа рэшае ілі прэаааа саправіцца с агуствэнна значымымі праблемамі, с котарымі другіе сацыяльныя агенты ілі інстытуцыі не спосабы саправіцца, в частнасці, в сілу адсутствія дастаточнага сімвалічэскага капітала лібо по інным прічынам, напрымер, связаным с вопросамі політычэскага характэра (борьбой за власть ілі ёё рэалізацыяй). Імэнна інтэлектуал блագодаря своему асобому сацыяльному палажэнню спосабен выяўлять і агуалізавать тэ ілі інныя сацыяльныя праблемы і канфлікты і імэнна он блագодаря налічыю неабходымых ресурсов, в частнасці сімвалічэскага капітала, спосабен прэтэндавать на рэшеніе этых праблем прасредством сацыяльнага мабілізацыі.

Ключевые слова: інтэлектуал, інтэлігент, легітымнасць, публічнае прастранства, функцыя, мабілізацыя, поле

Для цытавання: Стаселька, К. І. Інтэлектуальная асоба ё сучаснай сацыяльнай прасторы / К. І. Стаселька // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 23–32.

К. I. Staselko

*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***AN INTELLECTUAL IN CONTEMPORARY SOCIAL SPACE**

Abstract. The author analyzes an intellectual's social role and significance. In particular, he addresses the difference, including social difference, between intellectuals and intelligentsia. The author shows the social history of how the category 'intellectual' emerged within both European and Russian/Belarusian traditions. The article analyzes the category of intellectual as it is viewed by representatives of European science. Then the author identifies the characteristics and social functions of an intellectual and of intellectuals as a social group. After that, he displays a scheme of mobilizing a society by an intellectual. The author concludes that an intellectual is a kind of social agent in a social space who solves or attempts to cope with those socially significant problems which other social agents or institutions are unable to cope with, in particular, due to the lack of sufficient symbolic capital or for other reasons related to issues of political nature (struggle for power or its implementation). It is the intellectual who, due to his special social status, is capable to reveal certain social problems and conflicts and make them relevant, and it is the intellectual who, due to his having necessary resources, in particular, his symbolic capital, is capable to have pretensions to solving these problems through social mobilization.

Keywords: intellectual, intelligentsia, legitimacy, public space, function, mobilization, field

For citation: Staselko K. I. An Intellectual in Contemporary Social Space. *Vesti Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 23–32 (in Belarusian).

Гістарычны кантэкст з'яўлення інтэлектуала. Дыскусіі аб інтэлектуалах аднаўляюцца з некаторай перыядычнасцю як у акадэмічнай супольнасці, так і на больш шырокім узроўні. Пераважна прадметам падобных дыскусій выступае пытанне аб ролі і месцы інтэлектуала ё сацыяльнай і, перш за ўсё, палітычнай прасторы, а іх аднаўленне, як правіла, адбываецца ё кантэксте тых ці іншых агуальных падзей лакальнага альбо міжнароднага характэру. Часта немагчымасць прыйсці да кансэнсусу па гэтым пытанні звязана з размытасцю самага паняцця «інтэлектуал» і цяжкасцямі ё размежаванні яго з іншымі падобнымі катэгорыямі. Таму перш чым закрануць пытанне аб месцы інтэлектуала ё сацыяльнай прасторы, варта зразумець сутнасць гэтай катэгорыі. Для ўяўлення ролі і месца інтэлектуала ё сацыяльна-палітычных працэсах і фармулёўкі адэкватнага азначэння дадзенага паняцця неабходна разгледзець прычыны і месца, кажучы дакладней, сацыяльна-гістарычны кантэкст узнікнення не толькі паняцця, але самога асобы, якую называюць інтэлектуал.

Паміж даследчыкамі няма згоды адносна перыяду з'яўлення інтэлектуалаў. Так, напрыклад, Жак Ле Гоф адносіць час іх з'яўлення да сярэднявекі. Некаторыя даследчыкі называюць ранейшы перыяд з розніцай у некалькі стагоддзяў, а ў некаторых выпадках – тысячагоддзяў. Але можна з упэўненасцю адзначыць, што фігура інтэлектуала, як яна разумеецца сёння, з'яўляецца толькі ў канцы XIX стагоддзя ў сувязі са «Справай Дрэйфуса». Яна з'яўляецца знакавай падзеяй у гісторыі «інтэлектуалаў», а таксама Еўропы ў цэлым, таму варта разгледзець яе падрабязней, каб зразумець той вялікі ўплыў, які яна зрабіла на грамадства і з'яўленне фігуры інтэлектуала.

Так, у 1894 г. па справе ў шпіянажы абвінавачваўся капітан Альфрэд Дрэйфус. Судовы працэс адбываўся ў закрытым фармаце. У сувязі з недастатковай колькасцю доказаў судзі вагаліся пры вынясенні абвінавачага вердыкту. Таму з дазволу вайсковага міністра следчы падрабіў дакумент, які мог бы даказаць вінаватасць Дрэйфуса, а менавіта ліст германскага амбасадара, у якім пацвярджаўся факт шпіянажу Дрэйфуса на карысць Германіі. У выніку капітан Альфрэд Дрэйфус быў прысуджаны за шпіянаж і здраду айчыне да ссылкі яго ў Каену. Але ў хуткім часе ўзнікла меркаванне аб тым, што вынесены прысуд з'явіўся вынікам судовай памылкі. Так, нават была апублікавана невялікая кніга пад назвай «Судовая памылка». Яе аўтар спрабаваў даказаць невінаватасць Дрэйфуса. Меркаванне аб яго невінаватасці пачало пашырацца. Нават новы начальнік разведвальнага бюро, Жорж Пікар, выказаў сумненні наконт яго вінаватасці. Затым быў апублікаваны тэкст Эміля Заля «Я абвінавачваю». Справа Дрэйфуса атрымала публічны рэзананс. Усё грамадства Францыі падзялілася на дзве часткі: тых, хто яго падтрымліваў і патрабаваў яго апраўдання, і тых, хто быў супраць яго апраўдання і выступаў у абарону існуючай улады, якая і вынесла прысуд. Першых называлі – дрэйфусары, другіх – антыдрэйфусары. Але размова ішла не столькі пра канкрэтную судовую справу, колькі пра тую пазіцыю, якая панавала ў дачыненні ўлады і таго рэжыму, які ўсталяваўся. Так, чыноўнікі, міністры, генералы, вайсковыя чыны, клірыкі, нацыяналісты, антысеміты (Дрэйфус быў яўрэйскага паходжання) пераважна выступалі супраць Дрэйфуса. У той жа час левыя палітычныя сілы, сацыялісты, радыкалы выступалі ў падтрымку Дрэйфуса. Гэтая справа прывяла да вострых унутрыструктурных супярэчнасцей як у буйных інстытуцях, партыях, акадэмічных кафедрах і таму падобных, так і на мікраўзроўні, у сем'ях, паміж сябрамі, знаёмымі. Прыналежнасць членаў адной групы да таго ці іншага боку выклікала вострыя ўнутраныя, а таксама міжгрупавыя канфлікты. Павысілася грамадская актыўнасць, якая ў асноўным канцэнтравалася вакол гэтай справы. Рабіліся палітычныя акцыі, збіраліся подпісы, ствараліся адмысловыя арганізацыі. Актыўна была дастаткова высокая як з боку дрэйфусараў, так і з боку антыдрэйфусараў. Пазней высветлілася, што дакументы, на падставе якіх быў асуджаны Дрэйфус, былі сфальсіфікаваны. У 1899 г. адбыўся паўторны суд, так званы Рэйнскі працэс. У выніку гэтага працэсу ён быў таксама асуджаны, але атрымаў меншае пакаранне. А пазней быў памілаваны прэзідэнтам Лубэ. Але прыхільнікі Дрэйфуса выступілі за тое, каб давесці справу да канца. Так, у 1906 г. было праведзена дадатковае расследаванне, па выніках якога капітан Альфрэд Дрэйфус быў прызнаны невінаватым і апраўданы, ён нават атрымаў ордэн Ганаровага легіёна [10].

Менавіта з гэтымі падзеямі звязана ўзнікненне фігуры інтэлектуала. Можна адзначыць, што слова «intellectuel» у функцыі назоўніка не ўжывалася ў французскай мове да канца XIX стагоддзя, калі казаць дакладней, то да 1890-х гг. Пазней, пасля таго, як яго пачалі ўжываць такім чынам у 90-х гг. XIX стагоддзя, «intellectuel» пісалі курсівам або з вялікай літары. Гэта рабілася для таго, каб паказаць яго асаблівы характар, або тое, што гэта слова абазначае выдатных дзеячаў, пэўную асаблівую катэгорыю людзей. Спосаб напісання гэтага слова сведчыў, што як яно само, так і тыя, каго яно абазначае, выбіваліся з агульных нормаў і змагаліся за асаблівы сэнс. У хуткім часе гэтае слова набыло шырокае выкарыстанне і стала агульнапрынятым таксама дзякуючы таму, што Эміль Заля, у сувязі са «Справай Дрэйфуса», апублікаваў у газеце «L'Аurore» свой знакаміты ліст пад назвай «Адкрыты ліст Прэзідэнту Рэспублікі» (ён увайшоў у гісторыю пад назвай «Я абвінавачваю»). Адрэз на наступны дзень пасля публікацыі гэтага ліста была апублікавана калектыўная петыцыя, якую, у знак адабрэння тэксту Заля і патрабуючы перагледзець рашэнне па справе капітана Дрэйфуса, падпісалі

ўніверсітэцкія прафесары, студэнты, журналісты, літаратары, людзі мастацтва і многія іншыя. Тэрмін «інтэлектуал» увайшоў ва ўжытак пасля таго, як адзін з антыдрэйфусараў – Марыс Барэс – у сваім артыкуле назваў гэтую петыцыю «Пратэст інтэлектуалаў». Такім чынам, у гэтым можна бачыць цікавую асаблівасць. Першапачаткова найменне «інтэлектуал» мела абразлівы характар. Французскі сацыёлаг Шарль Крыстаф піша: «Сказаць у 1898 годзе: “гэтыя людзі – інтэлектуалы” – тое самае, што сказаць: “гэтыя людзі – дрэйфусары”, “гэтых людзей, што патрабуюць такіх рэчаў, адхіляе вялікая большасць французаў”» [10, с. 293–294]. Тут ужо змяшчаецца і ідэя іншадумства, і ідэя захопу ўлады. Гэты імпліцытны змест надае вельмі спецыфічную афарбоўку слову «інтэлектуал».

Лагічна можа ўзнікаць пытанне, чаму з’яўленне «інтэлектуалаў» звязваюць менавіта з гэтымі падзеямі, паколькі і да «Справы Дрэйфуса» можна назіраць шэраг выпадкаў, калі фігуры, валодаючыя вялікім сімвалічным капіталам і якіх можна было б назваць інтэлектуаламі, адыгрывалі вялікую ролю на палітычным полі. Так, да прыкладу, А. Ламарцін, В. Гюго, Ф. Шатабрыян, І. Тэн, Ж. Санд і многія іншыя выступалі з дастаткова значнымі палітычнымі дэкларацыямі ў тых ці іншых сацыяльна-палітычных дыскусіях. Так, Эміль Заля быў не першым і не адзіным. Гэта звязана з тым, што менавіта падчас «Справы Дрэйфуса» сацыяльныя агенты, якіх можна назваць інтэлектуаламі (значную частку дрэйфусараў, як было адзначана вышэй, складалі журналісты, універсітэцкія выкладчыкі, студэнты, мастакі, пісьменнікі), змаглі заявіць пра сябе як пра групу, якая асаблівым чынам вылучаецца сярод іншых груп. Гэта не група, якая складаецца з агентаў, што проста займаюцца інтэлектуальнай працай, гэта не група, што прадстаўляе журналістаў, мастакоў і іншых. Прадстаўнікі розных сацыяльных груп аб’ядноўваюцца, але фарміруюць абсалютна новую асаблівую групу на падставе той асаблівай дзейнасці, асаблівай пазіцыі, якую яны займаюць. Такім чынам, інтэлектуалы з’яўляюцца тады, калі яны здольны заявіць пра сябе як пра асаблівую групу [8; 10].

Адносна тых падзей, падчас якіх інтэлектуалы з’явіліся як група, Крыстоф Шарль адзначае наступнае: «Дрэйфусары былі вымушаны прыбягаць у сваёй барацьбе да такой зброі, як свядомы скандал, г. зн. сродкаў, якія парушаюць дапусцімыя нормы. Напрыклад, сцвярджэнне Заля ў яго лісце «Я абвінавачваю» грунтавалася проста на разумовых рэканструкцыях, зыходзячых з некалькіх ускосных улік. Такого кшталту сцвярджэнні траплялі пад катэгорыю дэфамацыі, тым больш, што Заля нападаў на вышэйшых службовых асоб дзяржавы і некаторых кіраўнікоў войску. Другі спосаб самасцвярджэння «інтэлектуалаў» выявіўся ў вышэйзгаданым лісце пратэсту, які з’явіўся для інтэлектуалаў накшталт пасведчання аб нараджэнні. Гэты ліст мусіў паказаць, што Заля не вар’ят: бо пра чалавека, які выказвае супраць іншых такія катэгарычныя абвінавачванні без усялякіх доказаў, заўжды можна сказаць, што ён вар’ят. Але не, Заля не вар’ят, паколькі за яго спіной стаяць прадстаўнікі славеснасці, прадстаўнікі прыродазнаўчых навук, а таксама члены Французскай акадэміі – Анатоль Франс, члены інстытута, прафесары Сарбоны – разумныя людзі, што займаюць ганаровае становішча ў грамадстве. Пасведчанне аб нараджэнні інтэлектуалаў грунтуецца перш за ўсё на калектыўнасці іх самасцвярджэння» [10, с. 294–295]. Гэта таксама звязана з тым, што каб адыгрываць пэўную ролю ў сацыяльна-палітычных працэсах дэмакратычнага грамадства, варта заявіць пра сябе як пра палітычную групоўку або партыю. Менавіта гэта спрабуюць рабіць інтэлектуалы, калі пачынаюць падпісваць і збіраць подпісы пад палітычнымі петыцыямі, калектыўнымі заявамі, што ў далейшым дае магчымасць ствараць аб’яднанні і рабіць крокі ў кірунку доўгатэрміновай дзейнасці. Сваімі выступленнямі інтэлектуалы паказваюць, што прафесійныя палітыкі не здольны цалкам спраўляцца з ускладненымі на іх абавязкамі. Сваёю дзейнасцю інтэлектуалы прарываюцца ў сферу палітычнага, уплываюць на ход падзей, чым ставяць пад пытанне легітымнасць прафесійных палітыкаў. Але можа ўзнікнуць пытанне, чаму гэтая група пачала фарміравацца менавіта ў сувязі са «Справай Дрэйфуса». Справа ў тым, што пытанне інтэлектуалаў з’яўляецца не проста пытаннем палітычнай пазіцыі, але таксама пытаннем каштоўнасцей. Менавіта таму гэта справа мела такое вялікае значэнне, бо яна закранула каштоўнае ядро, на якім базіравалася ў гэты перыяд французскае грамадства і якое мела шмат супярэчнасцей у сувязі з мінулымі рэвалюцыйнымі падзеямі. «Справа Дрэйфуса» сутыкнула прыхільнікаў правоў чалавека, тых, хто ставіць чалавека, яго свабоду і правы вышэй за дзяржаву,

з прыхільнікамі манархізму, якія ставяць дзяржаву вышэй асобнага чалавека. Такім чынам, сутыкнуліся дзве каштоўнасныя каардынаты. Так, першапачаткова слова «інтэлектуал» мела характар абразы і хутка ператварылася ў саманазву, далей слова «інтэлектуал» перастала абазначаць толькі групу дрэйфусараў, а пачало тычыцца асаблівай палітычнай групы, супольнасці, якая «набірала» сваіх людзей сярод тых, хто займаецца разумовай працай. Варта адзначыць, што непасрэдна пасля «Справы Дрэйфуса» пачалі ўзнікаць дыскусіі, у якіх выказваліся меркаванні адносна «канца інтэлектуалаў» і нават «зрады інтэлектуалаў». Такія меркаванні ўзніклі ў сувязі з тым, што некаторыя прадстаўнікі лагера дрэйфусараў пасля перамогі пачалі здраджаць тым прынцыпам і ідэалам, якія яны адстойвалі раней і якіх не прытрымліваліся пасля дасягнення ўлады. Так, напрыклад, дрэйфусар Ж. Клемансо, што быў рэдактарам газеты і апублікаваў «Я абвінавачваю» Э. Золя, стаўшы прэм'ер-міністрам, кідае за краты лідараў ВКТ – галоўнага прадстаўніка французскага прафсаюза, прыказвае страляць па працоўных, гвалтоўна падаўляе рух лангедокскіх вінаробаў [1; 8].

Дыскусіі пра інтэлектуалаў. Адзначым, што «інтэлектуалы» як група не знікае. У розныя перыяды часу, у сувязі з тымі ці іншымі падзеямі, іх роля то змяншаецца, то павышаецца. Так, у перыяд Першай сусветнай вайны пацыфісцкія пазіцыі, якія падзялялі інтэлектуалы, былі не вельмі папулярнымі сярод шырокіх колаў, што ў некаторай меры тлумачылася выбухам патрыятызму. Але ў апошні перыяд вайны, калі ахвяры і іх маштаб былі відавочныя, антывайсковыя пазіцыі пачынаюць набываць моц. У перыяд паміж дзвюма сусветнымі войнамі фігура інтэлектуала пачынае праяўляцца больш выразна. Гэты перыяд характарызуецца чатырма аспектамі. *Першы аспект* звязаны з папярэдняй крытыкай інтэлектуалаў, абвінавачваннямі ў элітызме, якія пазіцыянавалі сябе як асаблівую групу. З аднаго боку, элітарнасць групы інтэлектуалаў тлумачыцца невялікай колькасцю тых, каго магчыма «рэкрутаваць». Так, напрыклад, у Францыі да 1900 г. налічвалася 30 000 студэнтаў, да 1935 г. іх было ўжо каля 80 000. Прыналежыць у гэтыя часы да студэнцтва ўжо азначала прыналежнасць да элітарнай групы. Невялікая колькасць налічвалася і сярод прадстаўнікоў інтэлектуальных прафесій. З другога боку, у выніку падпісання петыцый, у прыватнасці, інтэлектуалы пазіцыянаваліся як альтэрнатыва грамадскай думкі і кіруючай эліты. У сувязі з большай адукаванасцю і выкананнем сацыяльных функцый бралася надзвычайная адказнасць за тое, што адбываецца ў грамадстве. Але такая пазіцыя супярэчыла як уласна іх прынцыпам, так і прынцыпам дэмакратыі, бо сведчыла аб прывілеяванасці пэўнай групы. У выніку інтэлектуалы пераконваюцца ў набыццё рэалізацыі дэмакратыі на практыцы, што магчыма з дапамогай асветніцтва і пашырэння адукацыі. *Другі аспект* звязаны з пытаннем партыйнай ангажаванасці інтэлектуала. Пачынаючы з 1920-х гг. і канчаючы 1960-мі гг. адбываліся вострыя спрэчкі адносна таго, ці можа інтэлектуал уступаць у палітычныя партыі, ці можа мець месца партыйны інтэлектуал. Так, у гэтай спрэчцы адна частка сцвярджала, што інтэлектуал мусіць быць партыйна неангажаваным. Другая частка адстойвала пазіцыю, адпаведна якой інтэлектуал – такі ж грамадзянін, як і іншыя, і да таго ж адзіная магчымасць эфектыўнай дзейнасці магчыма толькі пры ўступленні ў партыю. *Трэці аспект* звязаны са з'яўленнем новых сродкаў масавай інфармацыі. У перыяд паміж дзвюма сусветнымі войнамі пачынаюць актыўна развівацца радыё, а таксама кінематограф. Калі да газет і часопісаў доступ мелі многія інтэлектуалы, то да новых СМІ – значна меншая колькасць. Толькі самыя вядомыя і прызнаныя сярод інтэлектуалаў маглі выказаць сваю пазіцыю праз гэтыя медыя. У выніку адбываецца падзел, які ў далейшым усё больш павялічваецца, на «сапраўдных» інтэлектуалаў, якія валодалі вялікім сімвалічным капіталам і мабілізуемым патэнцыялам і маглі скарыстаць СМІ для пашырэння сваіх ідэй, і тых, хто не меў шырокага доступу да сродкаў масавай інфармацыі, дзейнасць якіх здзяйснялася пераважна ў невялікіх гуртках. У якасці *чацвёртага аспекта* можна назваць унутрыгрупавыя дыскусіі, дзякуючы якім адбываецца мабілізацыя інтэлектуалаў. На павестку дня выносяцца тыя ці іншыя тэмы, што мае немалаважнае значэнне, бо інтэлектуалы мелі вялікі ўплыў на грамадскую думку. Але з пачаткам Другой сусветнай вайны спрэчкі сярод інтэлектуалаў пераходзяць у фармат фізічнага знішчэння, калі правыя інтэлектуалы ўзвышаюцца, а левыя церпяць з боку вішыстаў. Затым сітуацыя змяняецца, і пасля вайны церпяць ужо правыя інтэлектуалы. Адны былі прысуджаны да смяротнага пакарання, другія – да турэмнага

зняволення, іншыя апынуліся ў маргінальным стане. Пасляваенны перыяд многімі аўтарамі называецца «залатым часам інтэлектуалаў», або «эпохай Сартра». Гэта звязана з тым, што пасля вайны ўзвышацца пачалі левыя інтэлектуалы, найбуйнейшай фігурай сярод якіх быў Жан-Поль Сартр. Яго папулярнасць была звязана з шматпрофільнасцю. Сартр быў інтэлектуалам-універсалам. Ён з'яўляецца вельмі папулярным пісьменнікам і ў той жа час прафесійным філосафам, чый аўтарытэт легітымізуецца яго пазіцыяй у акадэмічнай сферы, пацвярджаецца навуковымі ступенямі. Сартр піша раманы, навуковыя працы, артыкулы для газет і часопісаў, піша для тэатра і кіно, з'яўляецца рэдактарам часопіса, выступае па радыё. Гэта чалавек, які дазволіў сабе адмовіцца ад Нобелеўскай прэміі. Дадзеная пазіцыя, такі сацыяльны і сімвалічны капітал былі асабліва моцнымі з-за адсутнасці канкурэнтаў сярод правых інтэлектуалаў. Такая сітуацыя прыводзіць да таго, што група левых інтэлектуалаў радыкалізуецца, даходзячы нават да патрабаванняў рэвалюцыі, а таксама дыферэнцыруецца на больш дробныя групы, што адбываецца бадай да алжырскага крызісу [1; 4].

З канца 1970-х гг. зноў пачынаецца крызіс, калі ўзнікае пытанне: ці можа пры такіх умовах існаваць інтэлектуал? Калі так, то кім ён з'яўляецца цяпер? У першую чаргу гэты крызіс звязаны з усё больш актыўным развіццём новых сродкаў масавай інфармацыі. Тэлебачанне і радыё ўсё больш выцясняюць друкаваныя выданні, якія былі для інтэлектуалаў сродкам мабілізацыі грамадзянскай дыскусіі і месцам дэбатаў саміх інтэлектуалаў. Толькі невялікая колькасць інтэлектуалаў маюць доступ да новых медыя, але гэта хутчэй сродак павелічэння сімвалічнага капіталу таго або іншага агента. Месца каштоўнасных канфліктаў, якія былі ў падмурку сацыяльнай ролі інтэлектуалаў ад «Справы Дрэйфуса» на працягу амаль стагоддзя, у гэтых медыя змяншаецца. Зноў узнікае пытанне: што значыць быць інтэлектуалам? Гэтае пытанне паўстае асабліва востра ў сувязі з масавізацыяй вышэйшай адукацыі. Такім чынам, узнікае пэўны парадокс: з аднаго боку, колькасць людзей з вышэйшай адукацыяй, з дыпламам імгненна павялічваецца, а з другога – група інтэлектуалаў элітарызуецца, як ніколі дагэтуль, бо кола тых, хто здольны мабілізаваць грамадскую дыскусію, уплываць на грамадскую думку, змяншаецца да невялікай групы сацыяльных агентаў. Узнікае пытанне аб легітымнасці, а менавіта: каго прадстаўляюць і ад імя каго выступае гэтая невялікая група інтэлектуалаў? Яшчэ адна праблема звязана з крызісам саміх грамадскіх спрэчак, грамадскіх дыскусій. Шарль Крыстоф піша: «Па іх меркаванні (інтэлектуалаў), сама па сабе ангажаванасць выклікае вычварнасць ідэалаў: так, Пегі выкрываў у свой час перараджэнне містыкі ў палітыку. Але калі інтэлектуал абмяжоўваецца бяскрыўднымі і «кансэнсуальнымі» мэтамі, ці не адракаецца ён тым самым ад прынцыпаў дысідэнцтва, без якіх было спачатку наймаверным існаванне самога паняцця “інтэлектуал”? Дзеля агітацыі на карысць грамадскапрызнаных мэт лепш падыходзяць зоркі шоу-бізнесу запатэнтаваных інтэлектуалаў» [10, с. 315]. Узнікае пытанне, ці можа сёння ўвогуле існаваць канфлікт між каштоўнымі сістэмамі, ці магчыма выйсці па-за рамкі кансэнсусу па агульных пытаннях.

Але змяншэнне ролі інтэлектуалаў у грамадстве ў 1980-х гг. было з'явай не канчатковай, што паказалі падзеі 1990-х гг. і новае іх ўзвышэнне. З развіццём новых медыя, што тычыцца ўжо не тэлебачання і радыё, а інтэрнэту, узнікаюць новыя магчымасці для інтэлектуалаў, таксама адбываецца кардынальная трансфармацыя самой публічнай прасторы. У Францыі дагэтуль вялікі інтарэс да тэмы інтэлектуалаў, што праяўляецца не толькі на ўзроўні публічных дыскусій, але на даследчыцкім узроўні. Так, існуе шэраг даследчых структур, якія займаюцца дадзенай тэмай.

Хоць гісторыя ўзнікнення фігуры інтэлектуала непасрэдна звязана з Францыяй, але на працягу XX стагоддзя такая група, як інтэлектуалы, пачала фарміравацца і актыўна развівацца ў іншых краінах Еўропы, а таксама на іншых кантынентах. Так, дастаткова моцнымі былі гэтыя групы (акрамя Францыі) у Германіі, Італіі, Чэхіі, Польшчы, ЗША, краінах Лацінскай Амерыкі і іншых. Даволі часта інтэлектуалаў падзяляюць на левых і правых адпаведна палітычнай пазіцыі. Можна адзначыць, што сярод самых вядомых інтэлектуалаў пераважае месца займаюць левыя. Так, напрыклад, такія фігуры, як Жан-Поль Сартр, Андрэ Брэтон, Мішэль Фуко, Гі Дэбор, Ален Бад'ю і іншыя можна аднесці да левых інтэлектуалаў, многія з якіх з'яўляліся членамі французскай камуністычнай партыі (але пры гэтым не з'яўляліся прафесійнымі палітыкамі).

Да левых інтэлектуалаў можна таксама аднесці германскага навукоўца і інтэлектуала Юргена Хабермаса, італьянца Антоніа Негры, амерыканцаў Майкла Хардта і Наома Хомскага, славенца Славога Жыжыка, балгара Жэле Жэлефа і многіх іншых. Калі ў перыяд узнікнення інтэлектуалаў як групы кола праблем, на якія яны звярталі ўвагу, як правіла, абмяжоўвалася рамкамі краіны, у якой яны жывуць, то далей, з развіццём гэтай групы, у гэтае кола пачынаюць уваходзіць праблемы міжнароднага значэння. Такая асаблівасць яскрава праяўляецца сёння, напрыклад, калі разглядаць тэмы тэкстаў, дыскусій, каментарыяў, якія даюць сучасныя інтэлектуалы.

Катэгорыя «інтэлектуал». Калі звярнуцца да пытання аб разуменні катэгорыі «інтэлектуал», то нярэдка нават у навуковым дыскурсе да інтэлектуалаў адносяць навукоўцаў, пісьменнікаў, журналістаў, філосафаў і прадстаўнікоў іншых сацыяльных груп, якія прафесійна займаюцца разумовай працай, што выклікае блытаніну ў размежаванні паміж інтэлектуаламі і, напрыклад, інтэлігенцыяй, культурнай элітай альбо інтэлектуальнай элітай. Але калі разгледзець сацыяльныя функцыі гэтых, на першы погляд ідэнтычных сацыяльных груп, магчымасць іх размежавання ўяўляецца больш відавочнай. Так, Жан-Поль Сартр у сваім тэксце «Абарончая прамова на карысць інтэлектуала» адзначае, што звычайнага навукоўца нельга назваць інтэлектуалам. Інтэлектуалам нельга назваць, напрыклад, вучонага, які працуе над атамнай бомбай, таму што гэта толькі навуковец і не больш за тое. Але ў выпадку, калі навуковец, перакананы ў магчымасці небяспечных наступстваў выкарыстання атамнай бомбы, пачынае, напрыклад, пісаць маніфест, збіраць подпісы з мэтай папярэдзіць ці перашкодзіць прымяненню атамнай бомбы, то ў гэтым выпадку ён становіцца інтэлектуалам, бо выходзіць за рамкі сваёй кампетэнцыі як вучонага, які канструюе бомбу, і пачынае асуджаць яе прымяненне з іншых (не тэхнічных) пазіцый. Іншымі словамі, у дадзеным прыкладзе вучоны крытыкуе бомбу не за яе тэхнічныя хібы або тэхнічную недасканаласць, але ў абарону чалавечага жыцця, якое ў большасці сістэм каштоўнасцей з'яўляецца вышэйшай каштоўнасцю. Такім чынам, навуковец пачынае закранаць сферу каштоўнасцей, якая не ўваходзіць у сферу яго прафесійнай кампетэнцыі як навукоўца [6]. Сартр адзначае: «Саслоўе інтэлектуалаў – гэта людзі, якія сталі вядомымі, дзякуючы сваім навуковым працам (у галіне дакладных навук, прыкладных навук, медыцыны, літаратуры і г. д.), і цяпер злоўжываюць гэтай вядомасцю для таго, каб выйсці па-за межы сваёй сферы і крытыкаваць грамадства і існуючую ўладу ад імя глабальнай і дагматычнай канцэпцыі чалавека» [6]. Кажучы аб агентах, якія займаюцца разумовай працай, Сартр заяўляе аб тым, што яны знаходзяцца ў складанай сітуацыі. Дзяржава, кіруючыя класы – найбольш актыўныя спажывальцы або эксплуататары гэтай групы – робяць яе падмуркам сваёй гегемоніі. Гэта значыць перад пераважнай доляй інтэлігенцыі ўзнікае два шляхі (калі наогул пра гэта задумваецца): або працаваць на карысць кіруючага класа, прыняць дамінуючую ідэалогію і пры гэтым прыняць існуючы стан канфлікту і несправядлівасці, паставіць універсальнае на службу прыватнаму, а разам з гэтым кантраляваць сябе, стаць апалітычным, або пайсці на рызыку аспрэчваць пануючую ідэалогію і перастаць быць агентам пануючай групы [6; 11].

У Мішэля Фуко, які таксама ў якасці прыкладу прыводзіць фізіка-атамшчыка і пагрозу атамнай бомбы, такое азначэнне больш характэрна для інтэлектуала-спецыяліста. Фуко падзяляе, хутчэй па часовай прыкмеце, «інтэлектуала-ўніверсала» і «інтэлектуала-спецыяліста». Ён дае наступныя тры прыкметы, якія адрозніваюць інтэлектуала: асаблівы класавы стан, асаблівыя ўмовы жыцця і працы, а таксама асаблівая палітычная роля. Так, інтэлектуал-універсал быў пераважна пісьменнікам, вольным суб'ектам, які супрацьпастаўляў сябе толькі спецыялісту, які служыў дзяржаве або капіталу. Універсальны інтэлектуал быў усеагульным сумленнем, ён выступаў у якасці настаўніка праўды і справядлівасці і прэтэндаваў на тое, што яго павінны слухаць, як таго, хто прадстаўляе ўсеагульнае. У той час, як інтэлектуал-універсал у большай ступені з'яўляецца ганаровым заканадаўцам, носбітам усеагульных каштоўнасцей і значэнняў, інтэлектуал-спецыяліст узнікае з фігуры навуковага знаўцы пасля Другой сусветнай вайны [8]. Менавіта тады, на думку Фуко, інтэлектуал пакутуе ад палітычных праследаванняў не з-за агульных разваг, але з-за канкрэтных ведаў, носбітам якіх з'яўляецца інтэлектуал-спецыяліст. Менавіта на гэтым узроўні ён пачынае прадстаўляць палітычную небяспеку. «Калі ўніверсальны інтэлектуал браў на сябе ролю рупара ўніверсальных ісцін, свядомасці ўсіх, то пазней роля

інтэлектуала ўжо не ў тым, каб гаварыць астатнім што трэба рабіць, не ў тым, каб фарміраваць палітычную волю іншых, але ў выкрыцці таго, што здаецца звыклым і відавочным, у прыватнасці, выкрываць уладу там, дзе яна найменш прыкметная і відавочная», – адзначае Фуко [8, с. 205]. Адным з крытэрыяў аднясення сацыяльнага агента да інтэлектуала, згодна з Фуко, з'яўляецца здольнасць абстрагавацца, адмовіцца ад санкцыянаваных у дадзенай культуры матрыц, ад склаўшыхся ўстойлівых стэрэатыпаў мыслення.

Агент, які займаецца разумовай працай, іншымі словамі, прадстаўнік інтэлігенцыі, не задаецца пытаннем пра сэнс дзейнасці, якую ён выконвае, аб яе месцы, значэнні ў глабальным кантэксце, аб суаднесенні яе з іншымі сферамі дзейнасці. Спецыяліст, які разумее сваю функцыю, мэты, якія перад ім пастаўлены, дзейнічае адпаведна гэтаму, не выходзячы за межы сваёй кампетэнцыі. Як чалавек, як грамадзянін спецыяліст можа расстаўляць пэўныя прыярытэты, рабіць выбар, але як навуковец, прафесіянал ён устрымліваецца ад пытанняў, умоўна кажучы, пра дабро і зло, што і адрознівае яго ад інтэлектуала, які імкнецца, спрабуе выйсці за рамкі ўласнай прафесійнай кампетэнцыі. Інтэлектуал спрабуе знайсці сувязі паміж полем сваёй дзейнасці і іншымі сферамі чалавечага быцця. І гэта, як сцвярджае Пол Баран, па сутнасці адна з функцый інтэлектуала. Напрыклад, палітыку, эканоміку, навуку, літаратуру і іншыя галіны грамадскага жыцця магчыма зразумець толькі ў тым выпадку, калі разглядаць іх як агульныя часткі глабальнай сістэмы. Інтэлектуал, па сваёй пазіцыі, з'яўляецца бунтаром і перашкодай кіруючым колам. Пол Баран дае наступнае азначэнне «інтэлектуала»: «гэта сацыяльны крытык па сваёй сутнасці, чалавек, чый абавязак вызначаць, аналізаваць і такім чынам дапамагаць у пераадоленні перашкод, якія замяняюць у прасоўванні да лепшага, больш гуманнага і рацыянальнага грамадскага парадку» [1].

Функцыі і характарыстыкі інтэлектуала. Такім чынам, ужо выявіліся некалькі асаблівасцей, якія адрозніваюць інтэлектуала. Па-першае, акрамя таго, што ён, як і прадстаўнікі інтэлігенцыі, прафесійна займаецца разумовай працай, выходзіць па-за рамкі, па-за межы кампетэнцыі, якая яму вызначаецца, пачынае крытычна ўспрымаць і задаваць пытанні, уключаныя ў больш шырокі кантэкст, чым патрабуе сфера яго прафесійнай дзейнасці. Па-другое, выходзячы за рамкі прафесійнай кампетэнцыі, якія патрабуюць эфектыўнасці і пакідаюць па-за межамі аксіялагічных аспекты, інтэлектуал закранае каштоўнасць пытанні, якія, у значнай ступені, і з'яўляюцца падставай яго крытыкі і канфрантацыі з сістэмай, у якую ён непасрэдна ўключаны. Па-трэцяе, ён урываецца ў сферу палітычнага. Нягледзячы на тое, што крытыка ў значнай меры тычыцца кіруючай групы, ён таксама закранае інтарэсы і апазіцыйнай групы, бо не займае нічый бок, знаходзячыся як паміж адной, так і паміж другой групай. Сваімі выступленнямі і маніфестацыямі інтэлектуал сведчыць аб тым, што прафесійныя палітыкі не здольны цалкам спраўляцца з ускладненымі на іх абавязкамі. Сваёй дзейнасцю інтэлектуал прарываецца ў сферу палітычнага, уплывае на ход падзей, чым ставіць пад пытанне легітымнасць прафесійных палітыкаў. Інтэлектуал прарываецца ў поле палітыкі, але пры гэтым не становіцца – ды і не ставіць сабе за мэту – прафесійным палітыкам. Сярод пазіцый, што варта зафіксаваць, якія характэрны для інтэлектуала, можна назваць наступныя: прафесійная дзейнасць у сферы разумовай працы; стварэнне новага інтэлектуальнага прадукту, прызначанага для публічнай сферы; выхад за рамкі прафесійнай кампетэнцыі; функцыя крытычнасці; палітычная ангажаванасць; ініцыяванне і стымуляванне публічнай дыскусіі/абмеркавання.

Першая характарыстыка, а менавіта прафесійная разумовая праца як крыніца заробку, уласціва як інтэлектуалам і інтэлігенцыі, так і інтэлектуальнай і культурнай эліце. Як адзначалася раней, інтэлектуала адрознівае выхад за межы поля прафесійнай дзейнасці і, перш за ўсё, кампетэнцыі. Але ў дадзеным выпадку ўзнікае лагічнае пытанне: ці ўсе, хто займаецца разумовай працай, абавязкова ствараюць новы інтэлектуальны прадукт? Можна адзначыць, што не ўсе прадстаўнікі інтэлігенцыі ствараюць новы прадукт. Калі вынікам працы пісьменніка ці вучонага з'яўляецца новы інтэлектуальны прадукт, то, напрыклад, вынікі працы галоўнага ўрача бальніцы маюць іншую форму, тое ж тычыцца афіцыйнай інтэлектуальнай эліты. Што тычыцца інтэлектуала, то адназначна гэта так: ён стварае інтэлектуальны прадукт нават у тым выпадку, калі адпаведна прафесійнай дзейнасці ён менеджар, работнік банка або кіраўнік ніжэйшага

ўзроўню. Новым інтэлектуальным прадуктам, як мінімум, у самым сціплым выпадку, становіцца канцэпцыя, вынік крытыкі інтэлектуала, бо тое, што кажа (выступленні, дыскусіі ці заявы) інтэлектуал, пераважна і з'яўляецца новым інтэлектуальным прадуктам. З гэтым жа звязаны наступны аспект. У той час, калі вынікі разумовай працы, напрыклад, вучонага як прадстаўніка інтэлігенцыі прызначаны для пэўнага кола, якім з'яўляецца акадэмічная супольнасць, г. зн. існуюць у полі прафесійнай дзейнасці, то інтэлектуальны прадукт навукоўца як інтэлектуала прызначаны для публікі і існуе не ў полі прафесійнай дзейнасці для спецыялістаў, але ў сферы публічнасці і для кожнага, паколькі ў гэтым заключаецца адна з функцый інтэлектуала, які спрыяе фарміраванню публічнай прасторы, стымулюе грамадскі дыялог. Такім чынам, выкананне інтэлектуалам сваёй ролі немагчыма па-за межамі публічнай прасторы. Таму пазіцыя інтэлектуалаў як групы ў той ці іншай сацыяльнай прасторы ў значнай ступені залежыць ад магчымасці доступу да каналаў масавай інфармацыі і камунікацыі, ад стану публічнай прасторы і ступені сфарміраванасці, актыўнасці грамадзянскай супольнасці.

Інтэлектуалы як група могуць існаваць у грамадстве, дзе існуюць нейкія дэмакратычныя інстытуцыі, дзе ёсць пэўны ўзровень дэмакратыі, нават не вельмі высокі. Гэта звязана з двума аспектамі. Першы – гэта неабходнасць наяўнасці незалежных ад кіруючай групы сродкаў масавай інфармацыі і камунікацыі, што дазваляе інтэлектуалу выказаць сваю пазіцыю і рабіць свой інтэлектуальны прадукт публічным. Другі аспект звязаны з магчымасцю для інтэлектуала быць фінансава незалежным, што магчыма ў выпадку існавання права на прыватную ўласнасць, існавання недзяржаўных (у тым ліку камерцыйных) структур рознага кшталту, г. зн. магчыма для інтэлектуала атрымліваць свой заробак не ад дзяржавы, што пазбаўляе магчымасці «ціснуць» на яго па месцы працы фінансава. У іншым выпадку магчыма з'яўленне не інтэлектуалаў, але дысідэнтаў, як гэта было ў Савецкім Саюзе. Але варта адзначыць, што са з'яўленнем інтэрнэту вастрыня як аднаго, так і другога аспекту кардынальна зніжаецца, пра што сведчыць у некаторай ступені прыклад камуністычнага Кітая.

Напэўна найбольшай асаблівасцю інтэлектуала з'яўляецца тое, што ён палітычна ангажаваны. Маецца на ўвазе ангажаванасць менавіта палітычная, а не ідэалагічная. Інтэлектуал, не з'яўляючыся прафесійным палітыкам, урываецца ў палітычнае поле і наўпрост ці ўскосна ўплывае на яго. Сама яго дзейнасць, заявы, выступленні закранаюць палітычнае поле, праблемы, звязаныя з уладай, яе выкрыццём. Інтэлектуалам, напрыклад, не з'яўляецца агент, які выступае ад імя партыі, бо такім чынам гэта хутчэй партыйны ідэолаг. Само словазлучэнне «партыйны інтэлектуал» з'яўляецца па сваёй сутнасці слушным, бо крытыка інтэлектуала накіравана на выкрыццё ўлады ў любой яе форме, незалежна ад таго, якой з'яўляецца ўлада – кіруючай ці апазіцыйнай. Адпаведна не можа інтэлектуал прадстаўляць кіруючую групу, паколькі такім чынам становяцца немагчымымі тыя функцыі, якія робяць інтэлектуала інтэлектуалам, што і адбывалася з некаторымі дрэйфусарамі, якія пазней змаглі дасягнуць дзяржаўнай улады. Менавіта з гэтым былі звязаны меркаванні аб «знікненні інтэлектуалаў», а таксама аб «здрядзе інтэлектуалаў». У сваю чаргу інтэлігенцыя, а таксама афіцыйная эліта можа, як у многіх выпадках і адбываецца, прадстаўляць кіруючую групу, выступаць ад імя ўлады. Так, Мішэль Фуко адносна сувязі інтэлектуала і палітычнага поля адзначае наступнае: «...для інтэлектуала занятак палітыкай быў традыцыйна абумоўлены двума рэчамі: станам інтэлектуала ў буржуазным грамадстве, у сістэме капіталістычнай вытворчасці, у ідэалогіі, якую яно вырабляе або навязвае; і яго ўласным дыскурсам у той ступені, у якой ён адкрываў пэўную ісціну, знаходзіў палітычныя адносіны там, дзе іх не заўважалі. Гэтыя два віды палітызацыі не былі чужыя адзін аднаму, але яны не абавязкова супадалі» [9]. Такім чынам, выяўляецца яшчэ адна асаблівая характарыстыка інтэлектуалаў, а менавіта крытычнасць. Крытычнасць, здольнасць рабіць невідавочнае відавочным з'яўляецца адной з асноўных, калі не цэнтральных функцый інтэлектуала. Менавіта з ёй звязаны выхад па-за рамкі, уваходжанне ў іншыя сферы, на што не здольны ні інтэлігенцыя, ні афіцыйная эліта. Але не столькі крытыка сама па сабе, колькі крытыка ў публічнай прасторы, якая стымулюе публічную дыскусію, і спрыяе пэўным зменам.

Такім чынам, вызначыць, ці з'яўляецца той або іншы сацыяльны агент інтэлектуалам, немагчыма выключна на падставе фармальнага паказчыкаў, якія дзейнічаюць у выпадку

інтэлігенцыі. Немагчыма гэта вызначыць, зыходзячы толькі з прафесійнай дзейнасці, усё залежыць ад канкрэтнага выпадку, ад той пазіцыі, якую займае сацыяльны агент. Так, напрыклад, сам па сабе журналіст займаецца разумовай дзейнасцю, стварае новы інтэлектуальны прадукт, які можа быць прызначаны для публічнай сферы, закранае поле палітыкі, але ён не з'яўляецца інтэлектуалам, пакуль яго дзейнасць замыкаецца выключна ў межах уласнай працы журналіста, пакуль ён выконвае ролю выключна журналіста і звяртаецца толькі да аўдыторыі, абмежаванай аўдыторыяй дадзенага СМІ, але ён становіцца інтэлектуалам у выпадку выхаду за гэтыя рамкі.

Мабілізуючая функцыя інтэлектуала. Кажучы аб ролі і месцы інтэлектуала ў сацыяльнай прасторы, неабходна закрануць адзін важны аспект, які тычыцца мабілізацыйнай функцыі інтэлектуала, паколькі ўсе вышэйназваныя функцыі і характарыстыкі інтэлектуала (прафесійная дзейнасць у сферы разумовай працы; стварэнне новага інтэлектуальнага прадукту, прызначанага для публічнай сферы; выхад за рамкі прафесійнай кампетэнцыі; функцыя крытычнасці; палітычная ангажаванасць; ініцыяванне і стымуляванне публічнай дыскусіі/абмеркавання) у канчатковым выніку датычацца менавіта гэтай функцыі (мабілізацыі). Калі схематызаваць працэс мабілізацыі інтэлектуалам, ён можа выглядаць наступным чынам: мабілізацыя → інфармацыйная мабілізацыя → мабілізацыя дзеяння → групавая альбо масавая мабілізацыя.

Мабілізацыя ўяўляе сабой актывізацыю сродкаў і рэсурсаў для рэалізацыі сацыяльна-палітычных патрабаванняў. Інфармацыйная мабілізацыя ставіць сабе за мэту прыцягненне ўвагі да пэўнай сацыяльнай ці палітычнай праблемы, актуалізацыю праблемнай сітуацыі ў публічнай прасторы з дапамогай шырокага распаўсюджвання інфармацыі і ініцыявання грамадскай дыскусіі. У залежнасці ад характару і маштабу праблемы інфармацыйнай мабілізацыі можа быць дастаткова, бо менавіта прызнанне канкрэтнай праблемы на ўзроўні грамадства вымушае ўлады (або іншага агента) да прыняцця канкрэтных дзеянняў. У тых выпадках, калі праблемная сітуацыя носіць больш сур'ёзны або канфліктны характар, інфармацыйная мабілізацыя становіцца папярэдне неабходным этапам мабілізацыі дзеяння (напрыклад, збор подпісаў, пікеты, забастоўкі і г. д.). У сваю чаргу мабілізацыя можа быць накіравана або на грамадскасць у цэлым, калі гэта пытанне закранае інтарэсы ўсіх або большасці грамадзян, або на асобныя групы (прафесійныя, узроставыя, гендэрныя і інш.). У некаторых выпадках мабілізацыя можа быць накіравана на іншых інтэлектуалаў як сацыяльную групу і лідараў меркаванняў для ўзмацнення мабілізацыйнага эфекту. Мера мабілізацыйнага патэнцыялу інтэлектуала сведчыць аб ступені яго здольнасці стаць ініцыятарам актуалізацыі пэўнай праблемы і рэалізацыі сацыяльна-палітычных патрабаванняў, іншымі словамі, сведчыць аб рэсурсе, якім валодае інтэлектуал [11].

Такім чынам, у сацыяльнай прасторы інтэлектуал з'яўляецца тым сацыяльным агентам, які вырашае або спрабуе вырашыць грамадска значныя праблемы, з якімі іншыя сацыяльныя агенты або інстытуцыі не здольны справіцца, у прыватнасці, з-за адсутнасці дастатковага сімвалічнага капіталу альбо нежадання па пэўных прычынах, напрыклад, звязаных з пытаннямі палітычнага характару (барацьбой за ўладу ці яе рэалізацыяй). Менавіта інтэлектуал, дзякуючы свайму асабліваму сацыяльнаму становішчу, здольны выкрываць і актуалізаваць тыя ці іншыя сацыяльныя праблемы і канфлікты. Менавіта ён, дзякуючы наяўнасці ў яго неабходных рэсурсаў, напрыклад, сімвалічнага капіталу, здольны прэтэндаваць на рашэнне гэтых праблем з дапамогай сацыяльнай мабілізацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Баран, П. Ответственность интеллектуала / П. Баран // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2606.html. – Дата доступа: 14.08.2016.
2. Бауман, З. Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2003. – № 1 (27). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>. – Дата доступа: 01.09.2016.
3. Бенда, Ж. Предательство интеллектуалов / Ж. Бенда. – М.: ИРИСЭН, 2009. – 312 с.
4. Боббио, Н. Интеллектуалы и власть / Н. Боббио // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ob/bio.htm. – Дата доступа: 04.12.2016.

5. Данилов, А. Н. Политическая социология: глубокий кризис или бег с препятствиями? / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко // Социология. – 2012. – № 1. – С. 3 – 15.
6. Сартр, Ж. Защитительная речь в пользу интеллектуалов / Ж. Сартр // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2752.htm. – Дата доступа: 14.12.2016.
7. Тощенко, Ж. Т. Интеллигенция и интеллектуалы: современные реалии / Ж. Т. Тощенко // Социология. – 2012. – № 1. – С. 27 – 36.
8. Фуко, М. Интеллектуалы и власть / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – 320 с.
9. Фуко, М. Политическая функция интеллектуала / М. Фуко // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php. – Дата доступа: 13.09.2016.
10. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции / К. Шарль. – М.: Новое издательство, 2005. – 328 с.
11. Яницкий, О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории / О. Н. Яницкий // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_12399.htm. – Дата доступа: 19.02.2016.

References

1. Baran P., “Responsibility of the intellectual”, Available at: http://scepsis.net/library/id_2606.html, (accessed 14.08.2016).
2. Bauman Z., “Legislators and interpreters. Culture as the ideology of intellectuals”, Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>, (accessed 01.09.2016).
3. Benda Zh., *Predatel'stvo intellektualov* [Treachery of intellectuals], IRISEN, Moscow, RU, 2009.
4. Bobbio N., “Intellectuals and power”, Available at: http://krotov.info/libr_min/02_b/ob/bio.htm, (accessed 04.12.2016).
5. Danilov A. N., Grishchenko Zh. M., “Political sociology: a deep crisis or a hurdle race?”, *Sotsiologiya* [Sociology], 2012, no. 1, pp. 3–15.
6. Sartr Zh., “Protective speech in favor of intellectuals”, Available at: http://scepsis.net/library/id_2752.htm, (accessed 14.12.2016).
7. Toshchenko Zh. T., “Intellectuals and intellectuals: modern realities”, *Sotsiologiya* [Sociology], 2012, no. 1, pp. 27–36.
8. Fuko M., *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and power], Praksis, Moscow, RU, 2006.
9. Fuko M., “The political function of the intellectual”, Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php, (accessed 13.09.2016).
10. Charl' K., *Intellektualy vo Frantsii* [Intellectuals in France], Novoe izdatel'stvo, Moscow, RU, 2005.
11. Ianitskii O. N., “Mass mobilization: problems of theory”, Available at: http://scepsis.net/library/id_12399.htm, (accessed 19.02.2016).

Информация об авторе

Стаселько Кирилл Игоревич – аспирант. Институт социологии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kirstaselka@gmail.com

Information about the author

Kiryl I. Staselko – Postgraduate Student, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: kirstaselka@gmail.com

П. А. Барахвостов*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь***РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В РАМКАХ
«ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»**

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции инструментов политической обусловленности, применяемых Европейским союзом в отношении стран «Восточного партнерства». Изучение данной проблемы представляет как научный интерес, связанный с исследованием внешнеполитических стратегий ЕС, так и практический, обусловленный необходимостью учета происходящих на континенте политических трансформаций для обеспечения безопасности в регионе. Показано, что наряду со стандартными инструментами (использованием систем торговых преференций, бюджетной поддержки, финансового и инвестиционного донорства, политических и/или экономических санкций) в рамках «Восточного партнерства» были задействованы новые механизмы: Программа интеграции и кооперации «Восточного партнерства», «зонтичная» программа. Проанализирован принципиально новый инструмент позитивной политической обусловленности – Соглашение об ассоциации. В результате его имплементации партнерская страна в обмен на внедрение демократических норм и стандартов получает доступ на европейский товарный, финансовый, энергетический рынки и рынок труда. В основе Соглашения об ассоциации находятся общие ценности: демократия, уважение прав человека и основных свобод, верховенство права, хорошее управление, уважение прав национальных меньшинств, недопущение дискриминации меньшинств, уважение человеческого достоинства, приверженность принципам рыночной экономики. Соглашение об ассоциации включает вопросы торговой, экологической, социальной, энергетической политик, что является свидетельством их согласованности и политической обусловленности. Проанализирована эволюция инструментов политической обусловленности. Показано, что расширение инструментария обусловлено изменением содержания «права человека» (включением в это понятие, наряду с основными гражданскими и политическими свободами, социальных и экологических прав), а также политико-экономическими трансформациями в регионе. Полученные результаты могут быть применены при анализе проблем регионального развития и разработке отдельных направлений внешнеполитического курса Республики Беларусь.

Ключевые слова: Европейский союз, программа «Европейская политика соседства», «Восточное партнерство», политическая обусловленность

Для цитирования: Барахвостов, П. А. Реализация принципа политической обусловленности в рамках «Восточного партнерства» / П. А. Барахвостов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 33–42.

P. A. Barakhvostov*Belarusian State University, Minsk, Belarus***THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF POLITICAL CONDITIONALITY
WITHIN THE EASTERN PARTNERSHIP**

Abstract. This paper studies the evolution of the EU's political conditionality instruments applied to the Eastern Partnership. The study of this issue is of scientific interest, related to investigating the EU foreign-policy strategies, as well as of practical interest arising out of the need to take into consideration political transformations on the continent to ensure regional security. It is shown that, apart from such conventional instruments as trade preferences, budget support, financial and investment donorship, political and/or economic sanctions, new instruments have been developed within the Eastern Partnership, including programs of multilateral cooperation (regional, inter-regional, cross-border), the Eastern Partnership Integration and Cooperation Program, and the so-called Umbrella Program. The article analyzes an essentially new instrument of positive political conditionality – the Association Agreement, which seeks to foster the implementation of democratic regulations and standards in partner states in exchange for providing access to the European commodity, financial, energy, and labor markets. The Association Agreement rests on common values: democracy, respect for human rights and fundamental freedoms, rule of law, good governance, respect for the rights of national minorities, prevention of discrimination of minorities, respect for human dignity, and commitment to the principles of the free market. The presence of trade, environmental, social, and energy issues in the Association Agreement indicates their concordance and political conditionality. This research also analyzes the evolution of the EU's political conditionality instruments. It is shown that the expansion of the range of instruments is due to the change in the meaning of human rights (social and environmental rights have been added to this term to complement fundamental civil and political rights) as well as to the political and economic transformations in the region. The results of the research may be used to analyze regional development issues and develop specific areas of Belarus' foreign policy.

Keywords: European Union, European Neighborhood Policy, Eastern Partnership, political conditionality

For citation: Barakhvostov P. A. The Realization of the Principle of Political Conditionality within the Eastern Partnership. *Vestsi Natsyianal' nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 33–42 (in Russian).

Введение. Масштабное расширение Европейского союза (ЕС) в 2004–2007 гг., значительно сместившее на восток и юг его границы, обусловило необходимость выработки согласованной политики ЕС в отношении новых соседей, следствием чего явился запуск программы «Европейская политика соседства» (ЕПС). К 2008 г. стала очевидной необходимость дифференциации стран ЕПС по регионам и, в частности, выделения в отдельное направление постсоветского пространства, географически или политически относящегося к Европе. В 2009 г. в рамках ЕПС была начата программа «Восточное партнерство» (ВП), предназначенная для шести постсоветских государств: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины. Главная задача «Восточного партнерства» – создание необходимых условий для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической интеграции между Европейским союзом и странами-партнерами на основе приверженности «фундаментальным ценностям, включая демократию, верховенство закона, уважение прав человека» [1]. Таким образом, принцип политической обусловленности является одним из структурообразующих элементов взаимоотношений Европейского союза со странами ВП. Однако данная программа не рассматривается Евросоюзом как подготовка государств-партнеров к вступлению в его ряды, что определяет особенности реализации принципа политической обусловленности в регионе.

Изучение указанной проблематики привлекает многих авторов. Следует отметить, что в историографии встречается несколько определений данного явления. Первоначально (в 1990-е гг.), как указывается в работе Н. Моленарса [2, р. 12], оно сводилось к «давлению со стороны правительства страны-донора, выражающемуся в угрозе прекращения или уменьшения помощи, если выдвинутые условия не принимаются реципиентом». Указанный аспект явления назван О. Стокке «политической обусловленностью первого поколения» [3]. Впоследствии с усложнением взаимодействия между развитыми и развивающимися странами имело место изменение концепта. В настоящее время в большинстве исследований политическая обусловленность трактуется как «инструмент стимулирования во взаимоотношениях между двумя акторами, который один из акторов использует для изменения в сторону демократизации поведения другого путем выставления условий для взаимоотношений и манипулирования предоставляемыми выгодами» [4, р. 99].

Особое значение при изучении явления политической обусловленности представляет Европейский союз. Данный феномен в контексте отношений Беларуси и ЕС анализируется в коллективной монографии [5], в том числе в материалах авторов: Е. Бабосова, А. Ковалени, Г. Василевича, В. Ватыля, И. Котлярова, Т. Евменовой и Л. Евменова, Т. Окуновой. Заслуживают внимания исследования российских ученых А. Стрелкова [6], В. Латкиной [7], С. Юна [8], В. Шемятенкова [9], А. Загорского [10], изучающих явление политической обусловленности с позиции его влияния на взаимоотношения Европейского союза и России.

Среди работ зарубежных авторов следует отметить исследования К. Я. Зиэлонка [11], Э. Фиерро [12], М. Вачудовой [13], в которых принцип обусловленности во внешней политике Евросоюза рассматривается как инструмент развития демократии. К. Смит [14], А. Авилова и Н. Арбатова [15] отмечают, что принцип обусловленности сыграл ключевую роль в подготовке стран-кандидатов к членству в ЕС. Ф.Шиммельфенниг [16] акцентирует внимание на нормативной (ценностной) компоненте в политической обусловленности Европейского союза.

С критикой данного принципа выступили Дж. Хьюс, Г. Сассе и К. Гордон [17], которые, анализируя процесс реформирования в странах-кандидатах в ЕС из Центральной и Восточной Европы, приходят к заключению о том, что низкая эффективность принципа обусловленности связана с отсутствием четкой концепции желаемого результата. Х. Граббе [18] считает, что принцип обусловленности, вызывавший неудовольствие стран-кандидатов, может затормозить темпы внутренней интеграции Евросоюза.

В целом, анализируя публикации по данной проблематике, следует отметить, что, как правило, авторы рассматривают отдельные конкретные случаи проявления феномена политической обусловленности. Недостаточно работ, в которых анализируется применение данного принципа к странам «Восточного партнерства» на современном этапе.

Цель настоящей статьи – исследовать эволюцию инструментов политической обусловленности, применяемых Европейским союзом в отношении стран «Восточного партнерства» в период 2009–2016 гг. Изучение данной проблемы представляет как научный интерес, связанный с исследованием внешнеполитических стратегий ЕС, так и практический, обусловленный необходимостью учета происходящих на континенте политических трансформаций для обеспечения безопасности в регионе.

Методологическую основу работы составили основные принципы исторического познания и исследования: историзма, объективности, системности, всесторонности. В работе использовались общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, обобщение, аналогия. Использовались также методы систематизации и аналитической интерпретации содержания источников, а также их классификации и периодизации.

Основная часть. К моменту запуска в 2009 г. программы «Восточное партнерство» отношения между Европейским союзом и странами-участницами инициативы регулировались Соглашениями о партнерстве и сотрудничестве, устанавливающими правовые рамки взаимодействия, и Планами действий ЕПС 2005 г., намечающими стратегические цели и приоритеты двустороннего сотрудничества. В основе данных документов – предратификационная положительная политическая обусловленность (термин введен в работе [4, р. 101]), предполагающая необходимость уважения прав человека и фундаментальных свобод для их заключения и действия. Следует отметить, что нарушение демократических принципов, по мнению ЕС, явилось причиной приостановки ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Республикой Беларусь и введения ряда ограничительных мер, в том числе ограничений на контакты на высшем уровне, свертывания сотрудничества в различных областях. Данные действия являются примером применения принципа предратификационной негативной политической обусловленности.

Начало инициативы «Восточное партнерство» и поставленные ЕС цели потребовали выработки принципиально нового механизма сотрудничества – Соглашения об ассоциации (СА). 27 июня 2014 г. Европейский союз подписал Соглашения об ассоциации с тремя государствами «Восточного партнерства»: Украиной, Молдовой и Грузией.

В отличие от Плана действий ЕПС, который носит «мягкий» (скорее рекомендательный, чем обязательный) характер, СА означает принятие определенных *юридических* обязательств перед Евросоюзом, выражающихся, в первую очередь, в приближении законодательства и административных процедур государства к соответствующим нормам и процедурам ЕС в различных областях. Новый механизм сотрудничества включает в качестве компонента углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли (УВЗСТ) с ЕС. Ее особенность – необходимость соблюдения социальных норм и экологических стандартов. Кроме того, Соглашение об ассоциации предполагает доступ страны-партнера к ресурсам европейского энергетического рынка, обеспечение альтернативных путей поставок энергоносителей; решение «визового» вопроса и в перспективе – заключение Соглашения о либерализации визового режима. Включение в СА вопросов торговой, экологической, социальной, энергетической политик свидетельствует об их согласованности.

Все три Соглашения об ассоциации (с Украиной, Молдовой и Грузией) содержат ряд политических положений. В преамбулах документов указывается, что в основе СА – общие ценности: демократия, уважение прав человека и основных свобод, верховенство права. К таковым также отнесены: хорошее управление, уважение прав национальных меньшинств, недопущение дискриминации меньшинств, уважение человеческого достоинства, приверженность принципам рыночной экономики. Среди «общих ценностей» выделяется «ядро» – фундаментальные права и демократические принципы, нарушение которых договаривающимися сторонами при осуществлении как внутренней, так и внешней политики вызовет денонсацию всего соглашения (приверженность принципам рыночной экономики, например, к указанному «ядру» не относится). Кроме того, денонсирование может вызвать нарушение принципов, которые признаны исключительно значи-

мыми для партнерских стран. В Соглашении об ассоциации с Грузией и Молдовой к таковым отнесены противодействие распространению оружия массового уничтожения и связанных с ним материалов [19; 20], в СА с Украиной – уважение принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ [21].

Соглашения об ассоциации являются инструментом предратификационной позитивной политической обусловленности, что предполагает выставление предварительных условий перед странами-партнерами по внедрению демократических норм и стандартов в обмен на бонусы – доступ на европейский товарный и энергетический рынки, обеспечение альтернативных путей поставок энергоносителей, либерализацию визового режима.

Несмотря на то что текст Соглашения об ассоциации Украины с ЕС был подготовлен уже в ноябре 2011 г., его подписание было заморожено в связи с арестом лидера украинской оппозиции Ю. Тимошенко и приговором по делу против неё, которые были восприняты в ЕС как нарушение прав человека. Данный факт является примером предратификационной *негативной* политической обусловленности.

Следует отметить, что в Соглашениях прослеживается «всепроникающий» характер принципа политической обусловленности – он является основой реализации всех политик Евросоюза. Так, например, необходимость уважения прав и свобод человека подчеркивается в различных разделах Соглашений: о политическом диалоге (ст. 3(2)h [19]; ст. 3(2)e [20]; ст. 4(2)e [21]), реформах (ст. 4 [19]; ст. 4(b) [20]; ст. 6 [21]), борьбе с терроризмом (ст. 12 и 20 [19], ст.11 и 19 [20], ст. 13 и 23 [21]). Примечательно, что из трех возможных типов правовых обязательств (уважать, защищать и реализовывать права человека) в СА зафиксирован минимальный тип обязательств для договаривающихся сторон – *уважать*, т.е. воздерживаться от нарушений прав человека.

Реализация программы «Восточное партнерство» предполагает также задействование *традиционно используемого* инструментария политической обусловленности, в частности, стимулирующих или ограничительных (санкционных) мер в сфере экономического взаимодействия. Среди них следует выделить торговые льготы (пример практики применения *стимулирующей* политической обусловленности) [22]: Генеральную систему преференций ЕС (GSP), предусматривающую снижение импортных пошлин на определенные виды товаров; Генеральную систему преференций ЕС-плюс (GSP+) – полную отмену пошлин для той же категории товаров; Автономную систему преференций (АСП) – полную отмену пошлин на отдельные виды товаров в течение определенного периода времени. Введение того или иного вида преференций для страны определяется соблюдением в ней прав человека и фундаментальных свобод. Примером *позитивной* стимулирующей политической обусловленности является предоставление Автономной системы преференций до введения углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли Молдове (с 2008 г.) и Украине (с 2014 г.). В соответствии с АСП, большинство молдавских и украинских промышленных и сельскохозяйственных продуктов получили свободный доступ на рынок ЕС. В то же время для Беларуси в 2006 г. по политическим мотивам предоставленные ранее преференции GSP+ были отменены, что служит примером *негативной* стимулирующей политической обусловленности.

Кроме того, ЕС применял политически обусловленные *ограничительные* меры в отношении экономического сотрудничества. Санкционному воздействию подверглась Беларусь: в 2012 г. зарубежные счета 29 белорусских компаний, сотрудничающих с европейскими предприятиями, были заморожены. Благодаря усилиям Латвии и Словении санкции не затронули основных белорусских экспортеров в Евросоюз и, следовательно, не нанесли непоправимого вреда белорусской экономике. Тем не менее компании Беларуси не имели возможности получать кредиты в западных банках, новые технологии, расширять экспорт в страны ЕС. Однако на Вильнюсском саммите ВП в ноябре 2013 г. ЕС был вынужден признать ограниченность возможностей для своего воздействия на Беларусь и бесперспективность политики санкций. С учетом позитивного участия Республики Беларусь в урегулировании украинского кризиса, освобождения в 2015 г. лиц, которые считались в ЕС политзаключенными, и признания Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ прогресса в демократичности президентских выборов 2015 г., 1 марта 2016 г. практически все ограничительные меры в отношении Беларуси были отменены [23].

Значимым инструментом политической обусловленности в рамках «Восточного партнерства» являются программы двустороннего сотрудничества ЕС и стран-партнеров, финансируемые Европейским инструментом партнерства и соседства (до 2014 г.), а с 2014 г. – Европейским инструментом соседства. Особое значение имеет Всеобъемлющая программа институционального строительства (СІВ) с бюджетом 173 млн евро на период 2011–2013 гг. для поддержки институциональных реформ в партнерских странах. Приоритетные направления двустороннего сотрудничества определены в Национальных индикативных программах (таблица), разработанных *с участием государств-партнеров* [24–35].

Приоритетные направления двустороннего сотрудничества ЕС и стран «Восточного партнерства» (2009–2017 гг.)
Priority areas for bilateral cooperation between the EU and Eastern Partnership countries (2009–2017)

Страна	Приоритетные сферы сотрудничества и финансирование	
	2011–2013 гг.	2014–2017 гг.
Армения	Объем финансирования – 157,3 млн евро, включая 32 млн евро по программе СІВ ^В	Объем финансирования – 140–170 млн евро
	Демократические структуры и хорошее управление (47,19–55,06 млн евро)	Судебная реформа (28–34 млн евро); административная реформа (35–42,5 млн евро), дополнительная поддержка гражданского общества (7–8,5 млн евро)
Азербайджан	Объем финансирования – 122,5 млн евро, включая 19 млн евро по программе СІВ	Объем финансирования – 77–94 млн евро
	Демократические структуры и хорошее управление (30,5–37 млн евро)	Судебная реформа (15,4–18,8 млн евро); институциональное строительство (11,55–14,1 млн евро), дополнительная поддержка гражданского общества (3,85–4,7 млн евро)
Беларусь	Объем финансирования (на период 2012–2013 гг.) – 56,69 млн евро, включая 4,81 млн евро по программе СІВ	Объем финансирования – 71–89 млн евро
	Хорошее управление и контакты людей (20,75 млн евро)	Поддержка гражданского общества (7,1–8,9 млн евро), государственное строительство (7,1–8,9 млн евро)
Грузия	Объем финансирования – 180,29 млн евро, включая 30,86 млн евро по программе СІВ	Объем финансирования – 335–410 млн евро
	Демократическое развитие, верховенство права, хорошее управление (45–63 млн евро)	Судебная реформа (83,75–102,5 млн евро); административная реформа (83,75–102,5 млн евро), дополнительная поддержка гражданского общества (16,75–20,5 млн евро)
Молдова	Объем финансирования – 273,14 млн евро, включая 41,16 млн евро по программе СІВ	Объем финансирования – 335–410 млн евро
	Хорошее управление, верховенство закона и фундаментальные свободы (95,6–109,26 млн евро)	Реформа государственного управления (100,5–123 млн евро), реформа полиции и управления границами (67–82 млн евро); развитие потенциала и институциональное строительство (50,25–61,5 млн евро); поддержка гражданского общества (16,75–20,5 млн евро)
Украина	Объем финансирования – 470,05 млн евро, включая 43,37 млн евро по программе СІВ	Объем финансирования – 11 млрд евро
	Хорошее управление и верховенство закона (94–141 млн евро)	Имплементация СА

Источник: [24–35].

Source: [24–35].

Как следует из таблицы, для всех стран «Восточного партнерства» среди приоритетов в 2011–2013 гг. – создание демократических структур и хорошее (*демократическое*) управление, что может рассматриваться как проявление позитивной интенсифицирующей политической обусловленности. Наибольшее финансирование в 2011–2013 гг. на осуществление политических

преобразований получили Украина, Молдова и Грузия, наименьшее – Беларусь. В 2014–2017 гг. приоритетные направления сотрудничества соответствуют задачам, связанным с имплементацией Соглашений об ассоциации (для Украины, Молдовы, Грузии), либо дальнейшей демократизацией (для Армении, Азербайджана, Беларуси). При этом наблюдается увеличение финансирования для всех государств, за исключением Азербайджана. Указанные особенности распределения средств ЕС свидетельствуют о дифференцированном подходе Евросоюза к странам региона, что можно рассматривать как принцип «меньше за меньшее», или негативную интенсифицирующую политическую обусловленность.

За успехи в демократических преобразованиях по принципу «больше за большее» «партнеры, готовые к осуществлению политических реформ и уважению универсальных ценностей – прав человека, демократии и верховенства закона – получают большее финансирование со стороны ЕС» [36, р. 3]. Для этой цели был создан новый инструмент политической обусловленности – Программа интеграции и кооперации Восточного партнерства (EaPIC). Ее бюджет составил 130 млн евро на 2012–2013 гг. Впоследствии данная программа заменена так называемой «зонтичной» программой. В 2014 г. из нее было выделено 100 млн евро странам региона, в том числе: Молдове и Грузии – по 30 млн евро, Украине – 40 млн евро [37]. Использование Евросоюзом EaPIC и «зонтичной» программы является примером применения позитивной интенсифицирующей политической обусловленности.

Важным инструментом позитивной политической обусловленности является *бюджетная поддержка* ЕС странам «Восточного партнерства», направляемая на финансовое поддержание политических и экономических реформ. К примеру, по этому каналу на осуществление *реформы судебных органов* получено: Арменией – 18 млн евро (2009–2012 гг.), Азербайджаном – 16 млн евро (2009–2014 гг.), Грузией – 24 млн евро (2012–2016 гг.), Молдовой – 60 млн евро (2012 г.). Лидером в получении бюджетной поддержки является Украина, получившая 344 млн евро в период 2009–2014 гг. По политическим мотивам Беларусь лишена права на бюджетную поддержку ЕС, что является примером негативной политической обусловленности.

Иновацией «Восточного партнерства» в сравнении с ЕПС являются *флагманские инициативы* – программы многостороннего сотрудничества: интегрированного управления границами, содействие развитию малого и среднего бизнеса, содействие развитию региональных рынков электроэнергии, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии, сотрудничество по вопросам предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий. Их реализация направлена на стимулирование развития связей на локальном и региональном уровне и, следовательно, на децентрализацию власти и, в конечном счете, демократизацию. Поэтому флагманские инициативы можно рассматривать как инструмент политической обусловленности нового типа.

Кроме того, страны «Восточного партнерства» привлекаются к *межрегиональным программам* сотрудничества. Их целью является стимулирование реформ (в том числе политических) посредством: консультационного участия ЕС (SIGMA, TAIEX), обучения молодежи и студенческих обменов (Erasmus+), расширения контактов органов местной власти в странах ЕС и государствах-участниках программы (CIUDAD), продвижения инвестиционных проектов. Данные программы также можно считать инструментом положительной стимулирующей политической обусловленности.

Государства ВП также участвуют в *программах трансграничного сотрудничества*, предназначенных для стимулирования экономического и социального развития, охраны окружающей среды, улучшения здравоохранения, борьбы с организованной преступностью, повышения эффективности охраны государственной границы. Направленные на обеспечение социальных и экологических прав человека, зафиксированных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.) и Рио-де-Жанейрской декларации по проблемам окружающей среды и развитию (1992 г.), данные программы также являются инструментом политической обусловленности.

Кроме того, Европейским союзом широко используется такой инструмент политической обусловленности, как финансовое донорство (кредитная или инвестиционная помощь отдельных стран ЕС – Германии, Швеции, Нидерландов, Польши, Чехии и т.д. – государствам «Восточного

партнерства»). Наибольшая донорская помощь в период 2009–2016 гг. получена Украиной и Молдовой – странами, выбравшими путь ассоциации с Евросоюзом, наименьшая – Беларусью, что является отражением принципов «больше за большее», «меньше за меньшее».

Наряду с рассмотренными выше инструментами политической обусловленности, в «Восточном партнерстве» использовался также аудит – контроль за расходованием средств, выделенных на осуществление политических преобразований. Данный инструмент был применен к Молдове после политико-экономических трансформаций в стране, окончившихся коррупционным скандалом, связанным с исчезновением в конце 2014 г. 1 млрд долларов (13% ВВП страны) из трех основных банков страны: Banca de Economii, Banca Socială, Unibank [38]. Главное заключение аудиторов – поддержка ЕС была *частично эффективной* вследствие политического кризиса в стране, слабого управления, малых возможностей местных органов власти, высокого уровня коррупции в Молдове. В результате в 2015 г. ЕС приостановил финансовую помощь Молдове [39], что является примером постратификационной негативной политической обусловленности. Этим Европейский союз продемонстрировал, что борьба с коррупцией является одним из ключевых демократических принципов.

Выводы. Таким образом, в статье рассмотрен спектр инструментов политической обусловленности, применяемых ЕС в отношении стран «Восточного партнерства». Показано, что, наряду с традиционно используемыми инструментами (система торговых преференций, бюджетная поддержка, финансовое и инвестиционное донорство, политические и/или экономические санкции), в рамках ВП были задействованы новые инструменты, в том числе Программа интеграции и кооперации «Восточного партнерства» и «зонтичная» программа. Важным инструментом позитивной политической обусловленности является Соглашение об ассоциации. В результате его имплементации партнерская страна в обмен на внедрение демократических норм и стандартов получает доступ на европейский товарный, финансовый, энергетический рынки и рынок труда. В основе Соглашения об ассоциации – общие ценности: демократия, уважение прав человека и основных свобод, верховенство права, хорошее управление, уважение прав национальных меньшинств, недопущение дискриминации меньшинств, уважение человеческого достоинства, приверженность принципам рыночной экономики. СА включает вопросы торговой, экологической, социальной, энергетической политик, что является свидетельством их согласованности и политической обусловленности. Проанализирована эволюция инструментов политической обусловленности. Показано, что расширение инструментария обусловлено изменением содержания «права человека» и политико-экономическими трансформациями в регионе.

Список использованных источников

1. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council – Eastern Partnership {SEC (2008) 2974} / COM (2008) 823 final // EEAS [Electronic resource]. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf. – Date of access: 01.12.2016.
2. Molenaers, N. Political conditionality and foreign aid / N. Molenaers, S. Dellepiane, J. Faust // World Development. – 2015. – Vol. 75. – P. 2–12.
3. Stokke, O. Aid and political conditionality / O. Stokke. – London, UK: Routledge, 1995. – 417 p.
4. Koch, S. A typology of political conditionality beyond aid: conceptual horizons based on lessons from the European Union / S. Koch // World Development. – 2015. – Vol. 75. – P. 97–108.
5. Республика Беларусь – Европейский союз. Проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 527 с.
6. Стрелков, А. А. Применение Европейским союзом политической обусловленности в рамках Европейской политики соседства / А. А. Стрелков // Изв. Алтайск. гос. ун-та. – 2008. – № 4–5. – С. 277–281.
7. Латкина, В. Восточный вектор Европейской политики соседства. Ловушки европеизации / В. Латкина // Вестн. МГИМО. – 2014. – № 6. – С. 37–46.
8. Юн, С. М. Формирование концептуальных, организационных и финансовых основ Европейской политики соседства (2002–2004) / С. М. Юн // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 374. – С. 117–121.
9. Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М.: Междунар. жизнь, 2003. – 398 с.
10. Zagorski, A. Eastern Partnership from the Russian perspective / A. Zagorski // www.feswar.org [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.feswar.org/pl/fes2009/pdf_doc/Russia.pdf. – Date of access: 01.12.2016.
11. Zielonka, J. Conclusions: foreign made democracy / J. Zielonka // Democratic consolidation in Eastern Europe. International and transnational factors. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. – P. 511–532.
12. Fierro, E. The EU's Approach to Human Rights Conditionality in Practice / E. Fierro. – Brill, Nijhoff Publishers, 2002. – 448 p.

13. Vachudova, M. A. *Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration after Communism* / M. A. Vachudova. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. – 341 p.
14. Smith, K. *The making of EU foreign policy: the case of Eastern Europe* / K. Smith. – N. Y.: St Martin's Press, 1998. – 293 p.
15. Авилова, А. Расширение ЕС на Восток: предпосылки, проблемы, последствия / А. Авилова, Н. Арбатова. – М.: Наука, 2003. – 343 с.
16. Schimmalfennig, F. Costs, commitment and compliance. The impact of EU democratic conditionality on European Non-Member States / F. Schimmalfennig, S. Engert, H. Knobel // *EUI Working Paper RSC 2002/29*. Florence, EUI, 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/7c33ae0a-1d64-4297-911f-f639da9fa86a.pdf>. – Date of access: 30.11.2016.
17. Hughes, J. Europeanization and regionalization in the EU's enlargement to Central and Eastern Europe: the myth of conditionality / J. Hughes, G. Sasse, C. Gordon. – Basingstoke: Palgrave, 2004 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doi/finder/view/10.1057/9780230503182>. – Date of access: 30.11.2016.
18. Grabbe, H. European Union conditionality and the *acquis communautaire* / H. Grabbe // *International Political Science Review*. – 2002. – Vol. 23. – P. 249–268.
19. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // *Official Journal of the European Union* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.parliament.ge/uploads/other/34/34754.pdf>. – Date of access: 01.12.2016.
20. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Republic of Moldova, of the other part // *Official Journal of the European Union* [Electronic resource]. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/moldova/pdf/eu-md_aa-dcfta_en.pdf. – Date of access: 01.12.2016.
21. EU–Ukraine Association Agreement – the complete texts // *European Union External Action* [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eeas.europa.eu/ukraine/assoagreement/assoagreement-2013_en.htm. – Date of access: 20.11.2016.
22. Generalized System of Preferences. Handbook on the Scheme of the European Community [Electronic resource]. – Mode of access: http://unctad.org/en/Docs/itcdtsbmsic25rev3_en.pdf. – Date of access: 24.11.2016.
23. Council conclusions on Belarus // *European Council*. Council of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-belarus-conclusions/>. – Date of access: 25.11.2016.
24. National indicative program for Armenia (2011–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_armenia_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
25. European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Armenia (2014–2017) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/armenia_2014_2017_programming_document_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
26. National indicative program for Azerbaijan (2011–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_azerbaijan_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
27. European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Azerbaijan (2014–2017) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/azerbaijan_2014_2017_programming_document_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
28. National indicative program for Belarus (2012–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_belarus_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
29. European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Belarus (2014–2017) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/belarus_2014_2017_programming_document_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
30. National indicative program for Georgia (2011–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_georgia_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
31. European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Georgia (2014–2017) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/georgia_2014_2017_programming_document_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
32. National indicative program for Moldova (2011–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_moldova_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
33. European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Moldova (2014–2017) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/moldova_2014_2017_programming_document_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
34. National indicative program for Ukraine (2011–2013) // *EEAS* [Electronic resource]. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_ukraine_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
35. Support Package for Ukraine (2015–2020) // *European Commission* [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.3dcftas.eu/sites/default/files/ukraine_en.pdf. – Date of access: 10.12.2016.
36. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Delivering on a new European Neighbourhood Policy Brussels, 15.5.2012 JOIN(2012) 14 final // *EUROMED* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.euromed-seminars.org/mt/archive/docs/EUROPEAN-COMM-MAY2012.pdf>. – Date of access: 02.12.2016.
37. Closer to the EU: additional funding for Georgia and Moldova // *European Commission* [Electronic resource]. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-512_en.htm. – Date of access: 02.12.2016.

38. EU assistance for strengthening the public administration in Moldova. Special report. 2016 // ECA [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR16_13/SR_MOLDOVA_EN.pdf. – Date of access: 01.12.2016.
39. Council conclusions on the Republic of Moldova // Consilium.europa [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-moldova-conclusions/>. – Date of access: 02.12.2016.

References

1. “Communication from the Commission to the European Parliament and the Council – Eastern Partnership {SEC (2008) 2974} / COM (2008) 823 final”, 2008, Available at: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf, (accessed 1 December 2016).
2. Molenaers N., Dellepiane S., Faust J., “Political conditionality and foreign aid”, *World Development*, 2015, vol. 75, pp. 2–12.
3. Stokke O., *Aid and political conditionality*, Routledge, London, GB, 1995.
4. Koch S., “A typology of political conditionality beyond aid: conceptual horizons based on lessons from the European Union”, *World Development*, 2015, vol. 75, pp. 97–108.
5. *Respublika Belarus’ – Evropeiskii soiuz. Problemy i perspektivy partnerstva* [The Republic of Belarus. The problems and prospects of partnership], Belaruskaja navuka, Minsk, BY, 2013.
6. Strelkov A. A., “The EU’s application of political conditionality in the framework of the European Neighborhood Policy”, *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 2008, no. 4–5, pp. 277–281.
7. Latkina V., “The eastern vector of the European Neighborhood Policy. Europeanization traps”, *Vestnik MGIMO-University*, 2014, no. 6, pp. 37–46.
8. Yun S. M., “Formation of conceptual, organizational and financial basis of the European Neighborhood Policy (2002–204)”, *Vestnik of Tomsk State University*, 2013, no. 374, pp. 117–121.
9. Shemiatenkov V. G., *Evropejskaia integratsiia* [The European integration], Mezhdunarodnaia zhizn’, Moscow, RU, 2003.
10. Zagorski A., “Eastern Partnership from the Russian perspective”, 2010, Available at: http://www.feswar.org.pl/fes2009/pdf_doc/Russia.pdf, (accessed 1 December 2016).
11. Zielonka J., “Conclusions: foreign made democracy”, in *Democratic consolidation in Eastern Europe. International and transnational factors*, Oxford University Press, Oxford, GB, 2001, pp. 511–532.
12. Fierro E., *The EU’s Approach to Human Rights Conditionality in Practice*, Nijhoff Publishers, Brill, NL, 2002.
13. Vachudova M. A., *Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration after Communism*, Oxford University Press, Oxford, GB, 2005.
14. Smith K., *The making of EU foreign policy: the case of Eastern Europe*, St Martin’s Press, N. Y., US, 1998.
15. Avilova A., Arbatove N., *Rasshirenie ES na Vostok: predposylki, problemy, posledstviia* [Enlargement of the European Union to the East: background, problems, consequences], Nauka, Moscow, RU, 2003.
16. Schimmalfennig F., Engert S., Knobel H. “Costs, commitment and compliance. The impact of EU democratic conditionality on European Non-Member States. EUI Working Paper RSC 2002/29. Florence, EUI, 2002”, Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/7c33ae0a-1d64-4297-911f-f639da9fa86a.pdf>, (accessed 30 November 2016).
17. Hughes J., Sasse G., Gordon C., “Europeanization and regionalization in the EU’s enlargement to Central and Eastern Europe: the myth of conditionality. Basingstoke, Palgrave, 2004”, Available at: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doi/finder/view/10.1057/9780230503182>, (accessed 30 November 2016).
18. Grabbe H., “European Union conditionality and the *acquis communautaire*”, *International Political Science Review*, 2002, vol. 23, pp. 249–268.
19. “Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energetic Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part”, 2014, Available at: <http://www.parliament.ge/uploads/other/34/34754.pdf>, (accessed 1 December 2016).
20. “Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energetic Community and their Member States, of the one part, and Republic of Moldova, of the other part”, 2014, Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/moldova/pdf/eu-md_aa-dcfta_en.pdf, (accessed 1 December 2016).
21. “EU–Ukraine Association Agreement – the complete texts”, 2014, Available at: http://www.eeas.europa.eu/ukraine/assoagreement/assoagreement-2013_en.htm, (accessed 20 November 2016).
22. “Generalized System of Preferences. Handbook on the Scheme of the European Community”, Available at: http://unctad.org/en/Docs/itcdtsbmisc25rev3_en.pdf, (accessed 24 November 2016).
23. “Council conclusions on Belarus”, 2016, Available at: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-belarus-conclusions/>, (accessed 25 November 2016).
24. “National indicative program for Armenia (2011–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_armenia_en.pdf, (accessed 10 December 2016).
25. “European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Armenia (2014–2017)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/armenia_2014_2017_programming_document_en.pdf, (accessed 10 December 2016).
26. “National indicative program for Azerbaijan (2011–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_azerbaijan_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

27. “European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Azerbaijan (2014–2017)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/azerbaijan_2014_2017_programming_document_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

28. “National indicative program for Belarus (2012–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_belarus_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

29. “European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Belarus (2014–2017)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/belarus_2014_2017_programming_document_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

30. “National indicative program for Georgia (2011–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_georgia_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

31. “European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Georgia (2014–2017)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/georgia_2014_2017_programming_document_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

32. “National indicative program for Moldova (2011–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_moldova_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

33. “European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020 – Single Support Framework for EU Support to Moldova (2014–2017)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/moldova_2014_2017_programming_document_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

34. “National indicative program for Ukraine (2011–2013)”, Available at: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/2011_enpi_nip_ukraine_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

35. “Support Package for Ukraine (2015–2020)”, Available at: http://www.3dcftas.eu/sites/default/files/ukraine_en.pdf, (accessed 10 December 2016).

36. “Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Delivering on a new European Neighbourhood Policy Brussels, 15.5.2012 JOIN (2012) 14 final (2012)”, Available at: <http://www.euromed-seminars.org.mt/archive/docs/EUROPEAN-COMM-MAY2012.pdf>, (accessed 2 December 2016).

37. “Closer to the EU: additional funding for Georgia and Moldova, European Commission (2014)”, Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-512_en.htm, (accessed 2 December 2016).

38. “EU assistance for strengthening the public administration in Moldova. Special report (2016)”, Available at: http://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR16_13/SR_MOLDOVA_EN.pdf, (accessed 1 December 2016).

39. “Council conclusions on the Republic of Moldova (2015)”, Available at: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-moldova-conclusions/>, (accessed 2 December 2016).

Информация об авторе

Баракхвостов Павел Александрович – аспирант кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 20, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel A. Barakhvostov – Postgraduate Student, Department of Diplomatic and Consular Service, Faculty of International Relations, Belarusian State University (20 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: barakhvostov@yandex.by

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК 904:737.1(37)(476.5)

Паступіў у рэдакцыю 15.08.2017

Received 15.08.2017

В. М. Ляўко¹, В. М. Сідаровіч²¹Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь²Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, БеларусьРЫМСКІЯ МАНЕТЫ З ГАРАДЗІШЧА
І СЕЛІШЧА КАЛЯ В. КАРДОН У БЕЛАРУСКІМ ПАДЗВІННІ

Анотацыя. Рассмотрены античные монеты, найденные во время исследования археологического комплекса Кордон Шумилинского района Витебской области. На широкой фактологической основе с территории Белорусского Подвинья прослежено весьма редкое явление – первые две находки античных монет в восточной его части (Витебский регион), полученные путем раскопок сотрудниками Института истории НАН Беларуси в 2016 г. Это денарий Марка Аврелия (164 г. н.э.) – с городища и дидрахма Веспасиана и Тита (69–79 гг. н.э.) – из селища 1. Авторы высказали предположение о возможных путях и обстоятельствах попадания этих артефактов на археологический памятник Кордон. Более вероятным они считают появление римских монет на правобережье Витебского Подвинья через носителей киевской культуры из днепровско-двинского междуречья. Это предположение обосновывается и находками артефактов, связанных с данной культурой как в Кордоне, так и в рассматриваемом регионе в целом. Датировка нижних пластов городища и селища 1 в Кордоне по наличию керамики с т.н. “расчёсами” свидетельствует в пользу попадания монет на памятник в период самого раннего времени его существования.

Ключевые слова: римские монеты, археологический памятник, Белорусское Подвинье, городище, селище, торговые пути, Римская империя, железный век, Барбарикум, киевская культура

Для цитирования: Ляўко, В. М. Рымскія манеты з гарадзішча і селішча каля в. Кардон у Беларускім Падзвінні / В. М. Ляўко, В. М. Сідаровіч // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 43–49.

V. M. Liauko¹, V. M. Sidarovich²¹Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus²Belarusian State University, Minsk, BelarusROMAN COINS FROM THE HILL FORT
AND SETTLEMENT NEAR KARDON IN THE BELARUSIAN DZVINA REGION

Abstract. The article presents antique coins which were discovered during the excavations of the archeological complex of Kardon in Shumilina district, Vitebsk region. According to the wide factual basis, a very rare phenomenon had been traced in the territory of the Belarusian Dzvina region: ancient coins were found in its eastern part (Vitebsk region) through official excavations by the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus in 2016. These are a denarius of Marcus Aurelius (AD 164) from the hill fort and a didrachm of Vespasian and Titus (AD 69 to 79) from settlement 1. The authors expressed their ideas on possible ways and circumstances for these artifacts to have appeared on the archaeological site of Kardon. They believe that the Roman coins most probably got on the right side of the Vitebsk Dzvina region through representatives of the Kiev culture from the area between the Dnieper and Dzvina rivers. This opinion is substantiated by artifacts related to this culture that were found both in Kardon and in the considered region. The dating of the lower cultural layers of the hill fort and settlement 1 in Kardon is made on the basis of the availability of comb-marked pottery, and it is possible that the coins got on the site in the earliest period of its existence.

Keywords: Roman coins, archaeological site, Belarusian Dzvina region, hill fort, settlement, trade routes

For citation: Liauko V. M., Sidarovich V. M. Roman Coins from the Hill Fort and Settlement near Kardon in the Belarusian Dzvina Region. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 43–49 (in Belarusian).

Уводзіны. Падчас даследаванняў пад кіраўніцтвам В. М. Ляўко комплексу помнікаў каля вёсак Кардон і Глава Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці быў атрыманы багаты нумізматычны матэрыял, які прадстаўлены пераважна манетамі VIII–X стст. Аднак самымі раннімі нумізматычнымі знаходкамі з раскопак на гарадзішчы і селішчы каля в. Кардон з’явіліся надзвычай рэдкія для Віцебска-Полацкага Падзвіння антычныя манеты.

Беларускае Падзвінне менш за іншыя рэгіёны нашай краіны насычана знаходкамі антычных манет. У адрозненне ад тэрыторыі Паўднёва-Заходняй Беларусі, заселенай у II–IV стст. носьбітамі вельбарскай культуры, якія мелі актыўныя кантакты з Рымскай імперыяй і былі добра знаёмыя з рымскім манетным срэбрам, у басейне сярэдняй і верхняй Дзвіны антычныя манеты сустракаюцца вельмі рэдка. У гэтым рэгіёне падобныя знаходкі сканцэнтраваны пераважна на захадзе Віцебскай вобласці. Так, на гарадзішчы Пруднікі (цяпер Міёрскі раён) быў знойдзены дэнарыў Адрыяна [1, 1957, s. 281], а непадалёк ад гэтага помніка, на беразе Дзвіны каля в. Вята, мясцовы пастушок зрабіў незвычайную знаходку – дзве залатыя манеты, пераробленыя на падвескі, – аўрэус Карына і солід Валента [2, 1931, s. 90–93]. У міжваенныя гады каля мястэчка Друя (цяпер Браслаўскі раён) быў знойдзены дэнарыў Даміцыяна чаканкі 84 г., які захоўваецца цяпер у фондах Археалагічна-этнаграфічнага музея ў Лодзі [3, 1954, s. 41]. У 1982 г. міёрскі краязнаўца В. Ермалёнак знайшоў паміж вёскамі Туркова і Ракуны Міёрскага раёна дробную медную манету Максіміяна Геркулія (285–305), адчаканеную ў г. Кізік паміж 295 і 299 гг. [4, 1996, с. 123; 5, 2008а, с. 11]. У 2005 г. на гародзе І. С. Сівіцкай у в. Мышкі Пастаўскага раёна быў выпадкова знойдзены бронзавы сестэрцый Люцыллы (163–181) [6, 2008б, с. 173–174], адчаканены прыкладна ў 164–170 гг. За апошнія дзесяцігоддзе шэраг знаходак манет Рымскай імперыі на захадзе Віцебшчыны (пераважна на Глыбоччыне) быў здзейснены скарбашукальнікамі. Сярод іх дэнарыў Люцыя Вера, буйныя бронзавыя наміналы (пераважна сестэрцы) Марка Аўрэлія, Люцыя Вера, Фаусціны Малодшай, Каммода, Аляксандра Сэвера, Атацыліі Сэверы, Філіпа I, а таксама тры правінцыяльна-рымскія манеты, сярод якіх манета Філіпа II, адчаканеная ў г. Томы [7, 2014, р. 79], і манета Макрына, адчаканеная ў Нікеі.

Асноўная частка. Што тычыцца ўсходу Віцебшчыны, то надзейных сведчанняў пра знаходкі тут рымскіх манет да апошняга часу не было. Л. Д. Побаль узгадваў пра рымскія манеты, якія быццам былі знойдзены каля Стражавічаў Чашніцкага раёна да 1900 г. [4, 1996, с. 117], спасылаючыся на сведчанне Е. Р. Раманава аб гэтым у «Могилевской старине» [8, 1900, с. 5]. Але дадзеная інфармацыя, як і інфармацыя пра знаходку скарбу рымскіх манет у ваколіцах г. Дзісна [9, 1983, с. 162, п. 391], не пацверджана.

На тэрыторыі Віцебска-Полацкага Падзвіння да даследаванняў 2016 г. каля в. Кардон антычныя манеты былі вядомыя толькі са знаходак чорных капальнікаў. Гэта чатыры манеты з Полацкага раёна. Так, у 2011 г. на беразе возера Доўгае знойдзены сестэрцый Адрыяна чаканкі 134–138 гг., а на беразе возера Гомель – дэнарыў Аляксандра Сэвера (чаканены ў Рыме ў 222–228 гг.)¹. У 2012 г. непадалёк ад в. Раштова, амаль насупраць вусця ракі Ушача, знойдзены пасмяротны сестэрцый Марка Аўрэлія (адчаканены ўжо ягоным сынам – Каммодам)². Каля в. Струнне знойдзена вельмі цікавая манета – адна з нешматлікіх у Беларусі імітацый рымскага дэнарыя³.

На падставе пералічанага вышэй тым больш значнай з’яўляецца першая ў Беларускім Падзвінні афіцыйная (пры раскопках археалагічнага помніка) знаходка манет Рымскай імперыі. Адна з манет, дэнарыў Марка Аўрэлія, была выяўлена на гарадзішчы Кардон, у самым нізе культурнага слоя, практычна на ўзроўні мацерыка (мал. 1, 5). Падобныя дэнарыі з’яўляюцца аднымі з самых распаўсюджаных знаходак у еўрапейскім Барбарыкуме.

Рымская імперыя. Дэнарыў. Марк Аўрэлій (138–161 гг.). Рым, снежань 163 г. – снежань 164 г. Аверс: M ANTONINVS AVG IMP II. Галава Марка Аўрэлія ў лаўровым вянку, управа. Рэверс: TR P XVIII COS III. Феліцытас сядзіць на курульным крэсле, управа. Трымае кадуцэй і рог дастатку. RIC III, 112. 2,51 г. Кардон-16, гарадзішча. Мацярык, № 53.

¹ RIC IV, 155.

² RIC III, 657[commodus].

³ Манета з’яўляецца так званай гібриднай імітацыяй. Аверс манеты імітуе, хутчэй за ўсё, дэнарыў Люцыя Вера, а на рэверсе маецца імітацыя выявы багіні, хутчэй за ўсё, Венеры, якая характэрна для манет жонка імператараў (Вучэбная лабараторыя музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ. Акт прыёму № 40 ад 18 кастрычніка 2010 г.).

Значна большую цікавасць выклікае другая антычная манета, якая была выяўлена на селішчы Кардон (мал. 1, 6). Яна належыць да так званай правінцыяльна-рымскай чаканкі. Манета вельмі моцна зацёртая, што выклікала цяжкасці з яе атрыбуцыяй, але дзякуючы дапамозе калег з шэрагу еўрапейскіх універсітэтаў⁴ было вызначана, што яна была адчаканена ў г. Кесарыя-Еўсэбія ў правінцыі Кападокія ў час праўлення імператара Веспасіяна. Чаканка яе адбывалася ад імя Веспасіяна і ягонага сына Ціта, які меў тытул цэзара. Узнікла пытанне і з наміналам манеты. Найбольш распаўсюджаным срэбраным наміналам сярод эмісій усходніх правінцый Рымскай імперыі з’яўляецца драхма вагою каля 2,5–3,5 г, але вага кардонскай знаходкі відавочна большая. З гэтай нагоды мы можам меркаваць, што дадзеная манета мае больш рэдкі намінал – дзідрахма, або двайная драхма.

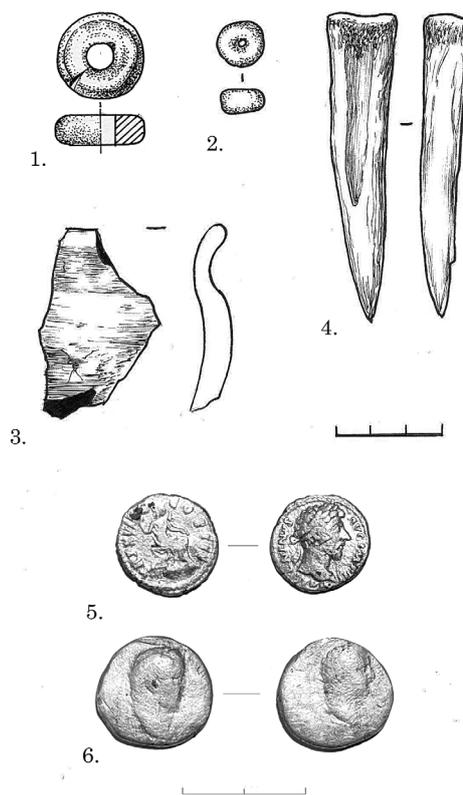
Рымская імперыя. Кападокія. Дзідрахма(?). Веспасіян (69–79 гг.) і Ціт (як цэзар). Кесарыя-Еўсэбія, 69–79 гг. Аверс: галава Веспасіяна ў лаўровым вянку, управа. Рэверс: галава Ціта ў лаўровым вянку, управа. RPC II, № 1650(?). 4,76 г. Кардон-16. Селішча. Раскоп 1. Кв. 20, пл. 2, № 28.

Знаходкі манет правінцый Рымскай імперыі не з’яўляюцца чымсьці незвычайным для Беларусі. Гэтыя манеты не вельмі шматлікія – іх зафіксавана крыху больш за 40 экзэмпляраў, але яны прысутнічаюць ва ўсіх рэгіёнах Беларусі [7, 2014, р. 75–83]. У той жа час абсалютная большасць правінцыяльна-рымскіх манет з Беларусі – медныя наміналы. Кападакійская драхма з селішча Кардон – гэта толькі другая, пасля лікійскай драхмы з Лышчыцкага скарба [7, 2014, р. 78], знаходка срэбранай правінцыяльна-рымскай манеты і першая манета правінцыі Кападокія на беларускай зямлі.

Увогуле, кападакійскія манеты вельмі рэдка сустракаюцца ў сумежных з Беларуссю рэгіёнах. Так, на тэрыторыі Польшчы вядомыя толькі дзве такія знаходкі. Абедзве яны паходзяць з Малапольшчы: драхма Траяна маецца ў складзе вялікага скарбу *Nietulisko Male I* [10, 2004], а буйная бронзавая манета Каракаллы знойдзена на паселішчы эпохі рымскіх уплываў *Jakuszowice* [11, 1997, р. 122, № 98]. Медная манета Аляксандра Сэвера выяўлена на Харкаўшчыне [12, 2012, с. 156, п. 36].

Срэбраныя манеты ўсходніх правінцый, у першую чаргу драхмы, удзельнічалі ў грашовым абарачэнні еўрапейскай часткі Рымскай імперыі разам з дэнарыямі цэнтральнай чаканкі [13, 1979], таму іх прысутнасць у Барбарыкуме цалкам зразумелая. У той жа час украінскі даследчык К. Мызгін мяркуе, што наяўнасць срэбраных малаазійскіх наміналаў у скарбах рымскіх дэнарыяў можа сведчыць пра тое, што гэтыя дэпазіты сфарміраваліся з вайсковай здабычы варвараў, якія ў III ст. н.э. неаднаразова рабавалі правінцыі Малой Азіі [14, 2011, с. 322–323].

Знаходка манет Рымскай імперыі на комплексе археалагічных помнікаў каля в. Кардон дазваляе ўзняць пытанне аб тым, калі і якім шляхам гэтыя манеты трапілі ў Полацка-Віцебскае Падзвінне, а таксама з якімі групамі насельніцтва звязана гэтае паступленне. Пачатак масавага прытоку рымскіх манет у канцы II ст. н.э. на тэрыторыю Беларусі варта звязаць з экспансіяй вельбарскай культуры. Аднак гэта тычыцца пераважна Пабужжа і Заходняга Палесся, а таксама, магчыма, часткі Панямоння. Яшчэ адным кірункам пранікнення на тэрыторыю Беларусі эмісій Рымскай імперыі, магчыма, з’яўляецца нёманскі (паўночна-заходні). Гэты кірунак звязаны, верагодна, з міграцыяй у Беларускае Панямонне ў III–IV стст. (а магчыма, і раней) значных груп балцкага

Мал. 1. Вырабы з гліны (1–3), косці (4) і рымскія манеты (5, 6) з гарадзішча і селішча 1 каля вёскі Кардон

Fig. 1. Clay artifacts (1–3), bone item (4) and Roman coins (5, 6) from the hill fort and settlement near Kardon

⁴ За дапамогу ў вызначэнні манеты выказваем шчырую падзяку доктару Жэрому Майрату (Оксфардскі ўніверсітэт), Томашу Венцэку (Варшаўскі ўніверсітэт) і к.г.н. Кірылу Мызгіну (Варшаўскі ўніверсітэт – Харкаўскі ўніверсітэт).

насельніцтва з Ніжняга Панямоння і суседніх рэгіёнаў Польшчы – Мазуры і Сувалкіі [15, 1996, с. 16–18]. Менавіта з гэтым кірункам можна атаясамліваць знаходкі з паўднёвага захаду Віцебшчыны (у першую чаргу Глыбоччыны). У той жа час месцазнаходжанні рымскіх манет з Міёршчыны і Браслаўшчыны можна звязаць з існаваннем марскога гандлёвага шляху, які злучаў парты паўднёвага ўзбярэжжа Паўночнага мора з вусцем Віслы, а таксама, верагодна, з вусцямі Нёмана і Заходняй Дзвіны. На думку М. Міхельбертаса, гэты шлях найбольш інтэнсіўна выкарыстоўваўся ў другой палове III–IV ст. [16, 1965, с. 15]. Да версіі аб падаўжэнні рымскіх марскіх гандлёвых камунікацый да паўднёва-ўсходняга ўзбярэжжа Балтыйскага мора далучаецца В. Качановіч, які дапускае магчымасць паступлення гэтым шляхам манет Каўнаскага скарбу, сярод якіх прысутнічае чаканка гальскіх узурпатару Віктарына, Тэтрыка I і Тэтрыка II, а таксама брытанскага ўзурпатора Алекта [17, 2001, с. 137–140]. Наяўнасць марскіх кантактаў паміж імперыяй і паўднёва-ўсходняй Прыбалтыкай пераканаўча абгрунтавае А. Буршэ, які лічыць, што яны існавалі з 270-х гг. н.э. [18, 1983, с. 70].

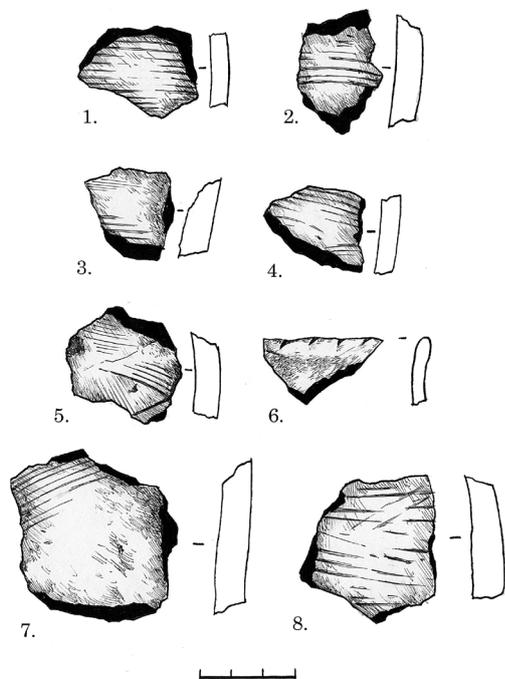
Наяўнасць актыўных сувязяў Ніжняга Падзвіння з Рымскай імперыяй пацвярджаецца значнай колькасцю манетных знаходак у Латвіі, пераважна на тэрыторыях, што непасрэдна прылягаюць да Дзвіны (Даўгавы). Гэта не толькі асобныя манеты, але і скарбы, напрыклад з Дандале і Даўгаўпілса [19, с. 101–102, № 1470, 1471]. Да гэтых знаходак прымыкаюць і манеты з паўночнага захаду Віцебшчыны, частка з якіх датуецца другой паловай III–IV ст. – часам актыўнага функцыянавання згаданага вышэй марскога шляху.

У той жа час крыніцай паступлення рымскага імпарту ў Падзвінне паміж Полацкам і Віцебскам маглі быць так званыя “ўсходнія шляхі”. Галоўны з іх, паводле М. Міхельбертаса, ішоў па Дняпры і меў адгалінаванні на Дзвіну і Нёман. Выказваючы гэтае меркаванне, літоўскі даследчык засноўваўся на беларускіх і латышскіх знаходках. Сапраўды, на карысць гэтай версіі сведчыць шэраг знаходак, напрыклад, імпартныя ўсходнія пацеркі ў пахаваннях IV–V стст. ва Усходняй Літве [20, 1965, с. 16], што вельмі важна для нас у святле разглядаемага пытання аб паступленні манет усходніх правінцый Рымскай імперыі як у Літву [20, 1968; 21, 2010], так і ў Беларусь [7, 2014, р. 75–83].

Варта падкрэсліць, што каля паловы беларускіх знаходак такіх манет лакалізуецца ў Падняпроўі, у арэале кіеўскай культуры [7, 2014, р. 79]. Менавіта з гэтай культурай можна звязаць

распаўсюджванне на ўсходзе Беларусі рымскіх манет – як эмісій цэнтральных, так і правінцыяльных манетных двароў. У сваю чаргу ў арэал кіеўскай культуры манеты траплялі ад носьбітаў чарняхоўскай культуры, якія былі вельмі добра знаёмыя з гэтымі атрыбутамі антычнай цывілізацыі. Больш за тое, у рэгіёнах, якія непасрэдна прылягалі да рымскага лімеса, у “чарняхоўцаў” назіраецца нараджэнне грашовага абарачэння [22, 2008, с. 75–76].

Да пэўнага часу Падзвінне не адносілі да арэала кіеўскай культуры, але даследаванні апошніх дзесяцігоддзяў, у т.л. беларускіх археолагаў [23, 2016, с. 277–280; 24, 2016, с. 250; 25, 2016, с. 255–262], дазваляюць сцвярджаць аб тым, што гэты арэал можа быць значна пашыраны ў розных кірунках, у т.л. і на значную частку басейна Дзвіны. Менавіта на селішчы ў г.п. Гарадку, а таксама на гарадзішчы Новае Сяло Сенненскага раёна Віцебскай вобласці былі знойдзены не толькі характэрная для кіеўскай культуры кераміка з арнамантам у выглядзе “расчосаў”, але і чарняхоўскія пацеркі. Ніжня напластаванні археалагічнага комплексу Кардон таксама змяшчаюць кавалкі ляпнога посуду з арнамантам у выглядзе “расчосаў” (мал. 2) і некаторыя рэчы, якія могуць быць датаваны не пазней за V ст. (мал. 1, 1–4). Такім чынам, можна меркаваць, што распаўсюджванне рымскіх манет у Полацка-Віцебскім Падзвінні звязана

Мал. 2. Фрагменты ляпной керамікі з арнамантам у выглядзе “расчосаў” з гарадзішча і селішча Кардон

Fig. 2. Fragments of hand-made pottery with comb-marked ornamentation from the hill fort and settlement near Kardon

з пранікненнем сюды ў III–IV стст. груп насельніцтва кіеўскай культуры, якое праз пасрэдніцтва чарняхоўскай культуры было знаёмае з гэтай катэгорыяй рымскага імпарту.

На карысьць версіі аб “усходнім” (дняпроўскім) шляху пранікнення эмсііў Рымскай імперыі ў Полацка-Віцебскае Падзвінне сведчыць заўважаная ўкраінскім даследчыкам Г. Бейдзіным перавага малаазійскіх эмсііў сярод знаходак рымскіх правінцыяльных манет ва ўсходняй (левабярэжнай) частцы чарняхоўскай культуры [12, 2012, с. 151].

Цікавай з’яўляецца гіпотэза аб існаванні ў IV ст. яшчэ аднаго ўсходняга, так званага “футравага”, або Балта-Волжскага шляху. На думку выдатнага расійскага даследчыка М. Б. Шчукіна, адным з участкаў “футравага” шляху магло быць Падзвінне [26, 2005, с. 209].

У той жа час нельга выключыць і магчымасць значна пазнейшага выпадзення рымскіх срэбраных манет у культурны слой гарадзішча і селішча Кардон – разам з арабскімі дзірхамамі. Перыяд актыўнага функцыянавання археалагічнага комплексу Кардон – рубеж VIII/IX – сярэдзіна X ст. – характарызуецца, верагодна, выкарыстаннем срэбраных манет у гандлёвых адносінах у першую чаргу на вагу, а не на лік. Таму нават у сярэднявеччы рымскія дэнарыі, як і кавалкі ўпрыгажэнняў, маглі быць плацёжным сродкам або сродкам накаплення. Выпадкі прысутнасці рымскага срэбра ў складзе скарбаў куфічных манет на Беларусі пакуль не зафіксаваны, але вядомы ў сумежных рэгіёнах. Так, у Польшчы рымскія манеты (пераважна срэбраныя) маюцца ў складзе больш чым 50 скарбаў X–XI стст. [27, 2007]. Манета Гардзіяна III знаходзілася ў скарбе пачатку XII ст. з в. Шпанькова Гатчынскага раёна Ленінградскай вобласці [19, 1961, с. 45, п. 174]. А ў Ровенскай і Кіеўскай абласцях Украіны былі знойдзены скарбы манет XVI і XVII стст., сярод якіх меліся дэнарыі Рымскай імперыі [19, 1961, с. 58, 74, п. 455, 866].

Высновы. Такім чынам, найбольш прымальнай для аўтараў артыкула з’яўляецца версія аб пранікненні рымскіх срэбраных манет на археалагічны комплекс Кардон у другой чвэрці I тыс. н.э. разам з насельніцтвам кіеўскай культуры. Пацвердзіць гэта здолеюць далейшыя даследаванні, якія, несумненна, прынясуць яшчэ шмат цікавых нумізматычных здабыткаў.

Скарачэнні

RIC III – Mattingly, H. The Roman Imperial Coinage. Vol. III. Antoninus Pius to Commodus / H. Mattingly, E. A. Sydenham. – London: Spink and Son, Limited, 1930. – 545 p.

RIC IV – Mattingly, H. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV, Part II. Macrinus to Pupienus / H. Mattingly, E. A. Sydenham, C. H. V. Sutherland. – London: Spink and Son, Limited, 1938. – 215 p.

RPC II – Burnett, A. M. Roman Provincial Coinage. Vol. II. From Vespasian to Domitian (AD 69–96) / A. M. Burnett, M. Amandry, I. Carradice. – London: British Museum Press, and Paris: Bibliothèque nationale de France, 1999. – 568 p.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Kietlińska, A. Monety starożytne w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / A. Kietlińska // *Materiały Starożytne*. – Warszawa, 1957. – Т. II. – С. 269–291.
2. Antoniewicz, W. Notatki archeologiczne / W. Antoniewicz // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*. – Kraków, 1931. – Т. XIII. – Rocznik, 1930. – С. 86–93.
3. Gupieniec, A. Przewodnik po dziale numizmatycznym muzeum archeologicznego w Łodzi. / A. Gupieniec. – Łódź: Wydawnictwo Muzeum Archeologicznego, 1954. – 147 s.: ill.
4. Побаль, Л. Антычныя нумізматычныя багаціі Міншчыны і Віцебшчыны / Л. Побаль // *Беларус. гіст. часоп.* – 1996. – № 1. – С. 115–125.
5. Сидорович, В. Находки римских монет середины III–IV вв. на территории Беларуси / В. Сидорович // *Numizmatika. Časopis slovenskej numizmatickej spoločnosti*. – 2008a. – № 22. – С. 8–13.
6. Сидорович, В. Случайные находки античных монет на территории Беларуси в 1970-е–2007 гг. / В. Сидорович // *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.)*. – СПб., 2008б. – С. 172–176.
7. Sidarovich, V. The Finds of Greek and Roman Provincial coins in Belarus / V. Sidarovich // *Notae Numismatae-Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 2014. – Tom IX. – С. 71–94.
8. Романов, Е. Археологические находки / Е. Романов // *Могилевская старина: сб. ст. Могилевских Губернских Ведомостей* / под ред. Е. Р. Романова. – Могилёв: Тип. Губернского правления, 1900. – Вып. 1. 1898 и 1899 гг. – С. 5–6.
9. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с., ил.
10. Bodzek, J. Drachma Cezarei kapadockiej ze skarbu denarów Nietulisko Małe I / J. Bodzek // *Studia z dziejów antyku. Pamięci Andrzeja Kunisza* / Red. W. Kaczanowicz. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. – С. 142–152.
11. Bursche, A. Roman coinage from Jakuszowice settlement in north Malopolska / A. Bursche // *Notae Numismatae-Zapiski Numizmatyczne*. – Kraków, 1997. – Tom II. – P. 119–157.
12. Бейдин, Г. В. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры / Г. В. Бейдин // *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник*. – Харьков, 2012. – Вып. 11. – С. 147–159.

13. Kunisz, A. Drachmy licyjskie i pontyjskie w obiegu monetarnym na europejskich obszarach Cesarstwa Rzymskiego / A. Kunisz // *Historia i Współczesność*. – 1979. – Т. 5. – С. 65–93.
14. Мызгин, К. В. Находки римских монет провинциальной малоазийской чеканки II–III вв. на территории черняховской культуры / К. В. Мызгин // *Древнее Причерноморье*. – Одесса, 2011. – Вып. IX. – С. 321–328.
15. Медведев, А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н.э.–5 в. н.э.) / А. М. Медведев. – Минск: Б.и., 1996. – 200 с.; ил.
16. Михельбертас, М. М. Римский импорт в Литве: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. М. Михельбертас; Акад. наук Литовской ССР, Ин-т истории. – Вильнюс, 1965. – 29 с.
17. Kaczanowicz, W. Moneta Allektusa znaleziona w Kownie / W. Kaczanowicz // *Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum* – Warszawa, 2001. – Supplement. – Tom 2: Nowe znaleziska importow rzymskich z ziem polski II. – S. 137–140.
18. Bursche, A. Moneta i kruszec w kulturze wielbarskiej w okresie późnorzymskim. / A. Bursche // *Przegląd Archeologiczny*. – 1983. – 31. – S. 47–90.
19. Кропоткин, В. В. Клады римских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин // *Свод археологических источников*; под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. – Вып. Г4–4. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 135 с.
20. Михельбертас, М. М. Два клада римских провинциальных монет из Западной Литвы / М. М. Михельбертас // *Нумизматика и эпиграфика*. – М., 1968. – Том VII. – С. 68–71.
21. Михельбертас, М. М. Дополнительные сведения о кладе римских монет из Даргелишке (р-н Тельшай, Литва) // М. М. Михельбертас // *Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy. Studia i Materiały. Białoruś-Estonia-Litwa-Lotwa-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina*; pod red. K. Filipowa, B. Kuklik. – Augustów-Warszawa, 2010. – S. 53–59.
22. Мызгин, К. В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения Днепро-Донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным / К. В. Мызгин // *Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов: сб. материалов*. – Калининград: Янтарный сказ, 2008. – С. 68–87.
23. Левко, О. Н. Культурные трансформации в I тысячелетии н.э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья / О. Н. Левко // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побояля: в 2 кн.* / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белявец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 271–320.
24. Шадыра, В. I. Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Сялява ў Дняпроўска-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н.э. / В. I. Шадыра // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побояля: в 2 кн.* / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белявец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 197–255.
25. Кенько, П. М. Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза / П. М. Кенько // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побояля: в 2 кн.* / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белявец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 255–262.
26. Шукин, М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура / М. Б. Шукин. – СПб.: Филоло. фак. СПбГУ, 2005. – 576 с.
27. Zapolska, A. Denary rzymskie znajdowane w kontekstach wczesnośredniowiecznych na ziemiach polskich / A. Zapolska // *Wiadomości Numizmatyczne*. – Warszawa, 2007. – Rok LI, 2007. – Zeszyt 2 (184). – S. 149–178.

References

1. Kietlińska A., “Monety starożytne w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie”, *Materiały Starożytne*, Warszawa, PL, 1957, vol. II, pp. 269–291.
2. Antoniewicz W., “Notatki archeologiczne”, *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*, Kraków, PL, 1931, vol. XIII, Rocznik, 1930, pp. 86–93.
3. Gupieniec A., *Przewodnik po dziale numizmatycznym muzeum archeologicznego w Łodzi*, Wydawnictwo Muzeum Archeologicznego, Łódź, PL, 1954.
4. Pobal’ L., “Antique numismatic wealth of Minsk region and Vitebsk region”, *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 1996, no. 1, pp. 115–125.
5. Sidorovich V., “Finds of Roman coins of the middle 3–4 centuries on the territory of Belarus”, *Numizmatika. Časopis slovenskej numizmatickej spoločnosti*, 2008, no. 22, pp. 8–13.
6. Sidorovich V., “Random finds of antique coins on the territory of Belarus in the 1970s–2007”, *Sluchainye nakhodki: khronologiiia, atributsiia, istoriko-kul’turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 16–19 dekabria 2008 g.)* [Random finds: chronology, attribution, historical and cultural context: materials of a thematic scientific conference (St. Petersburg, December 16–19, 2008)], St. Petersburg, RU, 2008, pp. 172–176.
7. Sidorovich V., “The Finds of Greek and Roman Provincial coins in Belarus”, *Notae Numismaticae-Zapiski Numizmatyczne*, Kraków, PL, 2014, vol. IX, pp. 71–94.
8. Romanov E., “Archaeological finds”, in Romanov E. R. (ed.), *Mogilevskaia starina: sbornik statei Mogilevskikh Gubernskikh Vedomostei, Vypusk I. 1898 i 1899 gg.* [Mogilev antiquity: a collection of articles of the Mogilev Provincial Gazette, Issue 1. 1898 and 1899.], Tipografia Gubernskogo pravleniia, Mogilev, BY, pp. 5–6.
9. Pobal’ L. D., *Arkheologicheskie pamiatniki Belorussii. Zheleznyi vek* [Archaeological monuments of Belarus. The Iron Age], Nauka I tekhnika, Minsk, BY, 1983.
10. Bodzek J., “Drachma Cezarei kapadockiej ze skarbu denarów Nietulisko Małe I”, in Kaczanowicz W. (ed.), *Studia z dziejów antyku. Pamięci Andrzeja Kunisza*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, PL, 2004, pp. 142–152.
11. Bursche A., “Roman coinage from Jakuszowice settlement in north Malopolska”, *Notae Numismaticae-Zapiski Numizmatyczne*, Kraków, PL, 1997, vol. II, pp. 119–157.

12. Beidin G. V., “Roman provincial coins on the territory of Ukraine in the area of Chernyakhov culture”, *Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* [Antiquities. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook], Kharkov, UA, 2012, Issue 11, pp. 147–159.
13. Kunisz A., “Drachmy licyjskie i pontyjskie w obiegu monetarnym na europejskich obszarach Cesarstwa Rzymskiego”, *Historia i Współczesność*, 1979, vol. 5, pp. 65–93.
14. Myzgin K. V., “Finds of Roman coins of provincial Asia Minor coinage of the 2nd – 3rd centuries on the territory of Chernyakhov culture”, *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea Coast], Odessa, UA, 2011, Issue IX, pp. 321–328.
15. Medvedev A. M., *Belorusskoe Poneman'e v rannem zheleznom veke (I tys. do n.e.–5 v. n.e.)* [Belarusian Ponemane in the Early Iron Age (I millennium BC – 5th century AD)], Minsk, BY, 1996.
16. Mikhel'bertas M. M., “Roman import in Lithuania”, Abstract of Ph.D. dissertation, archeology, Academy of Sciences of the Lithuanian SSR, Institute of History, Vilnius, LT, 1965.
17. Kaczanowicz W., “Moneta Allektusa znaleziona w Kownie”, *Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum*, Warszawa, PL, 2001, Supplement, vol. 2: Nowe znaleziska importow rzymskich z ziem polski II, pp. 137–140.
18. Bursche A., “Moneta i kruszec w kulturze wielbarskiej w okresie późnorzymskim”, *Przegląd Archeologiczny*, 1983, vol. 31, pp. 47–90.
19. Kropotkin V. V., *Klady rimskikh monet na territorii SSSR* [Treasures of Roman coins in the territory of the USSR], in Rybakov B. A. (ed.), Ser. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeological Sources], vol. G4–4, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, RU, 1961.
20. Mikhel'bertas M. M., “Two treasures of Roman provincial coins from Western Lithuania”, *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], Moscow, RU, 1968, vol. 7, pp. 68–71.
21. Mikhel'bertas M. M., “Additional information on the treasure of Roman coins from Dargelishke (Telsiai, Lithuania)”, *Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy. Studia i Materiały. Białoruś–Estonia–Litwa–Lotwa–Polska–Rosja–Rumunia–Słowacja–Ukraina*, in Filipow K., Kuklik B. (ed.), Augustów-Warszawa, PL, 2010, pp. 53–59.
22. Myzgin K. V., “Some aspects of the political and economic history of the population of the Dnieper-Donetsk forest-steppe in the second quarter of the 1st millennium BC. e. by numismatic data”, *Germania – Sarmatia. Drevnosti Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy epokhi rimskogo vliianiia i pereseleniia narodov: sb. Materialov* [Germania–Sarmatia. Antiquities of Central and Eastern Europe of the era of Roman influence and the migration of peoples: a collection of materials], Iantarnyi skaz, Kaliningrad, RU, 2008, pp. 68–87.
23. Levko O. N., “Cultural transformations in the first millennium AD on the territory of the Vitebsk Dvina Coast and the eastern part of the Dnieper-Dvinsky interfluvium”, in Levko O. N., Marzaliuk I. A., Drobushkevskii A. I., Dubitskaia N. N., Pabol' L. D., Kharitonovich Z. A., Il'iutik A. V., Belevets V. G., Belitskaia A. N., Kolosovskii Iu. V., Vergei V. S., Kasiuk E. F., Egoreichenko A. A., Ken'ko P. M., Dernovich S. D., Voitekhovich A. V., Shadyro V. I., Podgurskii P. N., Zaikovskii E. M., Kovalenia A. A., Danilovich V. V., Duk D. V., Lakiza V. L., Makushnikov O. A., Rassadin S. E., Rier Ia. G., *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiiu so dnia rozhdeniia Leonida Davydovicha Pabolia: v 2 kn.* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pabol: in 2 books], in Levko O. N., Belevets V. G. (ed.), book 2, Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2016, pp. 271–320.
24. Shadyro V. I., “The material culture of the archaeological complex on Lake Selyava in the Dnieper-Dvina interfluvium: I–VIII centuries. BC”, in Levko O. N., Marzaliuk I. A., Drobushkevskii A. I., Dubitskaia N. N., Pabol' L. D., Kharitonovich Z. A., Il'iutik A. V., Belevets V. G., Belitskaia A. N., Kolosovskii Iu. V., Vergei V. S., Kasiuk E. F., Egoreichenko A. A., Ken'ko P. M., Dernovich S. D., Voitekhovich A. V., Shadyro V. I., Podgurskii P. N., Zaikovskii E. M., Kovalenia A. A., Danilovich V. V., Duk D. V., Lakiza V. L., Makushnikov O. A., Rassadin S. E., Rier Ia. G., *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiiu so dnia rozhdeniia Leonida Davydovicha Pabolia: v 2 kn.* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pabol: in 2 books], in Levko O. N., Belevets V. G. (ed.), book 2, Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2016, pp. 197–255.
25. Ken'ko P. M., “Materials of the Upper Dnieper variant of the Kiev culture from the village of Black vine Osier”, in Levko O. N., Marzaliuk I. A., Drobushkevskii A. I., Dubitskaia N. N., Pabol' L. D., Kharitonovich Z. A., Il'iutik A. V., Belevets V. G., Belitskaia A. N., Kolosovskii Iu. V., Vergei V. S., Kasiuk E. F., Egoreichenko A. A., Ken'ko P. M., Dernovich S. D., Voitekhovich A. V., Shadyro V. I., Podgurskii P. N., Zaikovskii E. M., Kovalenia A. A., Danilovich V. V., Duk D. V., Lakiza V. L., Makushnikov O. A., Rassadin S. E., Rier Ia. G., *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period: k 90-letiiu so dnia rozhdeniia Leonida Davydovicha Pabolia: v 2 kn.* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: to the 90th anniversary of the birth of Leonid Davydovich Pabol: in 2 books], in Levko O. N., Belevets V. G. (ed.), book 2, Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2016, pp. 255–262.
26. Shchukin M. B., *Gotskii put'. Goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura* [The Gothic Way. Goths, Rome and Chernyakhiv culture], Filologicheskii fakul'tet SPbGU, St. Petersburg, RU, 2005.
27. Zapolska A., “Denary rzymskie znajduwane w kontekstach wczesnośredniowiecznych na ziemiach polskich”, *Wiadomości Numizmatyczne*, Warszawa, PL, 2007, Rok LI, 2007, Zeszyt 2 (184), pp. 149–178.

Информация об авторах

Левко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая центром археологии и древней истории Беларуси. Институт истории НАН Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: onlevko@gmail.com

Сидорович Виталий Михайлович – заведующий учебной лабораторией. Белорусский государственный университет, исторический факультет (ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: wital.sidarowicz@gmail.com

Information about the authors

Volga M. Liuko – D. Sc. (Hist.), Professor, Head of the Center for Archeology and Ancient History of Belarus, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: onlevko@gmail.com

Vitaly M. Sidarovich – Head of Training Laboratory, History Department, Belarusian State University (6 Krasnoarmeyskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: wital.sidarowicz@gmail.com

О. В. Вороненко

Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

КРЕМНЕВЫЕ АРТЕФАКТЫ ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА–МЕЗОЛИТА ВОЗЛЕ Д. ЗБОРОВ РОГАЧЁВСКОГО РАЙОНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Представлены новые материалы с поселения финального палеолита–мезолита, расположенного возле д. Зборов Рогачёвского района Гомельской области, полученные в результате раскопок 2013 г. и сбора подъёмного материала в 2000–2015 гг. Стоянка размещается по левому берегу р. Днепр, на северо-восточной окраине д. Зборов, на участке первой надпойменной террасы, на высоте не менее 4 м от уровня поймы. Культурный слой на выбранном для раскопок участке стоянки оказался повреждённым распашкой, что не позволило использовать данные стратиграфии при определении возраста материалов из культурного слоя. Техничко-типологический анализ изделий даёт возможность заключить, что материалы со стоянки Зборов 2 в культурном отношении неоднородны, это отчётливо прослеживается как в технике расщепления, так и в производстве орудий. Анализируя состояние источников по финальному палеолиту–мезолиту и сравнивая их с данными со стоянки Зборов 2, можно сделать предварительный вывод о неоднократном заселении стоянки и выделить как минимум несколько различных технологий в технике расщепления кремня. Самыми ранними на поселении стоит считать материалы, связанные с традициями лингбийской или гренской культуры. Следующий эпизод заселения стоянки отражают черты и элементы, характерные для свидерской культуры.

Ключевые слова: археология, поселение, кремневый инвентарь, финальный палеолит, мезолит, Гомельское Поднепровье

Для цитирования: Вороненко, О. В. Кремневые артефакты поселения финального палеолита–мезолита возле д. Зборов Рогачёвского района Гомельской области / О. В. Вороненко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 50–59.

O. V. Voronenko

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SILICONE ARTIFACTS OF THE SETTLEMENT OF THE FINAL PALEOLITHIC–MESOLITHIC NEAR THE VILLAGE OF ZBOROV IN ROGACHEV REGION, GOMEL OBLAST

Abstract. New materials are presented, which were obtained from a Final Paleolithic–Mesolithic settlement located near Zborov, Rogachev District, Gomel Oblast, as a result of excavations in 2013 and collecting liftable material in 2000–2015. The settlement is located on the left bank of the Dnieper River, on the north-east edge of Zborov, in the area of the first flood plain terrace, at least 4 m above the flood plain level. The cultural layer in the area selected for excavation appeared to have been damaged by plowing, which did not allow using stratigraphical data to determine the cultural layer materials. The technical and typological analysis of products allows to conclude that materials from settlement Zborov 2 are culturally non-uniform, which is distinctly traced both in the technology of splitting and in the production of tools. Analyzing the condition of sources belonging to the Final Paleolithic–Mesolithic and comparing them to data from settlement Zborov 2 it is possible to make a preliminary conclusion about multiple colonization of the settlement and to mark out at least several different technologies of stone splitting. Materials associated with the traditions of Lingbi or Grensk culture should be considered the earliest on the settlement. The next episode of colonizing the settlement is reflected by features and elements of Svider culture.

Keywords: archeology, settlement, silicone industries, Final Paleolithic, Mesolithic, Gomel Sub-Dnieper region

For citation: Voronenko O. V. Silicone Artifacts of the Settlement of the Final Paleolithic–Mesolithic near the Village of Zborov in Rogachev Region, Gomel Oblast. *Vesti Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 50–59 (in Russian).

Введение. С момента открытия краеведом А. Н. Рикунным стоянки возле д. Зборов в 1974 г. и до сегодняшнего времени было накоплено значительное количество материала, характеризующего культуру древнего населения от финального палеолита до бронзового века, большая часть которого уже опубликована [1, с. 230–231; 2, с. 145–148; 12, с. 3–12; 13, с. 44–56]. В данной статье будут освещены новые материалы с поселения Зборов 2, полученные А. Н. Рикунным

и О. В. Вороненко в результате поверхностных сборов 2000–2015 гг. и раскопок, проведенных в 2013 г. под руководством И. Н. Езепенко.

Поселение Зборов 2 расположено на левом берегу р. Днепр, на северо-восточной окраине д. Зборов Рогачёвского района Гомельской области, на участке первой надпойменной террасы на высоте не менее 4 м от уровня поймы. Территория памятника ежегодно распахивается (рис. 1).

Основная часть. С начала 1990-х гг. совместными усилиями В. П. Ксензова и И. Н. Езепенко была полностью обработана коллекция кремневого инвентаря (более 3 тыс. артефактов). Результатом проделанной работы явились две совместные публикации [12, с. 3–12; 13, с. 44–56] и, таким образом, в научный оборот были введены материалы, которые, по мнению исследователей, свидетельствовали о наличии в окрестностях д. Зборов двух поселений – Зборов 2 и Зборов 3. Первая стоянка была датирована ранним мезолитом и отнесена к кругу памятников раннего этапа днепродеснинской культуры [12]. Поселение Зборов 3 определялось еще более ранним периодом – финальным палеолитом и связывалось с древностями позднего этапа культуры Лингби [13].

В период с 2000 по 2015 г. местным краеведом А. Н. Рикунковым и О. В. Вороненко на распаханном (центральном) (рис. 1) участке стоянки ежегодно собирался подъёмный материал. Всего была собрана коллекция в количестве 210 экз., из них со вторичной обработкой 27 экз.

В коллекции насчитывается 7 нуклеусов, из них 4 двухплощадочных, 2 одноплощадочных, в одном экземпляре представлен многоплощадочный нуклеус. Из-за сильной сработанности и плохого качества сырья четко выраженных форм нуклеусы не имеют, с натяжкой можно выделить подпризматические и подконические формы. Размеры их невелики: высотой до 4 см при толщине до 2 см. Контрфронт представлен в виде желвачной корки. Ударные площадки нуклеусов в основном горизонтальные, на многоплощадочном нуклеусе ударная поверхность скошена. Все нуклеусы монофронтального скалывания. Техника подготовки нуклеуса к расщеплению включала в себя формирование ударной площадки, с которой в дальнейшем скалывались пластины и отщепы. Можно сделать вывод, что подготовка нуклеусов включала в себя лишь несколько этапов: выбор подходящей заготовки и оформление ударной площадки, с которой потом начинался процесс скалывания первичных и полупервичных отщепов и пластин. Исходным сырьем выступали кремневые конкреции, встречающиеся в достаточном количестве на территории памятника.

Самая многочисленная категория находок на памятнике – отщепы (106 экз.). Параметры этих сколов следующие: длина 5–52 мм, ширина 7–40 мм, толщина 2–18 мм. По форме дистального конца выделяются конвергентные, с округлым концом, дивергентные.

Рис. 1. Локализация стоянок возле д. Зборов Рогачёвского района Гомельской области
Fig. 1. Localization of settlement near Zborov of Rogachev district of the Gomel region

Пластин в коллекции насчитывается 48 экз. Параметры пластин варьируются в пределах 11–61 мм длины, при ширине 6–37 мм и толщине 2–21 мм. Классических форм пластины не имеют. Целых пластин в коллекции – 31 экз., 17 экз. представлены обломками, из которых проксимальных частей 5 экз., медиальных частей – 9 экз., дистальных частей – 3 экз.

Отходов производства в виде обломков, кусков кремня и чешуек – 22 экз.

Изделий со вторичной обработкой насчитывается 27 экз., из них 15 экз. было изготовлено из пластин, 12 экз. – на отщепах.

Из четырёх найденных наконечников стрел один выполнен на правильно ограненной пластине, у которого полукрутой ретушью обработаны противолежащие края черешка (рис. 2, 1). Два наконечника на фрагментах пластин и черешок оформлены мелкой (рис. 2, 2) или средних размеров полукрутой ретушью (рис. 2, 3) по одному из краёв изделия со спинки. Еще один наконечник изготовлен на фрагменте пластины с полукрутой ретушью со спинки и брюшка (рис. 2, 4).

Из 8 скребков 5 концевых, 3 подокруглых (рис. 3). Концевые скребки обрабатывались полукрутой и крутой скребковой ретушью со стороны спинки, рабочий край орудий дугообразный или прямой (рис. 3, 2–5). В большинстве они сохраняют в основании ударный бугорок. Некоторые скребки имеют полностью или частично ретушированный край. Встречаются скребки, имеющие прямой или скошенный рабочий конец. Концевые скребки, изготовленные из отщепов различной величины и случайных очертаний, отличаются крайней нестабильностью форм.

Подокруглые скребки в основном изготавливались на отщепах укороченных пропорций, рабочий край скребков в большинстве случаев имеет правильную округлую форму благодаря ретуши, далеко заходящей на боковые края заготовки. Некоторые скребки этого типа имеют высокую форму.

В коллекции резцы представлены четырьмя типами: срединными, ретушными, угловыми и трансверсальным. Резцы срединные изготовлены на пластине (рис. 2, 10) и фрагменте пластины (рис. 2, 11), рабочий угол оформлен двумя резцовыми сколами. Ретушных резцов – 3 экз. (рис. 2, 12–14), выполнены также на фрагментах пластин, с одним вертикальным резцовым сколом и концом, обработанным мелкой притупляющей ретушью. Больше всего в коллекции угловых резцов, их насчитывается 6 экз., изготовлены на пластинах и их фрагментах с помощью одного узкого и короткого скола, нанесенного по краю параллельно продольной оси орудия (рис. 2, 15, 17–20), на одном изделии нанесены два коротких встречных скола (рис. 2, 16). Трансверсальный (поперечный) резец представлен 1 экземпляром (рис. 2, 21), выполнен на пластине, рабочий угол оформлен одним поперечным сколом.

Два скобеля изготовлены из массивного отщепа и желвака кремня, рабочий край орудий обработан фасетками крупной крутой ретуши со стороны спинки.

В одном экземпляре на памятнике выявлено сверло (рис. 2, 9), выполненное на пластине небольших размеров и отретушированное по краям со спинки.

В 2013 г. на северо-западной окраине стоянки, на уступе первой надпойменной террасы, на непо потревоженном от распашки участке стоянки, на высоте 4 м от уровня поймы, был разбит небольшой шурф общей площадью 10 кв. м. На поселении стратиграфически выражены следующие литологические горизонты:

- 1) светло-серый насыпной горизонт, мелкозернистый песок, мощность до 0,20 м;
- 2) темно-серый мелкозернистый песок слабонасыщенный находками мощностью до 0,35 м, переход в последующий стратиграфический горизонт слабо выражен;
- 3) материковый уровень залегает в южной части с глубины 0,30 м, в северной части – 0,60 м (светло-желтый разнозернистый песок).

В пределах шурфа на глубине 0,50 м выявлены два объекта: объект №1 в квадратах А1, Б1 – овальной формы, площадью около 3 кв.м, очертания выразительные, цвет заполнения – темно-серый песок с угольками, находки единичные, мелкие отщепы и фрагменты керамики раннего периода эпохи бронзы. Объект № 1 исследован не полностью, т.к. северная его часть уходила в стенку шурфа. Объект № 2 имеет также овальную форму и находится в квадратах А2, Б2, А3, Б3 площадью около 2 кв.м. Цвет заполнения – темно-серый мелкозернистый песок с угольками. Южная граница объекта № 2 размыта и выражена нечётко, отчётливее прослеживается северная граница объекта.

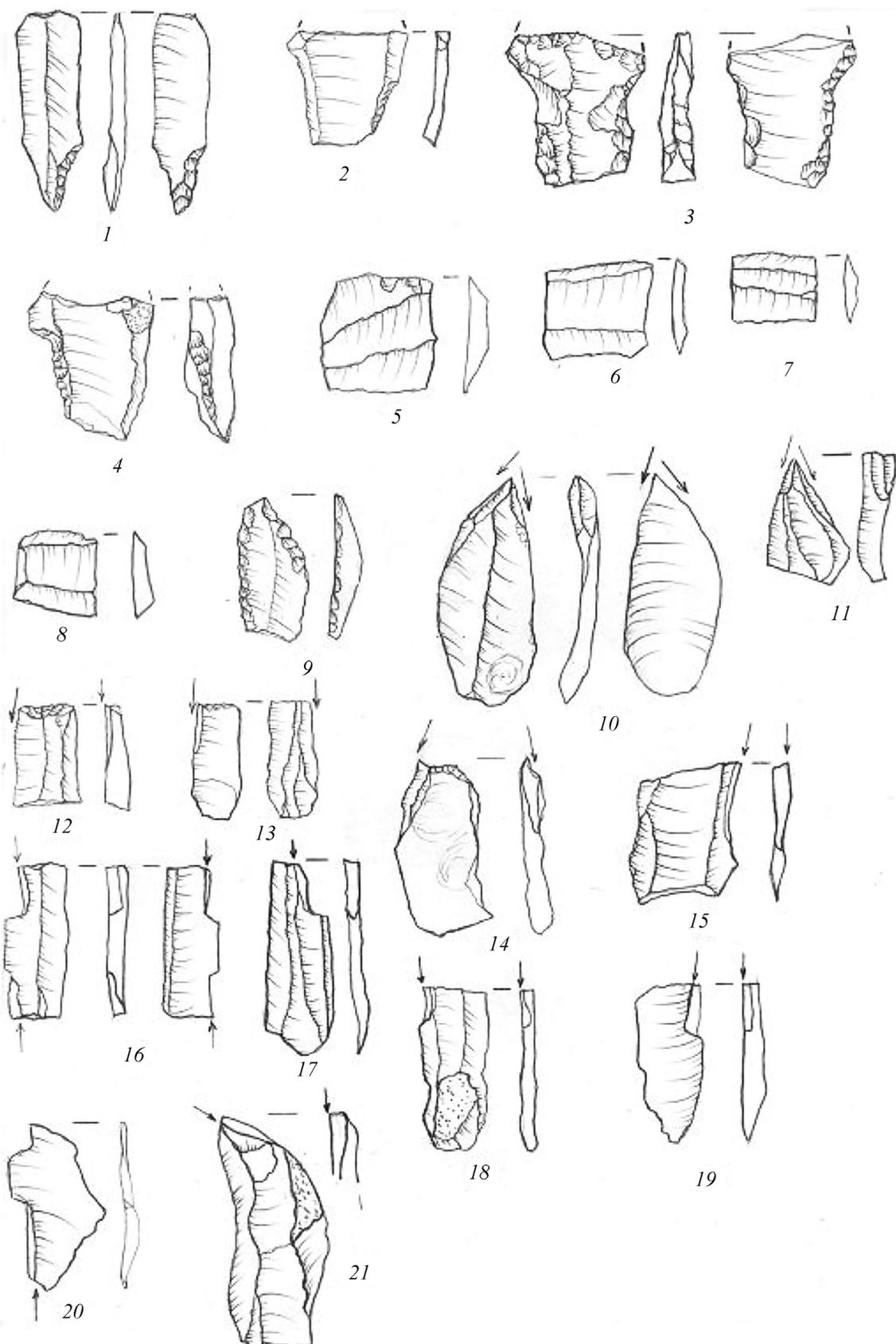

Рис. 2. Кремневый инвентарь стоянки Зборов 2: 1–4 – наконечники стрел; 5–8 – медиальные сечения пластин; 9 – сверло; 10–21 – резцы

Fig. 2. Stone industries of the Zborov 2 settlement: 1–4 – tips of arrows; 5–8 – medial sections of plates; 9 – drill; 10–21 – cutters

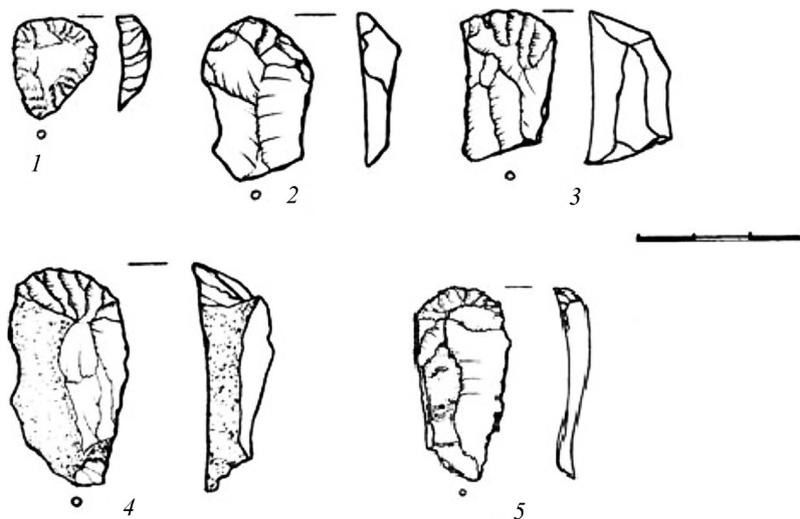

Рис. 3. Скребки со стоянки Зборов 2
Fig. 3. Stone industries of the Zborov 2 settlement. Scrape

Таким образом, данные стратиграфии указывают, что находки привязаны к литологическому горизонту современной почвы, засыпанному ранее песком и выклинивавшемуся в северной части шурфа.

Всего в ходе раскопок был найден 91 предмет из кремня. Большинство коллекции составляют отщепы и пластины, изделия со вторичной обработкой представлены в виде всего 5 экз.

На стоянке орудия труда изготавливались из местного сожского кремня, выходы которого известны вниз по течению Днепра у д. Мадора Рогачёвского района. В меньшей степени использовался светло-серый кремень с матовым оттенком. Кроме мелового кремня употреблялся валунный и галечный, которого в достатке в прибрежных районах Днепра.

В коллекции раскопок 2013 г. целыми сохранились три нуклеуса: одноплощадочный, подпризматической формы и монофронтального скалывания. Размеры первого: высота 3,5 см, толщина до 1,3 см. Исходя из анализа негативов скалывания, можно установить, что с данного нуклеуса снимались пластины. Один из двух двухплощадочных нуклеусов имеет конусовидную форму с меловой коркой по контрфронту, его размеры следующие: высота 2,8 см, толщина 1,9 см. Данный нуклеус был предназначен для снятия отщепов. Второй нуклеус также имеет конусовидную форму, его размеры: высота 2,5 см, толщина 1,7 см. Судя по негативам скалывания, с данного нуклеуса снимались пластины. В коллекции также присутствуют два нуклеидных обломка.

Найдено 49 экз. отщепов, метрические данные которых следующие: длина 6–40 мм, ширина 7–32 мм, толщина 1–15 мм. Для большинства отщепов характерна меловая корка на спинке. По форме сечений выделяются следующие варианты: отщепы с треугольным сечением – 24 экз.; отщепы с трапециевидным сечением – 18 экз.; отщепы с сегментовидным сечением – 7 экз. По форме дистального конца отщепы можно разделить на следующие группы: конвергентные – 15 экз.; дивергентные – 5 экз.; округлые – 29 экз.

Пластин и обломков пластин насчитывается 26 экз. Размеры пластин варьируются в пределах 11–45 мм длины, при ширине 7–27 мм и толщине 2–20 мм. Большая часть пластин имеет правильную форму, некоторые – с ударным бугорком. Патинизированных пластин – 4 экз., с меловой коркой на одной из граней – 2 экз., обожженных частей пластин – 2 экз. Из найденных пластин и их обломков выделяются: целые пластины – 16 экз.; проксимальные фрагменты – 5 экз.; медиальные части – 3 экз.; дистальные части – 2 экз. Формы сечений пластин следующие: треугольные – 12 экз.; трапециевидные – 9 экз.; сегментовидные – 5 экз. Профили пластин: прямой – 15 экз.; изогнутый – 11 экз.

В отдельную категорию можно выделить обломки и куски кремня (8 экз.), наличие которых в материалах коллекций может свидетельствовать о расщеплении кремня на территории поселения.

Изделий со вторичной обработкой всего 5 экз.: двухгранный резец на пластине (длина 3,2 см, ширина до 1,1 см); пластина с крутой мелкой ретушью со спинки (длина 4,2 см, шири-

на основания 1,3 см); пластина с мелкой ретушью по краю со спинки, с меловой коркой; отщеп с мелкой ретушью со стороны спинки. В одном экземпляре представлен вкладыш, изготовленный на медиальном сечении пластины и имеющий следующие размеры: ширина основания 15 мм, длина 11 мм.

Учитывая то, что культурный слой на выбранном для шурфовки участке стоянки оказался повреждённым распашкой, это не позволяет использовать данные стратиграфии при определении возраста материалов из культурного слоя. Таким образом, остаётся уповать на сравнительно-типологический анализ.

Подводя итог анализу изделий нулевого цикла расщепления, можно с уверенностью отметить существование двух различных технологий, применявшихся на стоянке в первичном расщеплении кремня:

- 1) техника расщепления основана на получении массивных отщепов, с выраженным ударным бугорком, путем одностороннего снятия твердым отбойником. Нуклеусы выраженной формы не имеют;
- 2) получение правильных, ограненных пластин, путем параллельного и одностороннего скальвания с использованием посредника.

При изготовлении орудий на стоянке самым распространенным приемом было ретуширование. С помощью него на орудиях выделялись и подправлялись рабочие части, широко использовалось ретуширование краев пластин, отщепов и кусков кремня. Вторым способом вторичной обработки являлась техника резцового скола. Данным приемом обрабатывались резцы.

Технико-типологический анализ изделий позволяет заключить, что материалы со стоянки Зборов 2 в культурном отношении неоднородны, что отчётливо прослеживается как в технике расщепления, так и в производстве орудий.

В процессе изучения стоянки были добыты материалы не менее чем трёх разных археологических культур финального палеолита – раннего мезолита (лингбийская, гренская, свидерская).

Кратко остановимся на характеристике данных культурных образований, памятники которых представлены на территории Гомельского Поднепровья.

В географическом отношении наибольшая концентрация памятников на территории Гомельского Поднепровья отмечается в пределах Рогачёвского района (Виричев, Вишенька, Зборов 2, Коромка, Турск). Три памятника расположены в Речицком районе (Речица 2, Береговая Слобода, Борхов), два – в Жлобинском (Шихов, Жлобин 4), один памятник находится на территории Лоевского района (Рекорд). Поселения расположены на высоте от 4,5 (Жлобин 4) до 24 м (Береговая Слобода) над уровнем поймы или на склонах коренного берега. Уровень их расположения зависит от высоты террасы на каждом конкретном участке Днепра. Расстояние стоянок от русла реки колеблется от 50 (Коромка) до 300 м (Шихов). Исключением является стоянка Рекорд, расположенная в 2,5 км западнее Днепра на уровне второй надпойменной террасы, возле древнего водоема, на дюнном всхолмлении. Данные о расположении стоянки Борхов не указаны (кроме того, что находится на второй надпойменной террасе). Отсутствуют также данные о высоте нахождения, относительно русла Днепра, стоянки Речица 2. Особенностью расположения стоянок является то, что большинство из них находится на мысах, образованных оврагами или мелкими речками, которые протекали в долине Днепра.

Проблемы характеристики комплексов с наконечниками *типа Лингби* на территории Гомельского Поднепровья рассматривались в работах В. Ф. Копытина, В. П. Ксензова, Е. Г. Калечиц, А. В. Колосова, Л. Л. Зализняка, Г. В. Сеницыной и др.

Генезис выделенной Л. Л. Зализняком красносельской культуры исследователь выводит из лингбийской культуры, население которой является первым и постоянным в Верхнем Поднепровье, расселение которого начинается во время аллерёдского потепления [4, с. 45].

Вслед за Л. Л. Зализняком В. П. Ксензов отмечает, что на рубеже плейстоцена – голоцена лингбийское население, пришедшее в южную часть лесной зоны Восточной Европы, на территории Верхнего Поднепровья вступило в контакт со свидерским населением, оказав на него сильное влияние, в результате чего появляются памятники днепро-деснинской культуры [14, с. 56–57]. Впервые понятие «днепро-деснинская культура» было введено в научный оборот В. П. Ксензовым в конце 1980-х гг. [9, с. 41–48; 10, с. 11–19]. Оно включает в себя более 30 мезолитических памятников, расположенных в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

А. Н. Сорокин в своих работах высказал идею о «механической смешанности материалов» [15, с. 60]. Суть взглядов исследователя проста: «памятники находятся у “живой воды” и, следовательно, очень высока вероятность неоднократного посещения одного и того же места в разное время» [15, с. 62]. Исходя из этого утверждения, А. Н. Сорокин заключает, что днепродеснинская культура является «источниковедчески несостоятельной и ее следует рассматривать как момент историографии» [15, с. 62].

Такой же позиции придерживается и А. В. Колосов. Исследователь ставит под сомнение правомерность выделения днепродеснинской культуры и указывает на поликультурный характер материалов их памятников [6, с. 16–17]. Однако проблема состоятельности днепродеснинской культуры остаётся открытой и требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Г. В. Сеницына территорию Верхнего Поднепровья включает в восточную группу памятников, связанную с миграцией культурного населения бромме-лингби, определяя время данных миграций в пределах аллерёда – дриаса III [14, с. 159].

На территории Гомельского Поднепровья материалы, связанные с культурой Лингби, довольно однообразны и включают следующие черты кремневого инвентаря: техника расщепления кремня основывалась на монофронтальном скалывании заготовок крупных размеров (пластин или пластинчатых отщепов) с помощью каменного отбойника. Наконечники стрел изготовлены на пластинах с четко выделенным толстым черешком коротких или длинных пропорций без дополнительной вентральной подправки.

Вышеописанные признаки присутствуют в изучаемом регионе на стоянке Коромка и местонахождении Турск Рогачёвского района.

На поселении Коромка данный технокомплекс представлен серией наконечников стрел, где хорошо выделен толстый и широкий черешок, наконечники имеют натуральное перо, напоминают предметы вооружения типа Лингби [5, с. 123].

Местонахождение Турск представлено одним единственным черешковым, широколиственным наконечником типа Лингби [5, с. 123; 10, с. 6].

Массивный наконечник дротика типа Лингби встречается и в ранее опубликованных материалах Зборова 2 [12, с. 7].

Гренская культура в изучаемом регионе представлена материалами со стоянок Коромка, Виричев, Вишенька, Береговая Слобода, Речица 2 и Рекорд.

Данным памятникам присущи практически все культуроопределяющие черты, характерные гренской культуре, а именно: использование техники твердого удара; основными заготовками являются отщепы и пластинчатые отщепы; характерное крутое и полукрутое ретуширование заготовок, широкое использование техники резцового скола; преобладание концевых скребков при наличии округлых; резцы с ретушированной площадкой скола; черешковые и асимметрично-черешковые наконечники стрел с противоположащей боковой выемкой (гренский тип).

Непосредственной генетической основой гренской культуры В. П. Ксензов считает население, оставившее в Верхнем Поднепровье поселения Аносово 1 и 4, Берестеново, которые образовали ее первую, самую раннюю хронологическую группу [11, с. 30]. Датируется данная группа поздним дриасом – началом пребореального периода, т.е. в пределах 10,8–10 тыс. лет назад. Коромка была включена во вторую хронологическую группу гренской культуры, датированную бореальным периодом, т.е. временем 9,2–8 тыс. лет назад. В третью хронологическую группу включены поселения Речица 2 и Рекорд, датирующийся началом атлантического времени (8–7 тыс. лет назад) [11, с. 29–34].

В. Ф. Копытин отнёс Коромку в самую раннюю группу памятников типа Боровка. В. Ф. Копытин считал, что «материалы Коромки и Боровки имеют принципиально важное значение для решения вопроса генезиса гренской культуры, на основе группы памятников среднеднепровской культурной общности, а не аренбургской культуры, ареал распространения которой удален на сотни километров от Верхнего Поднепровья» [8, с. 25].

Вопрос о генезисе гренской культуры, по мнению А. В. Колосова, остается открытым, при этом исследователь отмечает, что «гренская, иеневская и песочноровенская культуры – это не

только явление одного генетического порядка, а пример эволюции культурных и хозяйственных традиций населения в условиях трансформации окружающей среды в конце эпохи плейстоцена – начале голоцена» [7, с. 191].

Состояние источников по *свидерской культуре* до начала 2000-х гг. указывало на исключительный характер присутствия этого культурного явления в Восточной Беларуси. К началу 2000-х гг. было известно лишь несколько стоянок свидерской культуры – Яново и Барколабово, открытых В. Ф. Копытиным еще в начале 1970-х гг. [8, с. 27–31]. Однако, как указывает А. В. Колосов, «с учетом новых данных следует признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси» [7, с. 192]. Только на территории Посожья исследователем выделено 22 пункта, на которых были обнаружены свидерские материалы [7, с. 192].

В Гомельском Поднепровье к свидерской культуре относятся материалы со стоянок Коромка и Береговая Слобода. Для отдельных материалов данных стоянок характерны следующие технологические особенности: техника расщепления основывалась на односторонней утилизации двухплощадочных нуклеусов с кососкошенными площадками, при помощи мягкого отбойника, с которых снимались нерегулярные пластины; количественное преобладание резцов над скребками; среди резцов выделяются срединные, ретушные и угловые; среди скребков доминируют концевые на пластинах; неотъемлемой частью свидерских комплексов являются рубящие орудия, проколки и пластины с затупленным ретушью краем; культуроопределяющая роль принадлежит черешковым наконечникам стрел с плоской ретушью на брюшке [5, с. 52–53].

М. Н. Желтова, рассматривая технико-морфологические особенности свидерской индустрии, выделила основные технические моменты при создании классического свидерского наконечника.

По ориентации заготовки наконечники делятся на две группы:

1) наиболее многочисленная группа «с обычной ориентацией заготовки» делится еще на две подгруппы: а) на пластинах с коническим окончанием, где зачастую не требовалась дополнительная подправка пера, а иногда она имела только мелкую краевую ретушь, черешок уплощался обычно встречной отжимной ретушью на брюшке и выделялся крутой или полукрутой ретушью на спинке; б) на пластинах с неконическим окончанием, у которых черешок обрабатывался тем же способом, а острое требовало значительной корректировки формы, производящейся обычно полукрутой ретушью на спинке и отжимной встречной на брюшке;

2) количественно меньшая категория «с обратной ориентацией пластины», где острое наконечника создавалось на проксимальной части заготовки, что требовало значительного переоформления пера путем уплощения ударного бугорка [3, с. 17–21].

В коллекции Зборов 2 присутствует наконечник с вышеуказанными техническими характеристиками. Он сделан на пластине с коническим окончанием, с подработанным краевой ретушью пером, где черешок был выделен полукрутой ретушью со стороны спинки. Данный наконечник, без сомнения, связан со свидерской культурой (рис. 2, 1).

Анализируя состояние источников по финальному палеолиту – мезолиту и сравнивая их с данными со стоянки Зборов 2, можно сделать предварительный вывод о неоднократном заселении стоянки и выделить как минимум несколько различных технологий в технике расщепления кремня.

Первый эпизод заселения связан с комплексом находок, который включает в себя следующие черты:

1) наличие массивных отщепов, полученных путем одностороннего снятия твердым отбойником. Нуклеусы выраженной формы не имеют;

2) наконечники симметричной формы с выделенным крутой ретушью черешком со спинки или брюшка;

3) концевые скребки и резцы, сделанные на массивных отщепах и пластинах.

Данный комплекс включает в себя в полной мере основные черты, характеризующие древности гренокской и лингбийской культуры с некоторыми оговорками. Проведение более четкого культурного разграничения, по мнению автора, затрудняется по следующей причине.

На стоянке Зборов 2 отсутствует классическая форма гренского наконечника (асимметричный с боковой выемкой). В связи с этим культурную идентификацию данного комплекса находок стоит проводить с особой осторожностью, так как материалы гренской и лингбийской культур проявляют соответствия в технике расщепления и вторичной обработки. Проведение более четкого культурного разграничения, по мнению автора, затруднительно в силу механического смешения материалов.

Следующий эпизод заселения стоянки, вероятнее всего, связан с материалами, проявляющими основные черты сходства со свидерской культурой, а именно:

- 1) получение правильных остроконечных пластин путем параллельного и одностороннего скалывания с использованием мягкого посредника;
- 2) наличие классического свидерского наконечника;
- 3) концевые скребки на пластинах;
- 4) срединные, боковые и угловые резцы на пластинах.

Большинство исследователей датируют древности лингбийской и гренской культуры в пределах аллерёда–дриаса III, где лингбийские материалы считаются более древними, чем гренские. Однако публикация новых данных Г. В. Сеницыной [17, с. 152–181] противоречит этому утверждению. Следовательно, дальнейшее выяснение хронологического возраста зборовских материалов требует специального исследования.

Выводы. Таким образом, материалы с поселения Зборов 2 имеют поликультурный характер. Имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют как минимум о нескольких, различных в культурно-хронологическом отношении, эпизодах заселения стоянки в период финального палеолита – мезолита. Самыми ранними на поселении являются материалы, связанные с древностями лингбийской или гренской культуры. Следующий эпизод заселения стоянки можно связать со свидерской культурой.

Список использованных источников

1. Вороненко, О. В. Керамический комплекс поселения Зборов 2 Гомельского Поднепровья / О. В. Вороненко // *Рамаанаўскія чытанні-X*. – Магілёў, 2015. – С. 230–231.
2. Вороненко, О. В. Финальный палеолит – ранний мезолит Гомельского Поднепровья / О. В. Вороненко // *Рамаанаўскія чытанні-XI*. – Магілёў, 2016. – С. 145–148.
3. Желтова, М. Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии / М. Н. Желтова // *ТАС*. – Тверь, 2000. – № 4. – Т. 1. – С. 15–21.
4. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Залізняк // *Кам'яна доба України*. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
5. Калечыц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 323 с.
6. Колосов, А. В. К вопросу о локальных культурах «свидерской традиции» / А. В. Колосов // *Вестн. ПГУ. Сер. А: Гуманитарные науки*. – 2012. – № 1. – С. 20–27.
7. Колосов, А. В. О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время / А. В. Колосов // *Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)*. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 182–221.
8. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1991. – 86 с.
9. Ксензов, В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
10. Ксензов, В. П. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра / В. П. Ксензов // *Сов. археология*. – 1986. – № 1. – С. 11–28.
11. Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов. – Минск: ДНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2006. – 170 с.
12. Ксензов, В. П. Мезолитическое поселение Зборов 2 на Днепре / В. П. Ксензов, А. Н. Рикун, И. Н. Езепенко // *ГАЗ*. – Минск, 1995. – № 7. – С. 3–12.
13. Ксензов, В. П. Новые материалы каменного века из окрестностей д. Зборов Рогачёвского района Гомельской обл. / В. П. Ксензов, А. Н. Рикун, И. Н. Езепенко // *МАБ*. – Минск, 2001. – № 3. – С. 44–56.
14. Сеницына, Г. В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины / Г. В. Сеницына // *Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)*. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 152–181.
15. Сорокин, А. Н. Мезолит Оки. Проблемы культурных различий / А. Н. Сорокин // *Труды отдела охранных раскопок*. – М.: Ин-т археологии РАН, 2006. – Т. 5. – 312 с.

References

1. Voronenko O. V., “Ceramic complex of the settlement Zborov 2 Gomel Dnieper”, in Shardyko I. V. (ed.), *Romanovskie chteniia-10, posviashchennye 80-letiiu so dnia osnovaniia istoricheskogo fakul'teta : sb. statei Mezhdunarodnoi nauch. konferentsii* [Romanov Readings - 10, dedicated to the 80th anniversary of the founding of the Faculty of History: a collection of articles of the International Scientific Conference], MGU imeni A. A. Kuleshova, Mogilev, BY, 2015, pp. 230–231.
2. Voronenko O. V., “The final Paleolithic is the early Mesolithic of the Gomel Dnieper”, in Ryer Ia. R. (ed.), *Ramanaŭskiiia chytanni-XI : zbornik artykulaŭ Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi, 26–27 listapada 2015 goda, g. Magileŭ* [Romanov readings-XI: a collection of articles of the International Scientific Conference, 26–27 November 2015, Mogilev], MGU imeni A. A. Kuleshova, Mogilev, BY, 2016, pp. 145–148.
3. Zheltova M. N. “Some technical and morphological features of the swedish industry”, *Tverskoi Arkheologicheskii sbornik* [Tver Archaeological Collection], 2000, Tverskoi gosudarstvennyi ob'edinennyi muzei, Tver, RU, vol. 1, no. 4, pp. 15–21.
4. Zalizniak L. L., *Final'ni paleolit i mezolit kontinental'noi Ukraïni* [The final Paleolithic and Mesolithic of Continental Ukraine], Ser. Kam'iana doba Ukraïni. Vipusk 08 [Stone Age of Ukraine. Issue 08], 2005, Shliakh, Kiev, UA.
5. Kalechyts A. G., Kolasay A. U., Abukhoŭski V. S., *Palealitychnya pomniki Belarusi: (kul'turna-khranalagichnaia identyfikatsiia krynits)* [Paleolithic monuments of Belarus: (cultural and chronological identification of the sources)], 2010, Belaruskaiia navuka, Minsk, BY.
6. Kolosov A. V., “To the question of local cultures “Svidersky traditions” in the Mesolithic Eastern Belarus”, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii A, Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Polotsk State University. Series A, The humanities], 2012, no. 1, pp. 11–18.
7. Kolosov A. V., “On the settlement of the Sozh river basin in late glacial times”, in Sinitsyna G. V. (ed.), *Problemy zaseleniia Severo-Zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)* [The problems of settling the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (cultural-historical processes)], 2013, ElekSis, St. Petersburg, RU, pp. 182–221.
8. Kopytin V. F., *Pamiatniki final'nogo paleolita i mezolita Verkhnego Podneprov'ia* [Monuments of the final Paleolithic and Mesolithic Upper Dnieper], 1991, Mogilev, BY.
9. Ksenzov V. P., *Paleolit i mezolit Belorusskogo Podneprov'ia* [Paleolithic and Mesolithic of the Belorussian Dnieper], 1988, Nauka i tekhnika, Minsk, BY.
10. Ksenzov V. P., “The Late Mesolithic of the Belorussian Right Bank of the Dnieper”, *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archeology], 1986, no. 1, pp. 11–28.
11. Ksenzov V. P., *Mezolit Severnoi i Sentral'noi Belarusi* [Mesolithic of Northern and Central Belarus], 2006, DNU «Instytut gictoryi NAN Belarusi», Minsk, BY.
12. Ksenzov V. P., Rykunov A. N., Ezepenko I. N., “Mesolithic settlement of Zborov 2 on the Dnieper River”, *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical and archaeological collection], 1995, no. 7, pp. 3–12.
13. Ksenzov V. P., Rykunov A. N., Ezepenko I. N., “New materials from the Stone Age from the vicinity of Zborov village, Rogachevsky district, Gomel region”, *Materyialy pa arkheologii Belarusi* [Materials on the Archeology of Belarus], 2001, Minsk, BY, no. 3, pp. 44–56.
14. Sinitsyna G. V., “On migrations and autochthonous development of cultures of the final Paleolithic in the north-west of the Russian Plain”, in Sinitsyna G. V. (ed.), *Problemy zaseleniia Severo-Zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)* [The problems of settling the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (cultural-historical processes)], 2013, ElekSis, St. Petersburg, RU, pp. 152–181.
15. Sorokin A. N., *Mezolit Oki. Problemy kul'turnykh razlichii* [Mesolithic Oka. The problems of cultural differences], Ser. Trudy Otdela okhrannykh raskopok. T. 5 [Proceedings of the Department of Security Excavations. Vol. 5], 2006, Institut arkheologii RAN, Moscow, RU.

Информация об авторе

Вороненко Олег Васильевич – магистр исторических наук, аспирант. Институт истории НАН Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : voronenko111@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Voronenko – MA (Hist.), Postgraduate Student, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: voronenko111@yandex.ru

P. A. Nekrashevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

THE FINNISH DETACHED CORPS OF THE RUSSIAN ARMY (1815–1831)

Abstract. The article is devoted to the military formations of the Russian army that were located in the territory of Grand Duchy of Finland in 1815–1835. The Army was a very important tool for the consolidation of the Russian Empire. With the help of this instrument, Russian authorities sought to prevent invasion of the Swedish army and control political life of Grand Duchy of Finland. This was achieved by combining the administrative (Governor-General) and military power (the Detached Corps of Finland) in the hands of one person. Owing to this system, Finns enjoyed autonomy, but at the same time were subject to continuing control of the Governor-General. The disbandment of the Detached Corps of Finland was caused by the absence of a military threat from the Kingdom of Sweden, as well as by the loyalty of the Finns themselves to the Russian administration. However, the Governor-general continued to use the power of the Commander of the Detached Corps for political purposes.

Keywords: Finland, Russian army, autonomy, Independent corps, Finnish troops

For citation: Nekrashevich P. A. The Finnish Detached Corps of the Russian Army (1815–1831). *Vestsi Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 60–64 (in English).

Ф. А. Некрашевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЙ ФИНЛЯНДСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКОЙ АРМИИ (1815–1831 гг.)

Аннотация. Статья посвящена формированиям российской армии, дислоцированным на территории Великого княжества Финляндского в 1815–1831 гг. Для российского правительства армия выступала в роли важнейшего инструмента по поддержанию целостности империи. С помощью армии российские власти стремились не только не допустить вторжения в страну шведской армии, но и контролировать политическую жизнь самого Великого княжества Финляндского. Это достигалось путем соединения административной (генерал-губернатор) и военной власти (командир Отдельного Финляндского корпуса) в руках одного человека. Благодаря подобной системе в Великом княжестве Финляндском местные жители пользовались широкой автономией, однако при этом находились под постоянным контролем генерал-губернатора. Реформирование Отдельного Финляндского корпуса было связано отсутствием военной угрозы со стороны Королевства Швеции, а также лояльностью самих финнов к российской администрации. Тем не менее на протяжении последующих трех десятилетий генерал-губернатор продолжал пользоваться правами командира Отдельного корпуса в политических целях.

Ключевые слова: Финляндия, российская армия, автономия, Отдельные корпуса, финские войска

Для цитирования: Nekrashevich, P. A. The Finnish Detached Corps of the Russian Army (1815–1831) / P. A. Nekrashevich // *Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2017. – № 4. – С. 60–64.

As a result of the Finnish War (1808–1809), the eastern part of the Kingdom of Sweden was established as the autonomous Grand Duchy of Finland, being part of the Russian Empire. The Diet of Porvoo (1809) established the political system of the state. The Administration of the Duchy was subordinated to the Russian Emperor and consisted of Finnish officials. The Administration performed legislative, executive and judicial functions. Citizens and the bourgeois class preserved their privileges; the Lutheran Church was not subjected to any restrictions, farmers were not subjected to serfdom. Russian authorities managed to reach a compromise with the elite of the local society, i.e. nobility, clergy, bourgeoisie and landowners [6, p. 107]. Moreover, Russian Emperor Alexander ordered the establishment of three Finnish infantry regiments, each having strength of 1,200 men [17, p. 244–245].

The Governor-General was the highest representative of the Emperor and received his instructions directly from the Imperial Government in Saint Petersburg. He controlled armed forces and police in Grand Duchy of Finland. Nevertheless, he did not have absolute power, being rather a high-ranking official [1, p. 33].

Despite the seeming vastness of the Finnish autonomy, in practice it had a number of limitations. First, Russian authorities never believed that local legislation should be observed without fail. Russian authorities always treated local laws according to considerations of political expediency and political interests of St.

Petersburg Government [7, p. 116]. Second, Russian authorities did not wish to lose military control over the region. Russian authorities had to build a specific military and political system that would allow to control Finns discreetly, without violating their rights.

Russian authorities created a flexible system that allowed to control the autonomous regions of the empire through military legislation. This system was founded in 1812, when the Regulation for the Administration of a Large Active Army (1812) was adopted. This document gave the commander of a Large Active Army absolute power over civilian population in the territory where the troops were stationed [14, p. 196–197]. The aim of this law was to solve the problem of insubordination of officials and generals to the Commander-in-Chief. If the commander of an army corps operated separately from the main army, he was also conferred the rights of the commander of a Large Active Army. The formation of the Detached Corps was caused by a strategic necessity: protection of remote provinces within the empire was ineffective under the traditional system of military management. Firstly, the Detached Corps Commander waged war some considerable distance from the capital city of the state. That is why it was necessary for him to make quick decisions without wasting time on consultations with Russian government in St. Petersburg. Secondly, the war required complete subordination of civil administration to the Commander of the Army. This, in turn, meant making important social and economic decisions, which conflicted with applicable laws. Third, commanders of the Detached Corps often had to play the role of diplomats when negotiating with neighboring states. So this feature was supposed to give military commanders certain authority in order to conduct diplomatic activities.

Detached Corps continued to exist in the Russian army even in the peacetime. Commanders of Detached Corps have retained the power given to them by the Regulation for the Administration of a Large Active Army, however, with certain restrictions. As an example, in peacetime a Commander-in-Chief had no power over the civilian population of the region where the army was stationed. However, he could regain the unlimited power in case of hostilities or by special orders of the Emperor [9, 1815, № 26.022]. Five Detached Corps were established in the Russian army: the Finnish Corps (1815–1831), Siberian Corps (1815–1865), Orenburg Corps (1816–1864), Lithuanian Corps (1817–1831) and Caucasian Corps (1820–1857) [12, p. 240].

The establishment of Detached Corps in time of peace was caused by both military and political necessity. On the one hand, establishing Detached Corps in Siberia, Caucasus and Orenburg was dictated by the desire to ensure military control over remote areas of the Russian Empire. Their commanders were representatives of the Emperor and had the right to make independent decisions in military, socio-economic and diplomatic spheres. But reasons for the creation of Detached Corps in Finland and Lithuania were quite different. They were stationed at the European border of the Russian Empire, so their location was not distant from other military units. These regions were similar due to a specific political situation: the Grand Duchy of Finland and former Polish-Lithuanian Commonwealth have recently been incorporated into the Russian state. They retained their characteristic religious, social and legal features. Therefore, the Russian government faced the problem of integration of these regions. It was necessary to create there a system of control that would take into account local peculiarities and, at the same time, strengthen Russian authorities here. Commanders of the Detached Corps of Finland and Lithuania held the position of Governor-General at the same time. On the one hand, this system served to provide specific legislative privileges to the inhabitants of Finnish autonomous region. On the other hand, its General-Governor, having powers of the commander of a Large Active Army, could use troops against the civilian population in case of an armed uprising, ignoring Finnish laws. This system gave the Russian government the opportunity to make concessions to the Grand Duchy of Finland and at the same time enabled it not to lose control over the region.

The Detached Corps of Finland was founded on December 21, 1815 [2, vol. 10, p. 48] and included one infantry division, one artillery brigade and Vyborg and Sveaborg Garrison Battalions (starting 1829). The 23rd Infantry Division consisted of two infantry Brigades and one Jaeger Brigade. The 1st Brigade included Vyborgsky and Petrovsky Infantry Regiments. The 2nd Brigade included Neishlottsky and Petrovsky Infantry Regiments. The 3rd Brigade consisted of 47th and 48th Jaeger Regiments.

Commanders of the Detached Corps of Finland were General of Cavalry Count Fabian Gotthard von Steinheil (1815–1823) and Lieutenant General Count Arseny Andreyevich Zakryevsky (1823–1831) [8, p. 284, 806–807].

Commanders of the Detached Corps of Finland held at the same time the position of the Governor-General of Finland. Finnish troops were subordinated to the Governor-General [15, p. 15].

Battalions of the Detached Corps of Finland and Finnish troops were quartered along the Baltic coast of the Grand Duchy of Finland. Only a few battalions were located in the inland territory. It should be noted that five of the seven Finnish battalions were stationed together with the units of the Detached Corps of Finland [15, p. 49]. Such deployment of troops explains the two main objectives that were set for the Detached Corps of Finland: protection of the coast from enemy amphibious landing and ensuring public order within the Grand Duchy of Finland. The Kingdom of Sweden was the chief external threat to Finland at that time. The Finnish war ended in 1809 and, despite the peaceful policy of the government with regard to the Russian Empire, general public in Sweden demanded the return of Finland [16, p. 45]. Moreover, Russian government feared a possible insurrection of Finnish troops. Therefore, Finnish military units were controlled by battalions of the Detached Corps of Finland due to their joint dislocation.

Similar system of military control was used by Russian authorities not only in the Grand Duchy of Finland. For example, the Government of the Emperor Alexander I tried to control the army of the Kingdom of Poland (1815–1831) through the Russian Reserve Corps which was quartered in Warsaw in 1823–1831 [11, p. 117–140].

A distinctive feature of the history of the Detached Corps of Finland was the peaceful character of its military service. This military unit never participated in combat against armies of foreign enemies, nor against rebels within Finland. Nevertheless, the Detached Corps of Finland played an important political role: the commander of the Corps had the right to establish emergency laws regime in case of a situation unfavorable for the Russian authorities. According to researcher F. Elentsev, for many years the Army had remained the only link between the Grand Duchy of Finland and the Russian Empire [3, p. 264].

Reasons for the reorganization of the Detached Corps of Finland were the reform of the Russian army by the government of Nicholas I, as well as changes of the empire's foreign policy. The main purpose of this Corps was to confront military threat from the Kingdom of Sweden. This threat seemed quite real in the 1810s, but by the end of the 1820s, the situation had changed dramatically. Swedish King Charles XIV John adhered to the Policy of 1812 at that time. This policy implied peaceful coexistence with the Russian Empire and rejection of the idea of the return of Finland. This policy manifested itself clearly during the Polish uprising (1830–1831). Failures of Russian army in battles against Polish soldiers created favorable conditions for Charles XIV John to regain lost lands. However, Charles XIV John adhered to strict neutrality and thus won the trust of Emperor Nicholas I [16, p. 44]. At the same time, a major military reform took place in the Russian Empire. The main aim of this reform was to create a smaller, but a much more efficient Russian army [4, p. 198]. The desire to carry out planned reforms, as well as the policy of Charles XIV John forced the Russian Government to take a new look at the troops stationed in the Grand Duchy of Finland.

In 1830, Finnish troops were dissolved. According to Finnish historians, fiscal reasons were the main cause for the reduction of quantity of the Finnish units [17, p. 65]. Perhaps, negligible threat on part of the Kingdom of Sweden influenced the disbanding of the Finnish troops. This is supported by the fact that Russian authorities deliberately reduced their military contingent in the region. They did not establish any new infantry units instead of disbanded infantry regiments.

On November 19, 1831, the name of the Detached Corps of Finland was abolished. According to the decree, only the name of the location was changed, but the 21st Infantry Division and an artillery brigade continued to be subordinate to the Governor-General [10, 1832, № 4952]. It is noteworthy that the Governor-General has retained the powers of Commander of the Large Active Army in peacetime, despite the absence of the Detached Corps. The reasons for these changes are still unclear. It is possible, that the Government of Nicholas I only tried to follow their own standards. Traditionally, a corps in the Russian army included a minimum of two divisions and an artillery regiment. The Detached Corps of Finland (only one Infantry Division and an artillery brigade) did not meet these standards. In fact, the Detached Corps of Finland continued to exist, since the Governor-General continued to enjoy special privileges.

According to the policy of reducing costs of the enormous Russian army, the infantry division in Finland was reduced in 1833 to two brigades, each consisting of two regiments; the latter consisted of three battalions and one reserve battalion each [15, p. 15]. As a result, the number of troops was reduced.

Faced with an acute threat of the war between the United Kingdom and the Russian Empire, and with the possibility of a British fleet entering the Baltic Sea, Sweden hastily decided to declare itself neutral [13, p. 42–43]. This meant a sharp decline in threat of outbreak of hostilities on the Russian-Swedish border. That is why in 1835 infantry and jaeger regiments of the 23rd Division (renamed 21st Division) were transformed into line battalions, six in each brigade. Line battalions were a special category of troops in the Russian army. They were not included in military leaders' strategic calculations in case of warfare and were intended to strengthen borders of the Russian Empire in remote areas. Moreover, the artillery brigade was disbanded, but a few field guns were assigned to the local fortress artillery to serve line battalions in case of need [15, p. 61].

As can be seen, the armed forces, located in the Grand Duchy of Finland, had undergone dramatic changes by 1835. In 1829, about 15, 000 Russian troops were quartered there, including an artillery brigade, and about 4,000 Finnish troops. The significant number of soldiers and officers, as well as composition of these troops allowed them to conduct both defensive and offensive operations. However, in 1835 only 12,000 Russian troops and about 1,000 Finnish sailors were quartered in the Grand Duchy of Finland [5, p. 112]. Significant decrease in the number of armed forces, as well as the absence of artillery no longer permitted these troops to conduct offensive operations. Finally, they were transformed into second-rate troops, whose purpose was to protect the rule of law and state borders. Therefore, the year 1835 should be considered as the date of actual disbandment of the Detached Corps of Finland, when army units capable of conducting active offensive operations ultimately disappeared.

Despite the disbandment of the Detached Corps of Finland, it should be noted, that it had left a certain 'heritage' in the political life of the Grand Duchy of Finland. Given the absence of any real external threat, it must be concluded that they needed the unlimited power to control the population of the Duchy in case of emergency (uprising of civilian population or a deep political crisis). The status of the Commander of the Corps in the Grand Duchy of Finland happened to shift from a purely military field to an administrative one.

Thus, the Grand Duchy of Finland had its own legal system, armed forces and administration. However, the Governor-General could bend existing laws of the region as the Commander of the Detached Corps and act only in the interests of the central government. Deployment of the Detached Corps of Finland made it possible to keep Finnish armed forces under control and to counteract a possible invasion of the Swedish army. The lack of real military threats led to the transformation of the Detached Corps of Finland into second-rate troops. However, the Governor-General retained the status of the Commander of the Detached Corps in case of emergency within the Grand Duchy of Finland.

References

1. Balandin S. G., *Gosudarstvenno-pravovoe polozhenie Velikogo kniazhestva Finliandskogo v sostave Rossiiskoi imperii* [State-legal status of the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire], Moscow State Law Academy, Moscow, RU, 2012.
2. Viskovatov A. V., *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniia rossiiskikh voisk* [The historical description of clothing and weapons of Russian troops], Quartermaster Directorate, Saint-Petersburg, Ru, 1900.
3. Elenev F. P., "The doctrine of the Finnish state", *Russkaia Starina* [Russian old], 1878, vol. 78, no. 5, pp. 255–322.
4. Kukharuk A. V., "Reform of the army by the government of Nicholas I in 1830th", *Russkii Sbornik: issledovaniia po istorii Rossii* [Russian collection: Research on Russian history], Moscow, RU, 2009, vol. 7, pp. 191–205.
5. Lapin V., "The army of the empire – the empire in the army: the organization and recruitment of the armed forces of Russia in the XVI – early XX centuries", *Ab Imperio*, 2001, no. 4, pp. 109–140.
6. Luntinen P., "Military organizations of Finland in the system of the armed forces of the Russian Empire", *Novaia i Noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], 2002, no. 5, pp. 107–115.
7. Nezemann F., "From the conquest to the autonomy: political and state-legal reasons for the special position of Finland in the Russian Empire", *Russkii Sbornik: issledovaniia po istorii Rossii* [Russian collection: Research on Russian history], 2015, vol. 16, pp. 113–143.
8. Bezotosnyi D., *Otechestvennaia voina 1812 goda* [The War of 1812], ROSSPEN, Moscow, RU, 2004.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1], 1830–1851, vol. 1–45, Typography of II Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Saint-Petersburg, Ru.
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2], 1830–1884, vol. 1–55, Typography of II Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Saint-Petersburg, Ru.

11. *Spisok generalam, shtab- i ober-oficeram vsei Rossiiskoi Imperatorskoi armii, s pokazaniem chinov, familii i znakov otlichii* [List of generals, staff and senior officers of the Russian Imperial Army, with rank indication, names and insignia], Tipografija Glavnogo Shtaba, Saint-Petersburg, Ru, 1828.

12. Danilov N. A., “Historical Sketch of the military administration in Russia”, *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902* [Century of the Military Ministry. 1802–1902], 1902, vol. 1.

13. Elgström O., *Images and Strategies for Autonomy: Explaining Swedish Security Policy Strategies in the 19th Century*, Springer Science & Business Media, New York, US, 2000.

14. Kagan F. W., “Russian military reform in the age of Napoleon”, *Reforming Tsars Army: military innovation in imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*, 2004, pp. 189–204.

15. Luntinen P., *The imperial Russian army and navy in Finland 1808–1918*, SHS, Helsinki, FI, 1997.

16. Minch-Petersen T., “The Policy of 1812: Swedish foreign policy from the Congress of Vienna to the outbreak of the Crimean War”, *Northern Studies*, 1996, no 31, pp. 37–55.

17. Screen J., *The entry of Finnish officers into Russian military service 1809–1917*, University of London, London, GB, 1976.

Информация об авторе

Некрасевич Филипп Анатольевич – магистр исторических наук, аспирант. Белорусский государственный университет (пр. Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). Email: davou@mail.ru

Information about the author

Pilip A. Nekrashevich – MA (Hist.), Postgraduate Student, Belarusian State University (4 Independence Ave, Minsk 220030, Belarus). Email: davou@mail.ru

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 81'37(045)

Поступила в редакцию 07.03.2017
Received 07.03.2017**Н. В. Зиневич***Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь***ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ОБОБЩЕНИЯ
В НАУЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ**

Аннотация. Во введении настоящей статьи показывается значение мыслительной операции обобщения в гносеологии и лингвистике, а именно ее роль в процессе познания окружающей действительности и передаче его результатов средствами языка. Цель статьи – уточнить категориальный статус обобщения с интердисциплинарных позиций и представить комплексный анализ средств его материальной реализации в научном тексте. В основной части проводится сопоставление категориального статуса обобщения в лингвистике и философии. Как показал анализ, в обеих науках обобщение рассматривается в качестве одной из центральных категорий, которая активно участвует в выделении других категорий, что позволяет приписать ей метакатегориальный статус. Характерной особенностью лингвистической категории обобщения является ее план выражения, который зачастую рассматривается с позиций теории поля. В дополнение к традиционно выделяемым языковым уровням функционально-семантического поля обобщенности предлагается учитывать уровень текста, основной единицей которого является обобщающее высказывание выводного характера. Как показало исследование, план содержания таких высказываний в значительной мере предопределяется контекстуально старой информацией, но вместе с тем может содержать кванты нового знания. В заключении статьи делаются выводы об особенностях функционирования обобщающих высказываний в научном тексте. Подчеркивается, что такие высказывания являются по своей природе динамичными единицами, которые не только обеспечивают связность и интеграцию научного текста, но и активно участвуют в механизме текстообразования.

Ключевые слова: обобщение, категория, функционально-семантическое поле, обобщающее высказывание выводного характера, текст, научный текст, текстообразование

Для цитирования: Зиневич, Н. В. Текстообразующий потенциал категории обобщения в научном произведении / Н. В. Зиневич // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 65–74.

N. V. Zinevich*Minsk Linguistic University, Minsk, Belarus***TEXT FORMATION POTENTIAL OF THE GENERALIZATION CATEGORY
IN A SCIENTIFIC WORK**

Abstract. The paper looks into the functional potential of generalization as highlighted in different scientific fields. It has been revealed that generalization plays a very significant role in the theory of cognition, linguistics and science in general. Thus, generalization proves to be an indispensable factor in understanding the world, naming new phenomena and ensuing information interchange. The highly abstract character of generalization has let scholars refer to it as a high-level category, which, as the analysis shows, can be attributed with a metacategorical status. In linguistics the category of generalization, though having a distinct semantic background, can find versatile ways of its formal manifestation, which have been traditionally viewed as a functional-semantic field. The paper suggests that among the conventionally recognized language levels of the field there should be identified the level of text, which is best represented with generalizing utterances – sentences, whose major aim is to recap preceding information and convey it in a condensed form. It has been shown that such utterances can perform a wide range of functions in the text, with text formation being the leading one.

Keywords: generalization, category, functional-semantic field, generalizing utterance, text, scientific text, text formation

For citation: Zinevich N. V. Text Formation Potential of the Generalization Category in a Scientific Work. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarных navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 65–74 (in Russian).

Введение. В основе познавательной и языковой деятельности человека лежат сходные когнитивные операции, важную роль среди которых играет *обобщение*. Во многом благодаря способности обобщать информацию человек существенным образом продвинулся в познании и освоении окружающей действительности и, как результат, в своем эволюционном развитии [1; 2].

Можно сказать без преувеличения, что операция обобщения задействуется во всех аспектах рече-мыслительной деятельности человека: от называния различных предметов и процессов (номинации) до последующего обмена информацией (коммуникации). Так, при назывании человек выбирает наиболее значимые характеристики объектов и отвлекается при этом от нерелевантных частных. Более того, само имя носит обобщающий характер, поскольку представляет не единичные сущности, а целые классы сходных объектов [3; 4].

С точки зрения успешности коммуникации важно то, что обобщение непосредственно участвует в механизмах порождения и восприятия речевого целого. Так, с одной стороны, построение любого высказывания осуществляется на основе общего замысла автора, который в процессе объективации на текстовом пространстве должен определенным образом развиваться и дополняться новыми смыслами [5]. С другой стороны, понимание целого произведением адресатом происходит с опорой на наиболее значимые (общие) моменты, которые он для себя выделяет [6]. Иначе говоря, язык является не только инструментом познания, но и средством хранения и передачи полученной информации, что в значительной степени связано с действием обобщающего механизма.

Таким образом, закономерно, что обобщение всегда находилось в центре пристального внимания философов и лингвистов. Тем не менее, учитывая важность и общенаучный характер данного понятия, представляется теоретически целесообразным уточнить онтологический статус обобщения с интердисциплинарных позиций, обозначив его место и роль в категориальном аппарате философии и лингвистики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, отражается ли специфика обобщения на выборе средств его вербализации и их функционировании на разных языковых уровнях. Такой ракурс исследования особенно актуален в отношении уровня текста, поскольку специальных исследований в этой области еще недостаточно и требуется комплексный анализ обобщающих высказываний, уточняющий, в частности, как их планы содержания и выражения определяются характером предтекста. Таким образом, всестороннее изучение средств поверхностной реализации обобщения целесообразно не только в теоретическом, но и практическом отношении, поскольку владение максимально полным набором обобщающих маркеров может существенно помочь при создании эффективных общений, что особенно важно в современной ситуации информационной избыточности и в обучении студентов созданию научных текстов разных жанров – статьи, реферата, аннотации, рецензии.

1. Обобщение как предпосылка формирования научных категорий. Развитие человека как вида напрямую связано с постоянным совершенствованием способов познания и освоения окружающей действительности. Вместе с тем накопление разнообразного опыта взаимодействия с внешним миром вряд ли было бы возможно без навыков упорядочения и систематизации новой информации [7; 8]. Поэтому все бесконечное многообразие познаваемых объектов и явлений человек вынужден определенным образом ограничивать, абстрагируясь (отвлекаясь) от нерелевантных частных и акцентируя наиболее существенные стороны познаваемой действительности [1; 2]. Тем самым в успешном усвоении и обработке информации первостепенную роль играет мыслительная операция *обобщения*.

В связи с разделением жизнедеятельности человека на отдельные сферы и соответственным выделением различных типов общественного сознания можно говорить о том, что обобщение может происходить на различных уровнях абстракции [9]. Так, если для обыденного сознания в большей степени характерно формирование отдельных *понятий*, отражающих отличительные признаки познаваемых объектов, то для научно-теоретического более важны *категории* – «наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [10, с. 240]. Отсюда следует, что категория, в отличие от понятия, является более общей формой мышления, а именно «способом существования объекта в научно-теоретическом сознании» [11, с. 24].

История использования понятия «категория» в научном терминологическом аппарате насчитывает несколько тысячелетий и, как полагают исследователи, берет свое начало в одноименном трактате Аристотеля [12; 13]. Так, древнегреческий философ выделял такие категории, как *сущность, количество, качество, действие* и др. Вместе с тем в труде отсутствует четкое определение категории, а объяснение предваряется общим описанием: «Из сказанного без какой-либо связи каждое означает <...>» [14]. Многочисленные попытки интерпретировать данную фразу привели к появлению целого ряда толкований, варьирующихся от отождествления категории со словом до ее представления в качестве «высшего рода бытия» [12]. Однако, несмотря на серьезные разночтения, практически во всех попытках объяснить Аристотелевскую мысль присутствует указание на то, что категория представляет собой результат того или иного отвлечения от частных, единичных, фактов и сведения их к более общим проявлениям, т.е. является результатом обобщения.

В качестве традиционных примеров логико-философских категорий можно привести такие, как *бытие, материя, время, количество, качество, единичное, общее, причина, следствие* и т.д. Все они являются понятиями максимально общего характера и лежат в основе философии как науки. К данному списку необходимо добавить и *обобщение*, которое, по мнению Г. Н. Кондратьевой, также представляет собой одну из важнейших мыслительных категорий [15].

Таким образом, с одной стороны, обобщение как мыслительная операция непосредственно участвует в формировании всех других научных категорий, помогая отвлечься от нерелевантных частных и выделить наиболее существенные (общие) свойства объективного мира, а с другой – оно само является логико-философской категорией. Отсюда можно сделать вывод не только о высокой значимости обобщения в философии и гносеологии, но и о его **метакатегориальном** статусе.

2. Понятие категории в языкознании. Уже ставший аксиоматичным постулат о неразрывной связи языка и мышления традиционно доказывается тем фактом, что язык является наиболее эффективным средством хранения и передачи мыслей. Однако не менее существенным в этой связи представляется и положение о том, что в основе мышления и языка лежат сходные механизмы, которые зачастую являются зеркальным отражением друг друга. Одним из таких механизмов является обобщение, базовым продуктом которого в мыслительной деятельности считается понятие, а на уровне языка – слово [8, с. 70–75].

Что касается освещения логических и языковых сущностей с более высоких научно-теоретических позиций, то и здесь будут прослеживаться определенные аналогии, поскольку «система логических категорий, как правило, соответствует системе грамматических категорий, и, наоборот, грамматическая структура языка соответствует логической структуре мыслей» [8, с. 79]. Таким образом, закономерности мыслительного процесса естественным образом отражаются в языке, а логико-философские категории становятся базовыми понятиями для выработки категорий языковых [16].

Обратимся к определению языковой категории, предложенной Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым, которые под ней понимают «любую группу языковых элементов, выделяемую на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [17, с. 215]. Как видно, по сравнению с философским определением категории, указание на наличие некоторого существенного признака здесь дополняется тем, что он лежит в основе объединения языковых единиц в некоторые общие группы. Тем самым в определении языковой категории учитывается не только мыслительная деятельность человека по выявлению существенных характеристик объективного мира, но и особенности строевого состава языка, который призван эти признаки объективировать.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что при толковании категории в философии и лингвистике делается акцент на разных аспектах, которые, тем не менее, пересекаются. Единым для многочисленных определений категории является общий характер содержательного признака, лежащего в ее основе. Кроме того, в языковых категориях обобщение происходит в отношении строевых единиц языка, которые объединяются на основе определенных содержательных признаков в те или иные классы.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что категория обобщения играет первостепенную роль в формировании как логико-философских, так и языковых категорий, что позволяет приписать ей не только метакатегориальный, но и **метанаучный** статус.

3. Категория обобщения в языкознании. Остановимся подробнее на уточнении места обобщения в категориальном аппарате современного языкознания. С одной стороны, обобщенность рассматривают как одну из структурно-семантических категорий, доказывая это необходимостью учета как содержательной, так и формальной стороны языковых знаков, участвующих в его реализации. При этом многие авторы делают важную оговорку о том, что в случае признания обобщения категорией структурно-семантической необходимо, тем не менее, учитывать ее ярко выраженную семантическую доминанту [15].

С другой стороны, обобщение может позиционироваться как чисто семантическая (функционально-семантическая) категория [18], где на первый план выходит соответствующая семантическая функция, которая прежде всего соотносится с отражающим внеязыковую действительность мыслительным содержанием, а не с формальной стороной его выражения.

Таким образом, основное различие между двумя точками зрения заключается в том, что в структурном подходе форма и содержание неразрывно связаны, взаимно определяя друг друга, а в семантическом – первично содержание, которое в дальнейшем находит соответствующие формы выражения.

Несмотря на принципиальные различия между структурным и семантическим подходами, у них есть и некоторые сходства. Во-первых, в обеих концепциях описание плана выражения категорий обычно происходит с точки зрения теории поля, построенного с помощью разноуровневых языковых единиц и разделенного на ядро и периферию, – сегменты, содержащие языковые единицы, в большей или меньшей степени приспособленные для выражения той или иной семантической категории [19]. Во-вторых, независимо от ракурса рассмотрения категории обобщенности, при ее анализе во главу угла ставится семантическая составляющая. Так, общепризнанно, что специфичным только для данной категории является набор таких семантических признаков, как «совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность» [15].

4. Полевая организация категории обобщения. Остановимся подробнее на строении функционально-семантического поля (ФСП) обобщения. В качестве основных языковых уровней, чьи средства участвуют в выражении данной категории, традиционно выделяются морфологический, лексический, синтаксический, а также промежуточные межуровневые варианты (лексико-морфологический, лексико-синтаксический и т.п.) [18; 20–21]. Примеры конкретных разноуровневых средств, участвующих в реализации категории обобщения, представлены в таблице.

Языковая реализация категории обобщения
Linguistic realization of the generalization category

Языковой уровень	Ядерные средства	Периферийные средства
Морфологический	– вневременное настоящее – артикль в генерализующей функции – нейтрализация оппозиции единичности / множественности (<i>Что волка не корми, он все в лес смотрит</i>)	– некоторые спрягаемые формы глагола, напр. 2 л., наст. вр. (<i>никогда не знаешь</i>)
Лексико-морфологический	– определительные (обобщительные) местоимения (<i>все, всё, каждый, любой, всякий</i>) – местоименные наречия (<i>всюду, везде, всегда</i>)	– неопределенные местоимения (<i>что-то, кто-то, кто-нибудь, кое-что</i>) – наречия и наречные слова (<i>обычно, часто</i>)
Лексический	–	– имена со значением широкого класса предметов (<i>люди, человечество</i>) – лексические единицы с семантическим признаком неопределенной количественности (<i>различные, многие</i>)
Синтаксический	– автономные синтаксические единицы, соответствующие формуле «все – везде – всегда» (<i>Цыплят по осени считают</i>)	– безличные предложения

Разделение языковых средств выражения обобщенности на ядерные (типизированные) и периферийные (нетипизированные) связано, соответственно, с их способностью передавать семантику обобщенности в большей или меньшей степени. Так, ядерными являются единицы, чья семантическая структура включает все специфические для данной категории семы («совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность»). К периферийным и промежуточным случаям будут относиться те, когда та или иная сема отсутствует или выражена недостаточно четко.

Различия в семантике языковых единиц напрямую определяются их связью с внеязыковой действительностью, что изучается в теории референции [22]. С данной точки зрения высказывание считается обобщающим, если в нем присутствует неререферентный (неконкретный) субъект, относящийся к некоторому предельно широкому классу объектов, и поэтому не связанный с четким референтом в окружающем мире. Например, определительные местоимения типа *все* обладают универсальной (или нулевой) референцией, поскольку представляют все множество обозначенных ими сущностей и не выделяют конкретных представителей. Соответственно, они удовлетворяют всем критериям значения обобщенности и относятся к ядерным средствам его выражения.

В то же время неопределенные местоимения типа *некоторый*, хотя и не конкретизируют своих субъектов, но ограничивают их количество и сужают диапазон референта до некоторой группы. Как результат, неопределенные местоимения относятся к периферийным средствам выражения обобщенности.

Что касается организации ФСП обобщения, то необходимо отметить, что членение, соответствующее основным уровням языка, в значительной степени условно. Дело в том, что чаще всего единицы различных уровней налагаются друг на друга, образуя синкретичные варианты (лексико-морфологический, лексико-синтаксический и т.п.) [15; 21].

Более того, любые средства функционируют не изолированно, а в некоторых речевых отрезках, минимальным из которых на письме является предложение. Соответственно, можно сказать, что синтаксический уровень в данном случае является ведущим, поскольку «синтезирует средства выражения обобщенного значения других уровней языка» [21, с. 20].

Рассмотрим в качестве примера предложение *Всякий кулик свое болото хвалит*. Субъект данного высказывания (*Всякий кулик*) является неререферентным, поскольку соотносится с любым возможным деятелем. Неконкретность субъекта подчеркивается использованием формы единственного числа, которая в данном окружении берет на себя функцию выражения обобщенной множественности, акцентируя тем самым типичного представителя рода. Определительное местоимение *всякий* подчеркивает универсально-обобщающий характер субъекта высказывания. С помощью предиката *хвалит* обобщенному субъекту приписывается признак общего, постоянного характера, чему способствует форма вневременного настоящего соответствующего глагола. Под влиянием окружения притяжательное местоимение *свое* также начинает обозначать принадлежность не конкретному, а обобщенному лицу. Таким образом, видно, что на синтаксическом уровне происходит консолидация разноуровневых единиц, задействованных в выражении значения обобщенности, благодаря чему реализуется ядерная модель обобщения «*все – везде – всегда*».

5. Реализация обобщенности на уровне текста. Как было показано выше, при рассмотрении средств выражения категории обобщенности исследователи традиционно ограничиваются основными уровнями языка и их комбинациями. Вместе с тем закономерно возникает вопрос: возможно ли дальнейшее расширение ФСП обобщенности, например, за счет привлечения единиц текстового порядка?

Безусловно, нельзя не учитывать принципиальное отличие текста от единиц других уровней: по большей части текст является динамично развивающейся сущностью, которая отражает процессуальный характер своего создания, развертывания и восприятия [23]. Учет динамической природы текста привел многих исследователей к признанию его в качестве единицы не языка, а речи [16].

Вместе с тем, как показало исследование 40 научных лингвистических статей на английском языке и 65 статей на белорусском языке, на текстовой поверхности регулярно появляются высказывания, логически вытекающие из предшествующих фрагментов и обобщающие их в краткой форме. Так, в проанализированном корпусе было обнаружено 692 подобные единицы в англоязычных лингвистических текстах и 670 в белорусскоязычных.

Проиллюстрируем сказанное с помощью примера: *Нягледзячы на тое, што падыходы да прадстаўлення структуры сказа ў розных вучоных у нечым разыходзіліся, відавочна, што за тэрміналагічнай разнастайнасцю – формула, мадэль, структурная схема – хаваецца агульнае для ўсіх імкненне да пошуку пэўнага абстрактнага шаблону, згодна з якім будуюцца сказы* [Т. Ш., с. 108–109]. Данное обобщение суммарно определяется следующими высказываниями в предшествующем контексте: 1) *Ц. П. Ламцёў <...> вызначыў структуру сказа як паслядоўнасць форм слоў, пры дапамозе якой перадаецца структура інфармацыі;* 2) *<...> Гэта дазволіла вучонаму сфармуляваць патрабаванне, якое павінна прад'яўляцца да сімвалічнага адлюстравання структуры сказа – яго формулы, або мадэлі <...>;* 3) *<...> у кнізе В. І. Кодухава <...> формула называецца адным з асноўных невербальных спосабаў запісу мадэлі <...>;* 4) *Згодна з «Грамматикой современного русского литературного языка» <...>, структурнай схемай сказа называецца мінімальна, неразвітая, граматычна дастатковая структура – абстрактны шаблон, на якому можна пабудаваць сказ;* 5) *Пры параўнанні структурнай схемы сказа ў Граматыцы – 70 з формулай (мадэллю) структуры сказа, распрацаванай Ц. П. Ламцёвым, выяўляецца падабенства ў спосабе невербальнага запісу.*

Высказывания, чьей основной функцией является обобщение значимой информации предшествующих фрагментов, занимают одну из важнейших позиций среди всех функционально-семантических типов высказываний в тексте. Такие единицы выступают носителями наиболее важной содержательно-концептуальной информации как всего произведения, так и его составных частей [6; 16].

Чтобы однозначно определить высказывание, логически следующее из обобщаемого фрагмента и в то же время представляющее его содержание в сжатом виде, в данной работе предлагается использовать термин *обобщающее высказывание выводного характера (выводное обобщение)*.

Высокую употребительность обобщающих высказываний выводного характера в научном тексте в первую очередь можно связать с его стилиевой спецификой, которая предполагает обязательное наличие эксплицитных сигналов, демонстрирующих ход рассуждения автора и помогающих ему четко представить собственную позицию, а читателю – повысить эффективность ее восприятия [24; 25].

Остановимся подробнее на структурно-семантическом и функциональном своеобразии текстового уровня ФСП обобщенности. Прежде всего, необходимо продемонстрировать отличия обобщающих высказываний выводного характера от единиц, реализующих категорию обобщенности, не выходя за пределы синтаксического уровня, – собственно обобщающих высказываний.

Семантика обобщающего высказывания как единицы синтаксической ограничена его собственными рамками. По большому счету, чтобы определить высказывание *Всякий кулик свое болото хвалит* как обобщающее, обращение к контексту необязательно: реализация формулы «*все – везде – всегда*» достигается средствами, содержащимися в самом высказывании. В этом свете закономерно, что такие единицы обладают высокой долей автосемантической [16].

Что касается текста, то, как уже отмечалось, он является единицей динамического плана. То же самое должно относиться и к его компонентам, которые по определению также должны обладать подвижным характером. Обобщающие высказывания выводного характера наглядно демонстрируют данную особенность: вытекая из предтекста, они четко указывают на вектор развития научного текста – от конкретных фактов к общим выводам. Такие обобщения тесно связаны со своими обобщаемыми фрагментами и *a priori* зависят от них, всецело ими определяясь как в семантическом аспекте, так и в структурном [26].

Проанализируем подробнее поверхностные связи выводных обобщений и обобщаемых ими фрагментов. Как показал анализ фактического материала, обобщающие высказывания выводного характера всегда так или иначе формально определяются предтекстом. В этой связи вновь уместно прибегнуть к теории ФСП и разделить текстовые средства создания обобщенности на «ядро» и «периферию». В таком случае ядром будут считаться высказывания, чья форма в максимальной степени приближена к обобщаемым фрагментам. Соответственно, их уместно назвать эквивалентными. Периферия будет формироваться обобщениями, связанными с предтекстом опосредованно, что позволяет их квалифицировать как неэквивалентные [26].

Эквівалентныя выводныя абабшчэння паўтараюць адзін з сваіх анцэдэнтаў, захоўваючы пры гэтым у цэласці яго структуру, склад удзельнікаў і звязваючыя іх адносіны. Напрыклад, адно з высказыванняў ісходнага фрагмента <...> *the IS domain would appear entangled around clause boundaries* 'По-видимому, область действия информационной структуры охватывает границы предложений' паўтараецца без суттэўных структурна-семантычных пераўтварэнняў у заключальнай частцы артыкула ў наступным выглядзе: *As a consequence, IS appears entangled around clauses* [L. P., p. 339, 348]. Як відаць, у эквівалентных абабшчэннях пераважна змяшчаецца кантэкстуальна старое веданне.

Здэсь узнікае заканамерны пытання аб цэласообразнасці практычна дословных паўтараў. Толькі на першы выгляд можа паказацца, што эквівалентныя абабшчэння інфармацыйна збыточны. На самам справе яны выконваюць важныя функцыі ў тэксце. Так, во-першых, паўтараў могуць сведчыць аб канцэптуальнай значнасці перадаванага зместу і выкарыстоўвацца ў мэтах яго дапаўняльнай акцэнтацыі [16]. А во-другіх, «остравкі» знаёмай інфармацыі спрыяюць тэкстовай звязнасці, псколькі яўляюцца агульнай базой для сведання воедино разлічных адрэзкаў тэста, што ў канечным ліку забяспечвае тэкставую інтэграцыю [6].

План выражэння *неэквівалентных выводных абабшчэнняў* у сваю ачэрэд уключае не толькі кантэкстуальна старое веданне, но і элементы новай інфармацыі: *Такім чынам, у тэктах першаадрускара шырока прадстаўлены адасобленыя азначэнні, якія вызначаюцца разнастайнымі структурнымі ўласцівасцямі і сродкамі фармальнай арганізацыі*. Даннае абабшчэнне ў сжатам і суттэўна пераўтвараным выглядзе суміруе змест наступных анцэдэнтаў: *Сярод прадстаўленых у перакладах Скарыны адасобленых дадзеных членаў сказа <...> пераважаюць адасобленыя азначэнні. <...> Дапасаваныя азначэнні выражаюцца галоўным чынам прыметнікавымі і дзеясловавымі зваротамі, якія займаюць выключна постпазіцыйнае становішча да галоўнага слова <...>. У залежнасці ад канструкцыйных уласцівасцей у тэктах Скарыны магчыма вылучыць тры схемы будовы азначальных зваротаў. Па-першае, дзеясловавы або прыметнікавы атрыбутыўнага зварота знаходзіцца адразу ж пасля слова, якое азначаеца ім <...>. Па-другое, дзеясловавы або прыметнікавы ў складзе адасобленага азначальнага зварота аддзяляюцца ад слова, якое паясняецца, іншымі кампанентамі зварота <...>. Па-трэцяе, азначаемае слова або словы аддзяляюцца ад атрыбутыўнага зварота другімі членамі сказа <...>. <...> Трэба адзначыць, што азначальныя звароты ў перакладах Скарыны могуць знаходзіцца як у сярэдзіне, так і ў канцы сказа* [С. Р., с. 41–46].

Асноўнымі відамі лексічных пераўтварэнняў кантэкстуальна старога ведання пры постройцы неэквівалентных абабшчальных высказыванняў яўляюцца: абабшчальныя слова-гіперонімы, прылагательныя со значеннем тыпічнага прызнака (*typical; стэрэатыпны*), адредэляльныя універсальныя месцаімяны (*all; любы*), лексіка со значеннем неадредэленага лічбы (*various; некаторыя*) і др. Як відаць, кантэкстуальна новая лексіка ў выводных абабшчэннях во многім перасякаецца со сродствамі стварэння ФСП абабшчальнасці на саответствуючым мовным узроўні (табліца).

Што каасецца сінтаксічных змяненняў, затрагіваных абабшчальных фрагментаў неэквівалентных абабшчальных, то зачастую гэты выпадак, кога некалькі разрозненых ў прадтэксце структур аб'яднаюцца ў адну. Напрыклад, ў абабшчэнні *Праведзены аналіз паказвае, што вялікая сэнсавая і эмацыянальная насычанасць колеравай лексікі вызначае яе актыўнае выкарыстанне Нілам Гілевічам не толькі ў якасці сродку намінацыі, але і сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак* выражэння ў якасці сродку намінацыі і ў якасці сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак ў рэзультате сжатыя некалькіх ісходных высказыванняў ў адно становяцца раўнапраўнымі членамі новай канструкцыі і іграюць ролю аднародных абстаўтэстваў. Аднако ў абабшчальным фрагменце гэтыя фразы іспользаваліся ў разных высказываннях: *Колеракод «шэры» <...> паэт ужывае і ў якасці сродку намінацыі <...>; Паўтарэнне прыметніка «белы» <...> ужываецца і ў якасці сродку выражэння эмацыянальна-экспрэсіўных адзінак рэчаіснасці* [І. Н., с. 107].

Неэквівалентныя абабшчальныя высказыванні выконваюць важныя функцыі ў тэксце. Багадаря элементам кантэкстуальна старога ведання яны, як і эквівалентныя абабшчэння, спрыяюць тэкстовай звязнасці. Вмесце с тэм прысутствіе кантэкстуальна новага ведання дазваляе неэквівалентным абабшчэнням удзельнічаць ў прадвядзенні тэста, яго паступатэльным развіцці [6].

Таким образом, как эквивалентные, так и неэквивалентные выводные обобщения демонстрируют очевидную формально-содержательную зависимость от предтекста, способствуя тем самым текстовой связности и интеграции. При этом динамично актуализируется ход мысли автора и, как результат, достигается постепенное развертывание текста. В отличие от обобщающих высказываний как единиц чисто синтаксического уровня, выводные обобщения как единицы текстового порядка демонстрируют семантику обобщенности не как статическую данность, ограниченную рамками самого высказывания, а как динамичный переход от единичных фактов в обобщаемых фрагментах к более общим закономерностям.

Заключение. Таким образом, в основе обобщения лежит переход от частных, единичных фактов к более общим закономерностям. Как в философии, так и в языкознании обобщение рассматривается в качестве особой категории, которая занимает уникальное место в научном категориальном аппарате. С одной стороны, как и в других категориях, в его основе лежит выделение некоторого существенного признака объективной действительности. С другой стороны, обобщение обладает метакатегориальным статусом, поскольку обобщающий механизм предопределяет все другие категории, помогая при их создании отвлечься от нерелевантных частных и выделить наиболее существенные свойства объективного мира.

При рассмотрении категории обобщения в языкознании акцент делается на его плане содержания, где в качестве различительных признаков выделяются «совокупное множество», «неизвестность», «неконкретность», «типичность». План выражения данной категории целесообразно рассматривать с точки зрения теории поля, дающей комплексное представление о ее материальной стороне. Помимо традиционно выделяемых языковых уровней, задействованных в актуализации обобщения (морфологического, лексического, синтаксического), в функционально-семантическом поле обобщения уместно выделение уровня текста, основными единицами которого являются обобщающие высказывания выводного характера – высказывания, отражающие динамическую сущность текста, логически следующие из обобщаемого фрагмента и представляющие его содержание в сжатом виде. В зависимости от степени сохранения/модификации информации предтекста функциональный диапазон обобщающих высказываний выводного характера варьируются от обеспечения текстовой связности и интеграции до участия в поступательном продвижении текста, т.е. в текстообразовании.

Источники примеров

1. L. P. – Polanyi, L. Discourse structure and sentential information structure / L. Polanyi, M. van den Berg, D. Ahn // *J. of logic, lang. a. inform.* – 2003. – № 12. – P. 337–350.
2. С. Р. – Рапацэвіч, С. Я. Адасобленыя азначэнні ў пражскіх выданнях Францыска Скарыны / С. Я. Рапацэвіч // *Беларус. лінгвістыка.* – 2002. – Вып. 52. – С. 41–46.
3. І. Н. – Навасельцава, І. І. Лексіка са значэннем колеру ў мове паэзіі Ніла Гілевіча / І. І. Навасельцава // *Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2006. – № 2. – С. 100–107.

Список использованных источников

1. Горский, Д. П. Обобщение и познание / Д. П. Горский. – М.: Мысль, 1985. – 208 с.
2. Сачков, Ю. В. Процессы обобщения в синтезе знаний / Ю. В. Сачков // *Синтез современного научного знания: сб. ст. / Науч. совет по филос. вопр. соврем. естествознания. Ин-т философии АН СССР; редкол.: В. А. Амбарцумян [и др.].* – М.: Наука, 1973. – С. 421–446.
3. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
4. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
5. Dijk, van T. Narrative macrostructures / T. van Dijk // *PTL: A j. for descriptive poetics a. theory of literature.* – 1976. – № 1. – P. 547–568.
6. Данилевская, Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская; под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. – 144 с.
7. Харитончик, З. А. Категоризация и дифференциальные признаки / З. А. Харитончик // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избр. тр.* – Минск: МГЛУ, 2004. – С. 142–148.
8. Кузьмин, В. Ф. Философская категория сознания и современная наука / В. Ф. Кузьмин. – М.: Высш. шк., 1964. – 130 с.
9. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
10. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

11. Федорищенко, А. И. Понятие «Категория» (Диалектико-материалистический анализ историко-философской традиции) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А. И. Федорищенко ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1981. – 24 с.
12. Угланова, И. А. Рассуждения о системе категорий Аристотеля [Электронный ресурс] / И. А. Угланова // Перм. гос. ун-т. – Режим доступа: http://psychsocling.narod.ru/uglanova_Aristotel.htm. – Дата доступа: 11.02.2017.
13. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М. : Высш. шк., 1976. – 543 с.
14. Аристотель. Категории [Электронный ресурс] / Аристотель // Библиотека сервера философ. фак. МГУ. – Режим доступа: www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt. – Дата доступа: 01.02.2017.
15. Кондратьева, Г. Н. Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке / Г. Н. Кондратьева. – М. : Прометей, 1993. – 198 с.
16. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е. – М. : УРСС, 2007. – 144 с.
17. Булыгина, Т. В. Категория / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 215–216, 385–386.
18. Сластинова, Т. В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. В. Сластинова. – М., 1992. – 155 л.
19. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 352 с.
20. Васильева, Е. А. Референциальные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. А. Васильева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 20 с.
21. Платонова, Е. Н. Грамматические средства создания обобщенного значения в языке пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Платонова ; Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 21 с.
22. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2001. – 287 с.
23. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
24. Троянская, Е. С. К вопросу о «связности» научного текста и эксплицитности выводного суждения (на материале немецкого языка) / Е. С. Троянская // Иностраный язык для научных работников: Теория и практика преподавания / каф. иностр. яз. АН СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1978. – С. 212–230.
25. Mann, W. C. Rhetorical structure theory: description and construction of text structures. *Natural language generation* / W. C. Mann, S. A. Thompson // *New results in artificial intelligence, psychology and linguistics* ; ed.: G. Kempen. – Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. – P. 85–95.
26. Зиневич, Н. В. Ретроспективные связи обобщающих высказываний / Н. В. Зиневич // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. I: Филология. – 2013. – № 1 (62). – С. 41–50.

References

1. Gorskii D. P., *Obobshchenie i poznanie* [Generalization and cognition], 1985, Mysl, Moscow, RU.
2. Sachkov Iu. V., “The processes of generalization in knowledge generation”, *Sintez sovremennogo nauchnogo znaniia* [The generation of modern scientific knowledge], 1973, Nauka, Moscow, RU, pp. 421–446.
3. Ufimtseva A. A., *Tipy slovesnykh znakov* [Types of verbal signs], 2004, Editorial URSS, Moscow, RU.
4. Kolshanskii, G. V. *Kommunikativnaia funktsiia i struktura iazyka* [Communicative function and the structure of language], 3rd ed., 2007, LKI, Moscow, RU.
5. Dijk van T., “Narrative macrostructures”, *PTL: A j. for descriptive poetics a. theory of literature*, 1976, no. 1, pp. 547–568.
6. Danilevskaia N. V., *Variativnye povtory kak sredstvo razvertyvaniia nauchnogo teksta* [Variable repetitions as a means of text progression], in Kozhina M. N. (ed.), 1992, PSU, Perm, RU.
7. Kharitonchik Z. A., “Categorization and differential features”, *Ocherki o iazyke. Teoriia nominatsii. Leksicheskaia semantika. Slovoobrazovanie* [Sketches on language. Theory of nomination. Lexical semantics. Word formation], 2004, MSLU, Minsk, BY, pp. 142–148.
8. Kuz'min V. F., *Filosofskaia kategoriia soznaniia i sovremennaia nauka* [The philosophical category of consciousness and contemporary science], 1964, Vysshiaia shkola, Moscow, RU.
9. Kubriakova E. S., *Iazyk i znanie* [Language and knowledge], 2004, Iazyki slavianskoi kultury, Moscow, RU.
10. Kondakov N. I., *Logicheskii slovar'-spravochnik* [A reference book on logic], 1975, 2nd ed., Nauka, Moscow, RU.
11. Fedorishchenko A. I., “The concept of category (Dialectical-materialistic analysis of the historical and philosophical tradition)”, Abstract of Ph.D. dissertation, ontology and theory of knowledge, Rostovskii gosudarstvennyi universitet, Rostov-na-Donu, RU.
12. Uglanova I. A., “Thinking about Aristotle’s categories”, Available at: http://psychsocling.narod.ru/uglanova_Aristotel.htm, (accessed 11 February 2017).
13. Asmus V. F., *Antichnaia filosofia* [Ancient classical philosophy], Vysshiaia shkola, Moscow, RU, 1976.
14. Aristotel', “Categories”, Available at: www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt, (accessed: 1 February 2017).
15. Kondrat'eva G. N., *Obobshchennost' kak strukturno-semanticheskaia kategoriia v sovremennom russkom iazyke* [Generalization as a structural and semantic category of the modern Russian language], Prometei, Moscow, RU, 1993.
16. Gal'perin I. R., *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of scientific investigation], 5th ed., URSS, Moscow, RU, 2007.

17. Bulygina T. V., Krylov S. A., “A category”, *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [An encyclopedia of linguistics], Sovetskaia Entsiklopediia, Moscow, RU, 1990, pp. 215–216, 385–386.

18. Slastnikova T. V., “Textual functions of the generalizing utterance (on a material of the French language)”, Ph.D. Thesis, Romance Languages, Moskovskii ordena Druzhby narodov gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, Moscow, RU, 1992.

19. Bondarko A. V. (ed.), *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis* [A theory of functional grammar: Introduction, aspect, temporal localization, taxis], Librocom, Moscow, RU, 2013.

20. Vasil'eva E. A., “Referential peculiarities of articles in generalizing utterances in the modern French language”, Abstract of Ph. D. dissertation, Romance Languages, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, Moscow, RU, 1993.

21. Platonova E. N., “Grammatical means of creating a generalized meaning in proverbs”, Abstract of Ph. D. dissertation, Russian language, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, Moscow, RU, 2011.

22. Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [The utterance and its relation to reality], URSS, Moscow, RU, 2001.

23. Karpilovich T. P., *Modelirovanie protsessa smyslovoi kompressii teksta: kognitivno-diskursivnyi podkhod* [Modeling the process of the meaningful text compression: a cognitive-discursive approach], MSLU, Minsk, BY, 2003.

24. Troianskaia E. S., “On the problem of text cohesion and the explicit character of textual inferences (on the material of the German language)”, *Inostrannyi iazyk dlia nauchnykh rabotnikov: Teoriia i praktika prepodavaniia* [Foreign languages for scholars: Theory and practice of teaching], Nauka, Moscow, RU, 1978, pp. 212–230.

25. Mann W. C., Thompson S. A., “Rhetorical structure theory: description and construction of text structures. Natural language generation”, *New results in artificial intelligence, psychology and linguistics*, Martinus Nijhoff, Boston, US, 1987, pp. 85–95.

26. Zinevich N. V., “Retrospective relations of generalizing utterances”, *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. 1, Filologiya* = Minsk State Linguistic University Bulletin. Philology series 1, 2013, no. 1 (62), pp. 41–50.

Информация об авторе

Зиневич Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Беларусь). E-mail: nadzusha@gmail.com

Information about the author

Nadzeya V. Zinevich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: nadzusha@gmail.com

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 398.8(=8.26)+[784.4+781.7](476)

Паступіў у рэдакцыю 08.06.2017

Received 08.06.2017

Н. Г. Мазурына*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ЭТАПЫ ФАРМІРАВАННЯ ВАР'ЯНТНАСЦІ НАРОДНЫХ ПЕСЕНЬ
У БЕЛАРУСКАЙ ФАЛЬКЛАРЫСТЫЦЫ**

Анотацыя. Рассматриваются основные этапы формирования представлений белорусских фольклористов о вариантах и вариантной природе народных песен в период с конца XVIII в. и до настоящего времени. В современной фольклористике вариантность понимают как специфическую черту фольклора, которая проявляется в существовании произведений народного искусства в вариантах. Проблема вариантности в устной традиции отличается особой многомерностью и сложностью, она может быть ориентирована на решение важнейших вопросов фольклористики самого разного профиля, и прежде всего проблем становления, эволюции и трансформации устных народных произведений. В процессе формирования проблемы вариантности в белорусской фольклористике можно выделить четыре основных периода. Сначала эмпирическим путем были открыты факты существования вариантного множества народных песен, различия местных стилей и традиций, выявлен ряд причин, что воздействуют на возникновение песенных вариантов (место, время, окружение, возраст и индивидуальные способности исполнителя, форма бытования). Внимание к явлению существования белорусского песенного фольклора в вариантах росло в тесной связи с накоплением фактического материала, ростом уровня теоретической мысли. Метод сопоставления вариантов стал одним из основных в процессе исследования проблем белорусской и восточнославянской фольклористики, выявления особенностей и закономерностей бытования фольклора.

Ключевые слова: белорусский фольклор, народная песня, вариант, вариантность

Для цитирования: Мазурына, Н. Г. Этапы фарміравання вар'янтнасці народных песень у беларускай фалькларыстыцы / Н. Г. Мазурына // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 75–82.

N. G. Mazuryna*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***DEVELOPMENT PHASES OF FOLK SONG VARIANCE IN BELARUSIAN FOLKLORISTICS**

Abstract. The article examines the main stages of the formation of Belarusian folklorists' ideas about the variants and variative nature of folk songs in the period from the late 18th century up to the present. In modern folkloristics, variance is understood as a specific feature of folklore, which manifests itself in that works of folk art exist in variants. The problem of variance in the oral tradition is distinguished by its special multidimensionality and complexity; it can be oriented towards resolving most important issues of various nature that persist in folklore studies, and, above all, the problems of the formation, evolution and transformation of oral folk works. Four main periods can be distinguished in the process of forming the problem of variance in Belarusian folklore. First, it was empirically found that multiple variants of folk songs and different local styles and traditions did exist and that there were a number of factors that influenced the occurrence of song variants (place, time, environment, performer's age and individual abilities, form of existence). Attention to the phenomenon of variants in Belarusian folklore grew in close connection with accumulated factual material and increasing level of theoretical thought. The variant comparison method has become a dominant one for studying problems of Belarusian and East Slavic folklore and for discovering specifics and regularities in the existence of folklore.

Keywords: Belarusian folklore, folk song, variant, variance

For citation: Mazuryna N. G. Development Phases of Folk Song Variance in Belarusian Folkloristics. *Vestsi Natsyional'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 75–82 (in Belarusian).

У сучаснай фалькларыстыцы варыянтнасць разумеюць як спецыфічную рысу фальклору, якая праяўляецца ў існаванні твораў народнага мастацтва ў варыянтах. Праблема варыянтнасці ў вуснай традыцыі адрозніваецца асаблівай шматмернасцю і складанасцю, яна можа быць арыентавана на вырашэнне важнейшых пытанняў фалькларыстыкі самага рознага профілю, і перш за ўсё праблем станаўлення, эвалюцыі і трансфармацыі вусных народных твораў.

Метад даследавання і супастаўлення варыянтаў непазбежны для вывучэння амаль усіх пытанняў фалькларыстыкі, шырэй – народнай культуры. Па сутнасці, гэта агульны метады навуковага даследавання незалежна ад сферы выкарыстання. Таму тэма даследавання патрабуе, каб былі вылучаны этапы фарміравання праблемы варыянтнасці ў беларускай фалькларыстыцы. Найбольш яркая гэта можна зрабіць на прыкладзе вывучэння беларускіх народных песень. Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна было вырашыць наступныя задачы: на падставе гістарыяграфічнага агляду запісаў беларускага фальклору зрабіць дэтальны аналіз часу, прычын і характэрных асаблівасцей этапаў фарміравання праблемы варыянтнасці ў гісторыка-культурным працэсе.

Крыніцамі даследавання з’явіліся зборнікі запісаў беларускіх народных песень, у тым ліку Е. Р. Раманава, З. Ф. Радчанкі, П. В. Шэйна, М. Федароўскага, Ф. М. Калесы, М. М. Чуркіна, Р. Р. Шырмы, Г. І. Цітовіча, З. Я. Мажэйкі, У. І. Раговіча, Т. Б. Варфаламеевай, зборнікі песень серыі “Беларуская народная творчасць”, “Беларускі фальклор у сучасных запісах” і інш. Былі прааналізаваны архіўныя матэрыялы ІМЭФ імя К. Крапівы НАН Беларусі, БДПУ імя М. Танка, БДУ. Падчас даследавання выкарыстаны метады гістарыяграфічнага, параўнальна-гістарычнага і структурна-тыпалагічнага аналізу.

Прайшло амаль два стагоддзі, як пачалося сістэматычнае даследаванне і публікацыя твораў беларускага фальклору. У выніку быў сабраны надзвычай багаты матэрыял, актуальнасць грунтоўнага вывучэння якога не знікае. Беларуская народная песня заўсёды прыцягвала да сябе ўвагу многіх збіральных-фалькларыстаў, якія разумелі, што вялікая сіла яе эмацыянальнага ўздзеяння адыгрывае станоўчую ролю ў свядомым духоўным развіцці народа.

Першы этап фарміравання праблемы варыянтнасці ў беларускай фалькларыстыцы пачаўся са з’яўленнем увагі да з’явы існавання народных песень у варыянтах. Гэта адбылося ўжо на пачатку складання і развіцця фалькларыстыкі як навукі. У назіраннях першых збіральных і складальнікаў зборнікаў народных песень можна прасачыць шэраг асноўных уласцівасцей традыцыі, якія непасрэдна звязаны са з’явай варыянтнасці песень.

На пачатковым этапе збірання і вывучэння беларускай народнай творчасці адбывалася незапашванне фактычнага матэрыялу і назіранне над ім. Пачынальнікамі ў гэтай працы ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. сталі З. Я. Даленга-Хадакоўскі, П. А. Бяссонаў, М. Чарноўская, І. Шыдлоўскі. У сярэдзіне XIX ст. выходзяць працы А. Ф. Рыпінскага, А. Абрамовіча, Я. Чачота, Я. П. Тышкевіча, П. М. Шпілеўскага і Р. С. Зянькевіча.

Другі этап фарміравання ўяўленняў аб варыянтнасці пачынаецца ў 60-я гады XIX ст. Тэрмін “варыянт” у дачыненні да беларускага песеннага фальклору ўпершыню сустракаецца ў “Зборніку помнікаў народнай творчасці ў Паўночна-Заходнім краі” пад рэдакцыяй П. А. Гільтэбранта (1866), дзе пад адной вокладкай былі змешчаны варыянты тэкстаў песень, сабраных у розных месцах Беларусі рознымі збіральнікамі. Сярод іх аказаліся вельмі падобныя ці ў некаторай ступені блізкія па тэксце творы, на што і ўказваў рэдактар: “СХСІ-ая складае вельмі падрабязны варыянт да СІХ-ай” [12, с. 182]. У дачыненні да балад “Выступала чорна хмара” і “Розвівайце, сухі дубе” ён адзначае, што першы радок апошняй з’яўляецца дванаццатым радком “Выступала ...”. Нярэдка заўвагі, што пэўныя песні “маюць варыянты, якія ўжо надрукаваны ў гэтым зборніку” [12, с. 173] ці “складаюць больш ці менш поўныя і разнастайныя варыянты да №№...” [12, с. 118]. У прадмове ж рэдактара ў асноўным цікавіць вонкавае падабенства беларускай і рускай моў, што абумовіла яго жаданне прывесці, паралельна з беларускімі, варыянты са зборнікаў рускага песеннага фальклору.

М. А. Дзмітрыеў ва ўступе да “Збору песень, казак, абрадаў і звычайў сялян Паўночна-Заходняга краю” (1869) прыводзіць розныя варыянты першай строфы песні “Ой, валы мае да й паловы” ў мэтах аналізу выяўленчых сродкаў (на жаль, няма інфармацыі пра месца запісу варыянтаў).

У 1871 г. выйшла кніга “Беларускія песні з падрабязнымі тлумачэннямі іх творчасці і мовы...” П. А. Бяссонава, якая змяшчае каштоўныя нарысы, дзе шмат разважанняў наконт асноўных уласцівасцей народнапесеннай традыцыі, непасрэдна звязаных са з’явай варыянтнасці песень. Аўтар даследуе “творчую мову” і робіць спробу прасачыць яе шлях ад узнікнення і да сучаснасці. Ужо сабраны матэрыял даследчык правяраў, “на месцы чытаў ці пераказваў сялянам, каб выклікаць успаміны, далейшыя рознагалосці (варыянты), дапаўненні і тлумачэнні; сяляне некаторых слоў і абаротаў з песні самі не разумелі, тлумачыць адмаўляліся ці рабілі гэта з відавочнай няўпэўненасцю. Значыць, гэта паўтараецца ў песні толькі па звычаю, па ўзнаўленні мінулага, па патрабаванні і выкліку вуснага творчага складу, часткова іншы раз па ўспаміне (апошняе, урэшце, менш за ўсё адыгрывае тут ролю, *бо творчасць не ўспамінаецца, а ўзнаўляецца ў духу і слове, і тое, што не ўзнаўляецца, хутка перастае існаваць зусім*). Такім чынам, гэта здабытак творчасці старажытнай, гэта яе працэс і гісторыя перад нашымі вачыма” [3, с. LIX–LX]. Відавочна, што думкі П. А. Бяссонава пра ўзнаўленне, а не ўспамінанне творчасці пераклікаюцца з думкамі стваральнікаў вусна-формульнай тэорыі амерыканскіх даследчыкаў М. Пэры і А. Б. Лорда (пач. – сяр. XX ст.).

Крокам наперад у справе збірання і даследавання песенных варыянтаў з’явілася 7-томнае выданне матэрыялаў, сабраных П. П. Чубінскім, “Працы этнаграфічна-статыстычнай экспедыцыі ў Заходне-Рускі край...” (1872–1877), у якім змешчана каля 400 песень з Мінскай і Гродзенскай губерняў. Вялікая частка тэкстаў песень пададзена ў 2–14 (часцей 3–5) варыянтах, прычым усёй групе тэкстаў даецца адзін нумар, а варыянты пазначаюцца літарамі А, Б і г. д. Важнай знаходкай даследчыка з’яўляецца форма запісу тэкставых варыянтаў, якая, аднак, не была выкарыстана іншымі фалькларыстамі. У якасці прыкладу прывядзём вясельную песню № 1354 [14, с. 454]. Такая форма запісу дае магчымасць хутка супаставіць варыянты, убачыць тэндэнцыі і заканамернасці тэкставых змен і адрозненняў:

А	Б
1) Іхала перезва до дому,	1) Да до дому, приданочки, до дому!
2) Клікала Марусю з собою:	2) Бо поїли коники солому
3) “Ой, иди ж, Марисю, з нами,	3Б=2А Да возьмимомо...,
4) Дамо тобі віночок з перлами”.	4Б=5А Да не мушу, сестриці...,
5) “Рада б я іхати з вами, не мушу:	5Б=6А Вподобала...
6) Полюбила Иванка, як душу”.	
(Дубішча, Стараканстанцінскі павет)	(Плотніца, Пінскі павет)

Павелічэнне запісаў песеннага фальклору напрамую ўздзейнічала на зрухі ў вывучэнні варыянтнасці народнай песні. Яскравым прыкладам служаць выданні П. В. Шэйна. Калі ў 1873 г. у “Беларускіх песнях, сабраных П. В. Шэйнам”, пытанне пра варыянты не закраналася, то ў асобным зборніку “Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями” 1874 г. складальнік ужо выказвае думкі наконт “багатай варыянтамі” народнай песні. Ён зазначае, што супастаўляў тэксты свайго запісу з варыянтамі сваіх інфарматараў і тымі, што знаходзіў у беларускіх, рускіх і польскіх выданнях. Але ні саміх варыянтаў, ні спасылак на іх у зборніку няма. І, нарэшце, у працы “Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края” П. В. Шэйн падае самі варыянты тэкстаў песень ці спасылаецца на варыянты ў папярэдніх выданнях песеннага фальклору. Крытэрыў для аб’яднання тэкстаў у адну групу варыянтаў – агульны сюжэт, як, напрыклад, у шасці калядных песнях “Го-го-го, каза” [15, с. 90–95]. Але часам збіральнік памыляецца, калі лічыць варыянтамі, напрыклад, вяснянкі “Благаславі, Божа, зіму замыкаці” і “Вясна, вясна, вясна красна” [15, с. 126], якія зусім розныя і па сюжэце і па рытміцы. Гэта можна апраўдаць яшчэ адсутнасцю пэўнага разумення і навуковага абгрунтавання таго, што з’яўляецца варыянтам і варыянтнасцю.

Такі ж падыход назіраецца і ў “Смаленскім этнаграфічным зборніку” У. М. Дабравольскага. Калі ў другой частцы зборніка (1893), дзе змешчаны сямейна-абрадавыя песні, пра варыянты гаворкі не ідзе, то ў чацвёртай (1903) збіральнік падае значную колькасць тэкстаў каляндарна-абрадавых песень з варыянтамі (звычайна ад 2 да 8). Аснова для вызначэння адной групы варыянтаў – сюжэт. Але пэўны падыход для аб’яднання яшчэ не распрацаваны, таму часам у адну групу варыянтаў

трапляюць песні з рознымі, але падобнымі па схеме разгортвання сюжэтамі ці з падобнымі дзеючымі асобамі. Складальнік занадта шырока трактуе аб'ём аднаго сюжэта, а на самой справе перад намі ўжо група сюжэтаў.

Выдатны фалькларыст Е. Р. Раманаў сваёй бліжэйшай мэтай лічыў публікацыю або новых твораў народнапесеннага мастацтва, або тых, якія з'яўляюцца значнымі варыянтамі, “з параўнаннем іх у апошнім выпадку з тымі, што ўжо з'явіліся ў друку...” [11, с. IX]. Да большасці песень I і II выпускаў “Беларускага зборніка” (1885) збіральнік у зносах падае варыянты частак тэксту – слоў, словазлучэнняў, радкоў – і прапануе параўнаць з варыянтамі песень, што былі ўжо выдадзены іншымі збіральнікамі. У каментарыях амаль што да кожнай песні VII выпуску зборніка (“Беларускія народныя мелодыі”, 1910) Е. Р. Раманаў адзначае, ці сустрэты іх варыянты. У прадмове да зборніка збіральнік аналізуе характар мясцовых змен і адрозненняў варыянтаў летняй “А как зародило много ягод у бору”, а таксама магчымы час запазычання: “...великаруская, і занесена сюды стараверамі ў к. XVII ст... Значна пашырана і мае мноства варыянтаў. У Віленскай губерні, мяркуючы па захаваных у чысціні велікарускіх выразах, песня ўвайшла ў беларускі рэпертуар нядаўна, і мясцовыя беларусы яшчэ не паспелі перарабіць яе тэксту. Але ў напеў затое ўнеслі арыгінальныя змены. У Магілёўскай губерні напеў захаваўся ў большай чысціні, але тэкст ужо значна перароблены” [11, с. V].

Вельмі каштоўнымі з'яўляюцца назіранні Е. Р. Раманава над тэкстамі песень (ім сабрана амаль 4000), якія дазволілі зрабіць вывады аб тым, што беларускія народныя песні вельмі істотна змяніліся за доўгія стагоддзі бытавання: “Многія з іх захавалі толькі старажытны касцяк... многія паявіліся ў сваім цяперашнім выглядзе пасля самых розных пераробак, уставак, скарачэнняў, напластаванняў. Найбольш у гэтых адносінах пацярпелі песні любоўныя, якія вар'іруюцца бясконца” [11, с. IX]. Е. Р. Раманаў заўважае, што многія песні з'яўляюцца тыповымі прыкладамі песеннай кантамінацыі.

Пацвярджае і развівае гэтыя думкі З. Ф. Радчанка. Першая яе праца “Сборник малорусских и белорусских народных песен Гомельского уезда, записанные для голоса с аккомпанементом фортепьяно Зинаидой Радченко” (1881) змяшчае 30 тэкстаў з нотамі. У навуковых адносінах значна больш цікавым з'яўляецца другі зборнік даследчыцы “Гомельские народные песни (белорусские и малорусские)” (1888). Трэба адзначыць, што з-пад увагі збіральніцы, як і некаторых іншых фалькларыстаў, не выпала такая характэрная рыса народнага спявання, як строгае прымеркаванасць абрадавых песень да пэўнай пары года, але яна ўпершыню выкарыстала сістэму размяшчэння песень “у тым парадку, як яны спяваюцца круглы год” [5, с. XXI]. Прычым, год пачынаецца з вяснянак, што адпавядае чыста народнаму ўспрыманню і разуменню кола прыродных рухаў.

Вывучэнне беларускіх народных песень у цэласнасці верша і напеву адразу ж выводзіць даследаванне З. Ф. Радчанкі на якасна больш высокі ўзровень, які дазволіў ёй упершыню ў славянскай фалькларыстыцы зафіксаваць такую надзвычайную важную з'яву, як бытаванне тыпавых напеваў абрадавых песень з рознымі тэкстамі. У зборніку ў зносах указаны беларускія, рускія і ўкраінскія варыянты амаль да кожнай песні. Напрыклад, яна піша: “Усе запісаныя мною 95 вяснянак спяваюцца на тры напевы; на першы з іх (напеў гл. у “Зборніку маларускіх і беларускіх народных песень... Радчанка”, Вып. I, 1881 г.) спяваецца да 80 песень, на другі – дзiesiąткі два жартоўных вяснянак і на трэці – усяго 3–4 вяснянкі” [5, с. I]. У такім жа сэнсе яна гаворыць і пра вялікодныя, жніўныя, вясельныя – наогул, пра ўсе абрадавыя песні.

З. Ф. Радчанка звяртае ўвагу і на такую з'яву, як традыцыйная ўстойлівасць абрадавых песень, якая пасля прывядзе да даследавання вар'іравання тыпавых меладычных і рытмічных структур. Аўтар заўважае і шматлікія мясцовыя адрозненні народных песень, вывучэнне якіх асвятляе з'яву лакальнай варыянтнасці. «Толькі вяснянкі, – зазначае яна, – ды іншыя абрадавыя (песні) усё яшчэ захоўваюць часткова непарушнасць сваёй мелодыі; усе ж астатнія змяняюцца ў сваіх напевах. Здраецца і так, што на адной вуліцы спяваюць песню, якая не вядома на другой; так і кажуць: “Мы не ведаем тые песні, то поюті слободжане, а мы кончане” (слободжане – жыхары галоўнай вуліцы; кончане – тыя, што жывуць у канцы вескі). Падчас зусім губляешся ў гэтай масе варыянтаў; амаль што ўвесь час чуеш падобныя фразы: “А не, то, бачца, не так; а то з тые песні перахоплена (узятая) на тую”. Пры гэтым, вядома, кожная спявачка ўпэўнена, што яе спяванне і ёсць сапраўднае, а ўсе іншыя варыянты толькі каверкаюць яе песню: “Як ена заводіті”, – кажуць яны з дакорам» [5, с. XVIII].

Важна, што ў кожным раздзеле зборніка збіральніца змяшчае ад адной да сямі пар тэкставых варыянтаў песень, друкуючы іх пад адным нумарам (А і Б).

Акрамя пералічаных, у канцы XIX – пач. XX ст. выходзяць выданні, складальнікамі якіх з’яўляліся А. С. Дамбавецкі, М. А. Янчук, Д. Г. Булгакоўскі, А. Розенфельд, Я. А. Ляцкі, Е. І. Бычко-Машко. Даследчыкі ўзбагацілі эмпірычны матэрыял фалькларыстыкі, але не зрабілі значнага ўплыву на распрацоўку праблемы варыянтаў і варыянтнасці. У іх змешчаны тэксты беларускіх песень без варыянтаў ці са спасылкамі на беларускія, украінскія, букавінскія варыянты (у Д. Г. Булгакоўскага, 1890) або можна выпадкова адшукаць сярод вялікай колькасці тэкстаў некалькі пар варыянтаў (як у А. С. Дамбавецкага, 1882). Толькі М. В. Доўнар-Запольскі, М. М. Косіч, С. Малевіч і А. А. Грыневіч свядома змясцілі ў сваіх зборніках па некалькі пар варыянтаў тэкстаў.

Такім чынам, на этапе назапашвання матэрыялаў песеннага фальклору і спроб яго асэнсавання ствараліся неабходныя перадумовы для вырашэння асноўных пытанняў, што тычыліся бытавання народных песень у варыянтах. Перш за ўсё эмпірычным шляхам былі адкрыты самі факты існавання варыянтнага мноства песень, адрознення мясцовых стыляў і традыцый, меншай падуладнасці вар’іраванню абрадавых песень, большай – пазаабрадавых. У першых навуковых даследаваннях беларускай фалькларыстыкі быў выяўлены шэраг прычын, што ўздзейнічаюць на ўзнікненне песенных варыянтаў (месца, час, асяроддзе, форма бытавання, індывідуальныя асаблівасці выканаўцы). Увага да гэтых пытанняў будзе павялічвацца ў цеснай сувязі з пашырэннем збіральніцтва народных песень, з назапашваннем фактычнага матэрыялу і з адкрыццём разнастайных узораў лакальных песенных стыляў. Разам з ростам узроўню тэарэтычнай думкі фалькларыстаў усё больш пэўнымі будуць станавіцца навуковыя вывады.

Трэці этап. Працэс збірання і даследавання беларускіх народных песень працягваўся і далей. Пачынаючы з выхату ў свет у 1910 г. VII выпуску “Беларускага зборніка” Е. Р. Раманава, амаль што ўсе наступныя выданні змяшчалі і запісы напеваў ці да часткі, ці да ўсіх песень зборнікаў.

І. А. Сербай у сваёй працы “Беларусы-сакуны” (1915) звяртаў увагу на тое, што песні ў розных мясцовасцях “даволі рэзка адрозніваюцца між сабой па змесце і матыву, гэтак жа і па мелодыях. Праўда, варыянты гэтых песень сустракаюцца на ўсёй прасторы вялізнай Беларусі, але нават і гэтыя варыянты маюць усюды свой мясцовы каларыт” [13, с. XIII].

У строга навуковым характары вытрыманы двухтомнік А. Шлюбскага “Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны” (1927–1928), у якім змешчаны і варыянты тэкстаў беларускіх песень, і падрабязны пералік варыянтаў (да чатырох дзясяткаў) з папярэдніх выданняў да кожнай з публікуемых ім песень.

Адным з лепшых выданняў песеннага фальклору беларусаў у міжваенны перыяд з’явіўся зборнік М. Гарэцкага і А. Ягорава (1928), у якім усе песні – з напевамі. Прычым, да дзевяці напеваў пададзены іх варыянты ў запісах М. Аладава, якія маюць нязначныя адрозненні і з’яўляюцца важным адлюстраваннем працэсу вар’іравання напеваў пры іх розначасовым выкананні адным спеваком.

І. К. Здановіч таксама назіраў за розначасовымі варыянтамі выканання песні адным і тым жа выканаўцам (яго маці). Заўважаныя пры гэтым адхіленні ў напевах ён фіксаваў і дадаваў да асноўных напеваў, якія з’яўляюцца варыянтамі, што былі найчасцей выкарыстаны (“Народные песни местечка Селец Пружанского уезда, Полесского воеводства (Западная Белоруссия)”, 1931).

На працягу 1930-х гг. навуковыя зборнікі народных песень амаль не выдаваліся, але свет убачылі тэматычныя фальклорныя зборнікі папулярызатарскага характару і зборы беларускіх народных песень з нотамаі ў апрацоўцы кампазітараў для выканання творчымі калектывамі. А таксама, як вядома, у савецкі час была праведзена вялікая праца па збіранню песеннага фальклору. Усё ж, у параўнанні з вялізнай колькасцю тэкстаў, назапашаных да гэтага часу беларускімі фалькларыстамі, музычных запісаў было зроблена вельмі мала, да таго ж яны былі не вельмі дакладныя.

Значным крокам наперад стаў першы і адзіны том збору “Песень беларускага народа”, што ўбачыў свет у 1940 г. Ён з’явіўся амаль што першай спробай навуковага ва ўсіх адносінах выдання беларускай песні і змясціў больш за 200 песень (з нотамаі). У зборніку ўпершыню былі пададзены не толькі тэкставыя варыянты песень, але і, што вельмі важна, меладычныя, існаванне вялікай колькасці якіх на Беларусі ўжо неаднаразова адзначалася. Трэба падкрэсліць, што гэты зборнік, бадай, адзіны, у якім паэтычны тэкст песень беларусаў надрукаваны з захаваннем строфікі.

Гэта стала магчымым, перш за ўсё, таму, што толькі напеў можа паказаць форму верша. Акрамя таго, з мэтай палягчэння вывучэння асобных песень складальнікі ў каментарыях змясцілі спісы вядомых варыянтаў ва ўсходнеславянскіх зборніках. Прычым, з зазначэннем, варыянт гэта напе-ву ці тэксту, блізкі ці далёкі, ці скарочаны варыянт.

У 1941 г. у музычна-фальклорнай серыі “Песні народаў СССР” выйшлі “Беларускія народныя песні” (складальнік – З. В. Эвальд). У прадмове рэдактар зборніка Я. У. Гіпіус адзначае, што асабліва востра адчуваецца нястача ў публікацыях менавіта музычнага фальклору, збіранне і дакладны запіс якога звязаны са значна большымі цяжкасцямі, чым збіранне і запіс народнай паэтычнай творчасці. “У той жа час... мастацкая практыка і навука аднолькава маюць патрэбу ў публікацыях запісаў, якія б максімальна дакладна ўзнаўлялі *жывое гучанне* народнай песні... дэталёва фіксавалі ўсе асабліва-сці *жывой інтанацыі*... Дакладнасць запісаў народнай музыкі неабходна для гістарычна правільных навуковых назіранняў і абагульненняў” [8, с. 5–6]. Таму аўтары зборніка захавалі, як і ў папярэднім выданні, найстражэйшую навуковую дакладнасць у музычна-рытмічных адносінах ва ўсіх запісах. У шматлікіх песнях над асноўным нотным радком у некаторых месцах змешчаны дадатковы радок з адрэзкам нотнага тэксту і забяспечаны паметкай “а...”. У агульных заўвагах да зборніка няма ніякіх тлумачэнняў наконт гэтага ўмоўнага абазначэння. Змест гэтага дадатковага нотнага тэксту, на наш погляд, трэба разглядаць як элементы імправізацыі (варыяцыйнасці) у працэсе спеваў.

У сваіх заўвагах пра беларускую народную песню Я. У. Гіпіус і З. В. Эвальд закранаюць шматлікія пытанні, якія маюць непасрэднае дачыненне да з’явы варыянтнасці, у тым ліку і фарміраванне сучаснай песеннай традыцыі на базе пераасэнсавання цыклавых каляндарна-абрадавых песень. Адзначаецца, што ў беларускім песенным фальклору ўсталявалася мацнейшая асацыя-тыўная сувязь інтанацый каляндарных напеваў, з аднаго боку, з пэўнымі этапамі святочнага каляндара, з другога – з пэўнымі групамі тэм і вобразаў.

Пытанне аб інтанацыйна-стылявых адрозненнях лакальных традыцый беларускага песеннага фальклору (а таксама сямейных і індывідуальных традыцый асобных майстроў і народных песенных школ), неабходнае для вывучэння лакальнай варыянтнасці, пакуль, пры тым стане вывучанасці фальклору, не магло быць пастаўлена ва ўсёй паўнаце. Але з прычыны вялікай навуковай значнасці гэтай праблемы для даследавання гістарычнага генезісу стыляў беларускай народнай музыкі ў зборніку яму прысвечаны спецыяльны артыкул К. Квіткі “Аб вобласцях распаўсюджвання нека-торых тыпаў беларускіх каляндарных і вясельных песень”, што падводзіць вынік шматгадовых назіранняў даследчыка. Аўтар артыкула меў на мэце высвятленне абласцей распаўсюджвання ла-кальных тыпаў і праводзіў аналіз шляхам параўнання розных песень, што належаць да аднаго тыпу, але былі запісаны рознымі збіральнікамі на ўсходнеславянскіх тэрыторыях. Увагу даследчыка прыцягнулі і мясцовыя асаблівасці лакальных стыляў каляндарна-абрадавых песень, якія ён, у прыватнасці, разглядае на прыкладзе гуканняў у вяснянках і жніўных песнях славян. У цэлым, К. Квітка ў шматлікіх заўвагах даваў зразумець, што лічыць неабходным запіс як мага большай коль-касці варыянтаў песень для больш дакладнага вывучэння важнейшых пытанняў фалькларыстыкі.

Чацвёрты этап. У пасляваенны час паявіліся многія, у тым ліку і фундаментальныя выданні песеннага фальклору Беларусі. Трэба адзначыць, што з гэтага часу аўтары-складальнікі ніводнай працы не абміналі праблемы існавання фальклору ў варыянтах. Згадванне варыянтаў становіцца неад’емным момантам любога даследавання беларускай фалькларыстыкі. Сярод іх у першую чаргу трэба назваць выданні такіх выдатных дзеячаў, як М. М. Чуркін, Р. Р. Шырма, Г. І. Цітовіч. Так, напрыклад, у першым і другім тамах свайго чатырохтомніка Р. Р. Шырма падае шэраг песень у двух варыянтах. Вынікам працы Г. І. Цітовіча над “Анталогіяй беларускай народнай песні” [1] стала глыбокае веданне песенных матэрыялаў з друкаваных крыніц і даступных рукапісных ка-лекцый. Таму значную каштоўнасць уяўляе прадстаўнічы спіс знойдзеных складальнікам бела-рускіх, рускіх, украінскіх і літоўскіх варыянтаў да кожнай песні. Колькасць іх дасягае 12–18, прычым кожны раз Г. І. Цітовіч адзначае: варыянт напева гэта ці тэксту, блізкі ці далёкі варыянт, у чым знойдзены падабенства і адрозненні.

Прыкладна ў гэты ж час выходзяць V і VI тамы “Люды беларускага” М. Федароўскага, ступень звароту ў якіх да праблемы варыянтаў адпавядае ўзроўню канца XIX ст., калі і збіраліся народныя песні, што ўвайшлі ў гэтыя зборы. Свет убачылі новыя ўзоры песеннага фальклору, прычым

варыянты (ад 1 да 9) песень складальнікі змясцілі побач пад рознымі нумарамі; адлюстраванне атрымаў і факт існавання некалькіх тэкстаў на адзін напеў.

З 1970 г. пачынае выходзіць грунтоўнае шматтомнае акадэмічнае выданне беларускай народнай творчасці. Ва ўсіх тамах у каментарыях адзначаюцца ўсе выяўленыя варыянты (да некалькіх дзясяткаў), у асобных выпадках прыводзяцца адрозненні; некаторыя песні збору падаюцца ў варыянтах.

Варыянты песень у цэлым, тэкстаў, напеваў, іх частак, практычныя назіранні і тэарэтычныя вывады мы знаходзім у выданнях В. І. Ялатава [6], З. Я. Мажэйкі [7], У. І. Раговіча [10], Т. Б. Варфаламеевай [4], “Беларускі фальклор у сучасных запісах” [2], К. П. Кабашнікава, Л. С. Мухарынскай, А. С. Фядосіка, Г. В. Таўлай, Т. В. Валодзінай [9] і інш. Яны змяшчаюць асобныя глыбокія назіранні і думкі, якія ў той ці іншай ступені датычаць праблемы варыянтнасці ў беларускім песенным фальклору.

Такім чынам, у працэсе фарміравання праблемы варыянтнасці у беларускай фалькларыстыцы можна вылучыць чатыры асноўныя этапы. Спачатку эмпірычным шляхам былі адкрыты факты існавання варыянтнага мноства народных песень, адрознення мясцовых стыляў і традыцый, выяўлены шэраг прычын, што ўздзейнічаюць на ўзнікненне песенных варыянтаў (месца, час, асяроддзе, узрост і індывідуальныя здольнасці выканаўцы, форма бытавання). Увага да з’явы існавання беларускага песеннага фальклору ў варыянтах расла ў цеснай сувязі з назапашваннем фактычнага матэрыялу, ростам узроўню тэарэтычнай думкі фалькларыстаў. Метад супастаўлення варыянтаў стаў адным з асноўных у працэсе даследавання праблем беларускай і ўсходнеславянскай фалькларыстыкі, выяўлення асаблівасцяў і заканамернасцяў бытавання фальклору.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Анталогія беларускай народнай песні / уклад. Г. Цітовіч; пад рэд. Р. Шырмы. – 2-е выд. – Мінск : Беларусь, 1975. – 616 с.
2. Беларускі фальклор у сучасных запісах : Традыц. жанры: Гомель. вобл. / уклад. В. А. Захарава [і інш.]; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.
3. Бессонов, П. А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. А. Бессонов. – М., 1871. – 176 с.
4. Варфаламеева, Т. Б. Песні Беларускага Панямоння / Т. Б. Варфаламеева ; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 287 с.
5. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские) / зап. в Дятловской волости Гомельского уезда Могилевской губ. Зинаидой Радченко // Зап. РГО по Отд. этногр. – СПб., 1888. – Т. XIII. – Вып. II. – 226 с.
6. Елатов, В. И. Мелодические основы белорусской народной музыки / В. И. Елатов. – Минск : Наука и техника, 1970. – 144 с.
7. Мажэйка, З. Я. Песні беларускага Паазер’я / З. Я. Мажэйка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 494 с.
8. Песни народов СССР : Белорусы / под ред. Е. В. Гиппиуса; сост. З. В. Эвальд. – М., Л. : Музгиз, 1941. – 144 с.
9. Песні пакінутых вёсак / уступ. сл. Н. Г. Мазурына, Г. Р. Нячаева, Т. В. Валодзіна ; паслясл. : Ю. В. Паццопа ; уклад. Т. В. Валодзіна, Н. Г. Мазурына (муз. частка) ; пад агул. рэд. А. І. Лакоткі. – Мінск : Беловагруп, 2016. – 356 с.
10. Раговіч, У. І. Песенны фальклор Палесся : у 3 т. / У. І. Раговіч. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2001. – Т. 1: Песні святочнага календара. – 2001. – 528 с.
11. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Вильня, 1910. – Т. 1. – Вып. 7. – 44 с.
12. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае / под ред. П. Гильтебрандта. – Вильна, 1866. – 300 с.
13. Сербов, И. А. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк : сб. отд. рус. яз. и словесности Имп. АН / И. А. Сербов. – Петроград, 1915. – Т. 94, № 1. – 180 с.
14. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западное отд-ние: материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским : в 7 т. – Пг., 1872–1877. – Т. 4 : Обряды : родины, крестины, свадьба, похороны. – Пг., 1877. – 716 с.
15. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : в 2 ч. / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. – Т. I. – Ч. I. – 286 с.

References

1. Цітовіч Г., *Antalogiia belaruskai narodnai pesni* [Ontology of Belarusian folk songs], in Shyrma R. (ed.), 2nd ed., Belarus’, Minsk, BY, 1975.
2. Zakharava V. A., Kavaleva R. M., Litsvinka V. D., *Belaruskii fal’klor u suchasnykh zapisakh : Tradyts. zhanry: Gomel’ vobl.* [Belarusian folklore in contemporary records: Traditional genres: Gomel region], Universitetskoe, Minsk, BY, 1989.
3. Bessonov P. A., *Belorusskie pesni s podrobnymi ob’iasneniiami ikh tvorchestva i iazyka, s ocherkami narodnogo obriada, obychaia i vsego byta* [Belarusian songs with detailed explanations of their creativity and language, with essays on folk rites, customs and all life], Moscow, RU, 1871.

4. Varfalameeva T. B., *Pesni Belaruskaga Paniamonnia* [Songs Belarusian Ponemon], Belarускаia navuka, Minsk, BY, 1998.
5. *Gomel'skie narodnye pesni (belorusskie i malorusskie)* [Gomel folk songs (Little Russian and Belarusian)], St. Petersburg, 1888, vol. 3, no. 2.
6. Elatov V. I., *Melodicheskie osnovy belorusskoi narodnoi muzyki* [Melodic foundations of the Belarusian folk music], Nauka i tekhnika, Minsk, BY, 1970.
7. Mazheika Z. Ia., *Pesni belaruskaga Paazer'ia* [Songs of Belarusian Lakeland], Navuka i tekhnika, Minsk, BY, 1981.
8. Eval'd Z. V., *Pesni narodov SSSR : Belorusy* [Songs of the Soviet peoples: Belarusians], in Gippius E. V. (ed.), Muzgiz, Moscow, Leningrad, RU, 1941.
9. Valodzina T. V., Mazuryna N. G., *Pesni pakinutykh vesak* [The song abandoned villages], in Lakotka A. I. (ed.), Belovagrupp, Minsk, BY, 2016.
10. Ragovich, U. I. *Pesenny fal'klor Palessia: u 3 t., T. 1: Pesni sviatochnaga kalendara* [Folk songs of Polissya: in 3 volumes, Volume 1: Songs festive calendar], Chatry chvertsi, Minsk, BY, 2001.
11. Romanov E. R., *Belorusskii sbornik* [The Belarusian collection], vol. 1, no. 7, Vilna, LT, 1910.
12. Gil'tebrandt P. (ed.), *Sbornik pamiatnikov narodnogo tvorchestva v Severo-Zapadnom krae* [Collection of monuments of folk art in the North-West Territory], Wilna, LT, 1866.
13. Serbov I. A., *Belorusy-sakuny. Kratkii etnograficheskii ocherk : sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi AN* [Belarusians-Sakun. A brief ethnographic sketch: a collection of department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], vol. 94, no. 1, Petrograd, RU, 1915.
14. Chubinskii P. P., *Trudy etnograficheskoi statisticheskoi ekspeditsii v Zapadno-Russkii krai. Iugo-Zapadnoe otd-nie: materialy i issledovaniia: v 7 t., T. 4 : Obriady : rodiny, krestiny, svad'ba, pokhorony* [Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the West-Russian region. South-Western Division: materials and research: in 7 volumes, T. 4: Rites: homelands, christenings, weddings, funerals], Petersburg, RU, 1877.
15. Shein P. V., *Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia : v 2 chastiakh* [Materials for studying the way of life and language of the Russian population of the North-Western Territory: in 2 parts], p. 1, St. Petersburg, RU, 1887.

Информация об авторе

Мазурина Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mazuryngang@tut.by

Information about the author

Natalya G. Mazuryna – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus) E-mail: mazuryngang@tut.by

И. В. Горбунов*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь***МУЗЕЙ ИЛИ ПАНОПТИКУМ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ВОСКОВЫХ ФИГУР**

Аннотация. Показана история создания «театра воскового портрета» как вида искусства. Раскрывается существенная разница между исторически сложившимся типом экспозиции в период становления ее основных этапов и жанром воскового портрета в ретроспективе. Представлен обзор новых достижений музейно-выставочной индустрии, где современный изобразительный ряд, который называется аниматроника (т.е. движущиеся фигуры), значительно изменил природу такого уникального вида искусства, как восковой портрет.

Ключевые слова: музей, паноптикум, история искусства, экспозиционный комплекс, аниматроника, восковые фигуры, современные средства организации предметно-пространственной среды

Для цитирования: Горбунов, И. В. Музей или паноптикум : история создания восковых фигур / И. В. Горбунов // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 83–89.

I. V. Gorbunov*Vitebsk State Masherov University, Vitebsk, Belarus***MUSEUM OR PANOPTICON: A HISTORY OF CREATING WAX FIGURES**

Abstract. The article shows the history of the wax portrait theatre as a type of art. Substantial difference between a historically conventional type of exposition in the period when its major development phases were established and the genre of wax portrait in retrospect is explored. An overview is presented covering new achievements in the museum and exposition industry where animatronics, a modern visual technology involving animated figures, has significantly transformed the nature of such a unique type art as wax portrait.

Keywords: museum, panopticon, history of art, expositional complex, animatronics, wax figures, modern object-space environment arrangement facilities

For citation: Gorbunov I. V. Museum or Panopticon: A History of Creating Wax Figures. *Vesti Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 83–89 (in Russian).

Введение. Применение манекенов в музейной экспозиции – сложившаяся практика с момента появления самой методики показа костюма, бытовой характеристики места, а также прием, который мы относим к художественным средствам современной музейно-выставочной экспозиции. Жанр изменился и трансформировался в новый синтез искусства, где невиданный расцвет получили уникальные технологии создания восковой персоны, самого тела человека и исторического костюма. Фигуры создаются в мастерских известных музейных фирм и компаний. Технология изготовления прошла сложный путь эволюции и практически к концу XX века достигала своего пика благодаря острой конкурентной борьбе за сферы музейного рынка, который сформировался и начинает доминировать в сфере оформления экспозиций. Головы манекенов уже выполняют из полимерных материалов (эпоксидная смола, полиуретан), применяют парики, но тем не менее это не может исключить огромную часть ручной работы и филигранной техники оживления лица манекена посредством росписи.

Попытаемся разграничить два понятия: музей и паноптикум. С одной стороны, это музей особого рода, где единственным средством показа являются сами восковые фигуры и, таким образом, слово «паноптикум» теряет свой нарицательный смысл. Возникшая в недрах Великой французской революции методика устрашения «инакомыслящих» (форма переодевания погибшего человека и его представление в новом виде как живого) и есть «паноптикум» мадам Марии Гросхольц – ученицы Филиппа Куртиса. Это театр абсурда и смуты весьма эксцентрического свойства. Нервы людей были на пределе, когда убитый в течение одной ночи «вновь оживал» благодаря стараниям скульптора. Именно показ смерти, страдания и повлек за собой художников и скульпторов к новым изобразительным приемам, когда убитых показывали в специальных помещениях и даже в их подлинной одежде с воспитательной целью за очень большие деньги. Это театр ужаса, но не музей. Сегодня эта сфера вновь

оживает, приобретая гуманные формы. Восковые персоны выглядят радостно и весело в изображении великих актеров, музыкантов и политических деятелей и представляют сложный коммерческий проект, который называется театром воскового портрета. Примером является специализированное музейное собрание «Музей мадам Тюссо» в Лондоне, а также экспозиция «Династия Романовых» на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. С другой стороны, возникает вопрос дозволенности и границ морали в изображении человека. Здесь метаморфозы персонифицируются в некий новый образ, за которым стоит эпоха, да и сам диапазон применения манекенов с восковыми головами совсем другого рода. В силу ограниченной финансовой поддержки музеев и отсутствия своей национальной макетной школы у нас, по мнению специалистов, появляются экспозиции, где сам костюм – первичен, а манекен – вторичен. Это своего рода «вешалка» для исторического костюма, когда в витрину ставят простой манекен из торгового супермаркета, не задумываясь о дискредитации самого предмета изображения. Исторический костюм на таком манекене выглядит нелепо, а подчас просто «подрывает» суть показа. И это явление в отечественной практике становится доминирующим ввиду недостаточности материальных средств для создания дорогостоящих восковых фигур. Средняя цена восковой персоны составляет 8500 долл. (по данным ООО «Паноптикум», Санкт-Петербург, Россия). Автор статьи на протяжении двух десятков лет занимается созданием экспозиционных фигур, миниатюрных фигур, диорам, миниатюрных макетов, муляжей и музейной бутафории, различных по своей природе и технологии изготовления.

В Беларуси за последние два десятилетия изменились подходы к практике музейно-выставочных экспозиций. К нам стали чаще приезжать передвижные выставки, которые размещаются в музеях, выставочных залах, студиях, домах творчества, домах культуры и других учреждениях. Зрителей привлекают новизна проектов, высокое качество исполнения манекенов и близкое сходство изображаемых персонажей. Самая большая по насыщенности восковыми персонами экспозиция в Минске представляет форму офицеров и солдат воюющих стран (СССР, Германии, Италии, Франции) в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. Попытки выполнить музейные модулы из гипса и пенопласта в национальных костюмах были осуществлены автором статьи в МОКМ в 2000 г. (рис. 1).

Тем не менее искусствоведческая критика так и не смогла дать оценку этому явлению и вывести его в разряд нового вида экспозиционного искусства. Научные работы по данной тематике были опубликованы главным образом в России. Что мы знаем о театре воскового портрета и как мы оцениваем этот вид искусства? Какова история развития жанра в целом? В данной статье мы попытаемся проследить этапы становления этого вида искусства в ретроспективе, чтобы оценить его место в белорусском экспозиционном дизайне.

Основная часть. Термин «паноптикум» или «музей-паноптикум» строго дифференцирован. Это ретроназвание – скорее дань уважения исторической традиции. Причем оно четко ставит вопрос о возникновении самого явления, которое в хрестоматийной практике у нас ассоциируется с плохим вкусом.

Рис. 1. Музейно-выставочная экспозиция «Радной зямлі кругаварот». Манекены белорусского крестьянина (автор И. В. Горбунов, 2001)
Fig. 1. Native Land Cycle, a museum (exhibition exposition. Belarusian peasant mannequins) (author: I. V. Gorbunov, 2001)

Обращение к снятию копии с лица как тотему имело религиозный характер и на бытовом уровне отождествлялось с культом предков. Еще одно действие, бытовавшее в обычае этрусков, это перенос изображения покойного на верхнюю часть сосуда, служившую «пробкой». Ничего «демонического» в этих поступках мы не находим.

Сама история восковых фигур восходит к временам расцвета римского скульптурного портрета – единственного направления, где римляне достигли своего апогея среди всех видов искусств: «В эпоху республики формируются основные виды римской пластики – скульптурный портрет, исторический рельеф, декоративные произведения» [1, с. 1]. Это признанный факт: «Как в греческом искусстве возвышенный покой высокой классики некогда сменился страстным пафосом Скопаса и мечтательностью Праксителя, так и в римской скульптуре во вто-

рой половине II века появляются памятники, в которых на первый план выступают настроения и переживания человека, поднимаются вопросы о бренности земного бытия» [1, с. 7]. Таков сюжет статуи знатного римлянина с портретами предков. Мы видим персонажа, который держит в руках портреты своих предков. Существуют легенды о том, что в загородных виллах почти всегда выставлялись восковые портреты предков, их успевали снять с умерших сразу после смерти. Это была древняя культовая традиция.

В Древнем Риме, как и в Александрии, скульпторы выделывали искусные восковые муляжи-обманки всевозможных лакомых блюд и фруктов. В перечне подарков, подносимых монархам, нередко упоминается воск [2].

Особое место в восковой пластике занимали изображения людей. На Западе обычай снимать восковую маску с лица умершего или делать восковые портреты существовал уже давно и был связан с культом почитания умерших. Восковые маски (сагае) изготавливали при помощи гипсовых слепков, снятых с лица покойного, которые затем расписывали. В похоронных процессиях такие восковые портреты несли рядом с умершим, а затем хранили в атриумах (парадных залах) своих домов. Впрочем, с умерших римских императоров делали целые восковые фигуры в натуральную величину, которые затем одевали в подлинные одежды. Эти восковые изображения передавались в роду из поколения в поколение.

«С утверждением христианства на итальянском полуострове восковые изображения умерших знатных и именитых лиц стали посвящать церкви, поэтому их помещали внутри католических храмов в нишах и вдоль стен. Со временем некоторые из этих церквей стали представлять собой как бы своеобразные выставки вотивных (посвятительных) портретов. В средние века в Италии и других странах из воска делали лица для статуй святых, а также различные приношения святым за исцеление от болезней в виде сердец, ног, рук и т.д. (смотря по обстоятельствам), которыми увешивались стены храмов. К этому времени, кроме культовых, погребальных и посявятительных изображений, из воска начинают выполнять мелкие фигуры бытового характера: куклы-марионетки, цветы, фрукты. Все эти работы исполнялись с необычайной скрупулезностью. Большую известность в этой области завоевали мастера Флоренции» [4].

В XIV–XVII веках во Франции существовал обычай изготавливать после смерти короля, принца или представителя знати раскрашенную восковую фигуру, изображающую усопшего, класть ее, облаченную в одежды умершего, на парадную постель и в течение сорока дней оказывать ей те почести, какие оказывали этому лицу при жизни (восковые изображения французских королев, находившиеся в их усыпальнице в аббатстве Сент-Дени, были уничтожены во время Великой французской революции в начале 1790-х гг.).

В Англии местом погребения королев служило Вестминстерское аббатство. В Париже широкую известность благодаря своим произведениям получил Антуан Бенуа (1632–1717). При дворе Людовика XIV он работал в высоком для художника того времени звании – «первого скульптора по тонированному воску при короле», выполнив ряд превосходных портретов блестящего «Короля-Солнце». По словам современников, портреты, исполненные Бенуа, имели настолько естественное выражение, что «только отсутствие движения не позволяет думать, что это нечто большее, чем портрет». Прославленный мастер был приглашен в Англию ко двору Якова II, где с успехом выполнил несколько восковых портретов, часть которых была помещена в Вестминстерском аббатстве. В XVIII столетии входят в моду выставки восковых фигур (по большей части передвижные). Их можно было встретить во многих городах, причем к концу века число таких музеев значительно увеличилось. В 1770 г. швейцарец Филипп Куртис открыл в Пале-Рояль, близ Парижа, свой первый музей восковых фигур, где «можно было видеть всех знаменитых современников». Вскоре на одном из парижских бульваров появился другой его музей, в котором были представлены фигуры «всех европейских государей и китайского императора». «Дело» Куртиса расширялось год от года и, обосновавшись в Париже, он даже стал посылать передвижные выставки в другие страны. В 1793–1794 гг., в период якобинской диктатуры, работы у Куртиса значительно прибавилось: он снял маски с целого ряда лиц, гильотинированных по приговору революционного трибунала (в том числе короля и королевы), и демонстрировал их изображения в своем музее. Тогда он и привлек к делу свою племянницу Марию Тюссо, урожденную Гросхольц (1761–1850), которой суждено было просла-

вить этот музей и дать ему свое имя. В 1794 г. мадам Тюссо унаследовала музей Куртиса, а в 1802 г. выехала в Англию, увезя с собою всего три десятка фигур. Жизнь ее в этой стране на долгие годы превратилась в длительное путешествие: переезды следовали один за другим. Случалось, что в течение года она со своим музеем проезжала через шесть-восемь городов. К 1835 г., когда ее выставка состояла более чем из 120 фигур, она обособилась в Лондоне на Бейкер-стрит, где знаменитый Музей мадам Тюссо находится и поныне [2].

После смерти матери галерею восковых фигур унаследовал ее сын, окончивший скульптурный класс лондонской Королевской академии художеств. В 1884 г. в музее было уже около четырехсот фигур, «дело» стремительно разрасталось и управлять им одному семейству становилось крайне сложно. По этой причине в 1889 г. музей превратился в акционерное предприятие. Сейчас Музей мадам Тюссо – крупнейшая в мире галерея восковых фигур, где наряду с историческими личностями широко представлены современные политические деятели разных стран, а также деятели культуры и искусства. Одна из причин его столь длительного успеха заключается в том, что в экспозиции музея мгновенно находят отражение все наиболее яркие явления сегодняшнего дня, а техника исполнения фигур доведена до изумительного совершенства. Единственный филиал Музея мадам Тюссо находится в Амстердаме. Подобные музеи, но гораздо более скромные по своим масштабам и уровню воплощения, имеются сейчас во многих городах Европы – Париже, Стокгольме, Гамбурге и др.

Создание восковых портретов в России начинается в 1698 году, когда, возвратившись из своего первого путешествия за границу, царь Петр I в числе прочих «раритетов и курьезностей» привез для Потешной палаты свою собственную восковую голову, а также семь восковых бюстов участников Великого посольства 1697–1698 гг.

До середины XVIII века в Петербургской кунсткамере хранилось около полутора десятков восковых портретов. Здесь, кроме уже упоминавшихся изображений участников Великого посольства и некоторых работ Б. Растрелли, можно было увидеть бюст одного из ближайших сподвижников Петра I, математика, астронома и астролога Брюса, а также бюст вдовствующей польской королевы Марии-Казимиры и некоторые другие. Но все эти произведения, рассеянные среди множества «протчих курьезных штук», не представляли целостной картины, т.е. не были выделены в особый «восковой кабинет». Жизнь этих экспонатов оказалась короткой – почти все они сгорели во время пожара 1747 года.

К концу XVIII века развлекательный характер «кабинетов» усиливается в *ущерб их познавательности*. Отныне наряду с восковыми галереями коронованных особ все чаще демонстрируют забавные восковые фигуры, снабженные скрытым механизмом, приводившим их в движение. Это были первые эксперименты, получившие впоследствии название *аниматроника*. Происходит перелом в терминологии и методике показа. В свое время в 1797 г. в Петербурге показывали привезенную из Лондона восковую группу «из двух статуй в человеческий рост, играющих на флейте разные арии, посреди коих находится мальчик, бьющий в барабан и кланяющийся зрителям по окончании каждой арии». Примеров достаточно, но происходит своеобразный регресс.

В XIX столетии скульптура из тонированного воска все более входит в обиход крупных российских городов.

Ко второй половине XIX века принцип максимальной зрелищности, развитый в ущерб информативности, стал преобладающим. В это время музеи восковых фигур входят в состав паноптикумов – потешных передвижных балаганов, где экспонировались редкие, диковинные предметы или необычные, причудливые существа. Судя по имеющимся сведениям, в последней четверти XIX в. *восковые паноптикумы* имелись во многих городах Российской империи, а также на всех значительных ярмарках: в Москве – музей Ф. Петака, в Киеве – музей Т. В. Боцова и музей И. Якубовского, в Одессе – музей И. Т. Бахтина и т.д. И хотя состав зрителей был здесь в основном демократический, однако нередко эти заведения посещала публика из средних и даже привилегированных слоев общества. Так, в 1877 г. в балагане восковых фигур в Кронверкском парке в Петербурге бывал А. Н. Бенуа, оставивший его яркое описание в своих мемуарах. Испытанный и любимый публикой жанр ушел в небытие после 1917 г. [2].

Тем не менее корни римского портрета – это заимствование традиций египетской цивилизации с их культом мумий и саркофагов. Существует мнение, что это традиция древнего этрусского портрета, когда в специальной амфоре хоронили останки человека, придавали ей сходство с умершим, о чем было упомянуто выше.

Современное искусство воскового портрета – сравнительно молодое, ему не более 150 лет. Сегодня две школы – *английская и русская* – конкурируют на рынке музейных технологий. В США мы можем увидеть приемы аниматроники в экспозиции заседания американского конвента: фигуры очень медленно поворачиваются, наклоняются головы, создавая эффект присутствия. Очевидно, американский музейный дизайн на тот период времени был развит намного выше, чем отечественный. В США он прошел очень сложный этап своего становления. Что касается Китая, то это великолепная сцена заседания коммунистической ячейки в одноименном музее Мао Цзе Дуна. Уровень исполнительского искусства очень высокий, с четкой характеристикой каждого персонажа [4, с. 16–19].

Рассмотрим перспективы жанра. **Аниматроника** – это *одвиженные экспозиции* с синхронным звуком и другими дополнительными спецэффектами, работающими от электричества и сжатого воздуха. Уникальный метод работы с материалами позволяет изготавливать фигуры из дополнительных (помимо традиционного воска) составляющих: *фибромата, твердого воска и специальных смол*. У каждого из вариантов есть свои преимущества: силиконовые фигуры не поддаются температурным изменениям, твердый воск стоек к механическим воздействиям. «Аниматроника – наиболее молодое и самое перспективное из направлений в работе фирмы «Алекс» (Россия). Фигуры, предоставляемые компанией, изготовлены из самых различных материалов (начиная с силикона и заканчивая воском). Несмотря на разницу в технологии, все персонажи музея, как и прежде, представляют собой прекрасный образец школы воскового портрета» [3].

История арт-артели «Алекс» берет начало с конца 1980-х годов, когда в Санкт-Петербурге была открыта первая мастерская воскового портрета. За более чем двадцатилетний срок предприятием был проделан путь от небольшого цеха до многопрофильной структуры с группами специалистов в различных областях деятельности: скульпторами, гримерами, механиками и многими другими. В настоящее время в распоряжении компании имеется перечень самых разнообразных тем. И одна из наиболее интересных – коллекция фигур для *детской* аудитории. В число недавних работ музея входят герои таких знаменитых проектов, как «Ледниковый период», «Алиса в стране чудес», «Аватар» и многих других. Компания осуществляет свою деятельность в Германии, Польше и Греции.

Остановимся на рассмотрении вопроса технологии создания фигур с точки зрения формообразования и формотворчества. В создании восковых персон принимают участие мастера самых разных профессий: *историки, скульпторы, форматоры, постижеры, гримеры, декораторы и многие другие*. Несколько лет назад в музее началось производство фигур из материала нового поколения – *силикона*. Своим появлением он открыл возможность экспонирования фигур на открытом воздухе при любых погодных условиях и позволил создавать фигуры для рекламы, фотографирования, а также для оформления современного интерьера. Одним из самых перспективных направлений в деятельности компании является работа по созданию двигающихся фигур. «Оживление» персонажей осуществляется путем установки электромеханических приводов, управляемых микроконтролерами. Специализированное программное обеспечение позволяет достичь эффекта «живого» человека и получить желаемое эмоциональное воздействие на зрителя. Благодаря этому в мизансценах персонажи взаимодействуют между собой, а причудливая игра света создает особую незабываемую атмосферу погружения в таинственный мир восковых фигур. Желание испытать такие незабываемые впечатления способствует максимальной посещаемости объекта развлечений детской и семейной аудиторий.

Сегодня аниматроника – это *перспектива развития жанра воскового портрета*. Произошел качественный сдвиг в сторону создания *театра исторического и политического портрета*. Главными персонажами являлись представители династии Романовых. Самые сложные технологические вопросы – элементы подготовки к отливке голов и рук. Руки человека отливаются выше запястья с тем, чтобы «перекрыть» их костюмом и придать им более естественный вид. Но фигура человека и ее анатомические особенности – явление уникальное. Это демонстрирует, например, экспозиция Могилев-Губернский обер-офицер-квартирмейстер (рис. 2). Его облик только отда-

Рис 2. Экспозиция Могилев-Губернский обер-офицер-квартирмейстер (автор И. В. Горбунов, 2001)

Fig. 2. Mogilev as a Governorate City, an exposition. A Chief Quartermaster Officer (author: I. V. Gorbunov, 2001)

Рис 3. Работа над образом восковой персоны («ООО Паноптикум», Санкт-Петербург)

Fig. 3. Work on the wax figure (Panopticon, St. Petersburg)

ленно напоминает человеческое лицо. Это другой прием, другая задача и другая эстетика. Для осуществления этой задачи в Петербурге сложилась группа специалистов, главной целью которых было воссоздание утраченной технологии изготовления восковых портретов. Серьезная исследовательская работа с документальной точностью выявила антропометрические данные изображенных лиц, их рост, особенности сложения, цвет глаз и волос. Далее из целого ряда прижизненных портретов выбирали тот единственный, который современники считали наиболее похожим. Затем к работе приступали скульпторы. Фигура, исполненная в глине и пластилине, переходила к мастерам, которые снимали с нее гипсовые формы; по ним выклеивали манекен и отливали из воска голову и руки. Восковую голову передавали для работы пастижерам – мастерам по изготовлению париков. Они терпеливо вплавляли в воск волосок за волоском, пока не возникала густая «копна» волос; затем делалась прическа в соответствии с модой нужного времени (рис. 3).

Гримеры добивались такого визуального впечатления, что, казалось, перед зрителями находился не холодный воск, а теплое человеческое тело. Эффект подлинности довершали предельно убедительный исторический костюм и необходимые аксессуары. Только теперь восковую фигуру можно считать готовой. Итог этого кропотливого труда перед вами – «живое прошлое», приближенное к сегодняшнему дню, конкретное и почти осязаемое, это – история в лицах. Например, вся серия «Династия Романовых» – это прорыв в музейной технологии на переломе двух столетий, когда интересы экспозиционеров и музейщиков пересеклись в контексте развития новых маркетинговых исследований. Музейная выставка коренным образом видоизменилась, и музеи с их долгим процессом создания постоянных экспозиций намного отставали от веяний времени. Но их коренное отличие заключается в том, что выставка является более мобильной формой общения зрителя и размещается не только в музеях, но и других зданиях. Присутствие музея для выставки воскового портрета совсем не обязательно и даже по многим причинам может вызвать не-

Рис. 4. Восковые фигуры солдат эпохи наполеоновских войн (Музей армии, Париж)

Fig. 4. Wax figures of Napoleon-time soldiers (The Army Museum, Paris)

нужные ассоциации. Например, серии восковых персон «Катастрофы человеческого тела» и «Уфонавтика и пришельцы с других миров» являются чересчур экстравагантными.

В «Музее армии» в Париже все фигуры сведены в группы по периодам проведения военных кампаний. Фигур в музейной экспозиции насчитывается *более сотни* и каждая имеет свой неповторимый облик. Внешне солдат выглядит как живой человек, наделенный своими чертами и индивидуальностью (рис. 4). Но при выходе из этого перегруженного манекенами музея у нас не возникает ощущения, что их количество слишком огромно. Такова была задача художников. В Европе это самая большая музейная экспозиция, сделанная руками человека в жанре воскового портрета.

Заклучение. В настоящее время технологии развития музейного экспозиционного дизайна перешли границы своего применения, в музей пришел новый вид продукта массовой культуры. Появились целые выставки, которые, выходя за рамки обычного стереотипа, привнесли в музей как свою логику развития, так и несколько негативную «балаганную», «низкохудожественную» эстетику, о чем писала М. Т. Майстровская в статьях по исследованию экспозиций [4–5].

Музей или паноптикум? В какую сторону он развивается? Очевидно, это тема целого исследования. В свое время М. Ямпольский опубликовал серию статей для журнала «Декоративное искусство СССР» [6]. Необходимо отметить, что после распада Советского Союза акценты сместились. И то, что нам всегда казалось вполне естественным и социально значимым, было размыто догматическими лозунгами о вседозволенности и плюрализме новой музейной эстетики. Мы забыли главное: у истоков этой эстетики стояли такие исследователи, как Ю. Лосев. В своем трактате об античной эстетике философ четко очерчивает круг проблем. Он пишет о недозволенности современных трактовок. Много сделал в этом плане выдающийся исследователь музейных экспозиций С. Ямщиков [7], а также исследователь О. В. Веселицкий [8], который отмечает медленное угасание всего музейного оформления целой индустрии в самом сердце Санкт-Петербурга на комбинате художественного оформления. Они приоткрыли завесу непонимания развития этого вида искусства. Все, что выставлено у нас в Беларуси, – музейный импорт. Нет скульпторов, желающих работать в этом виде музейной индустрии. Все приходится покупать за рубежом. Макетные технологии не изучаются в высших учебных заведениях. Передвижные выставки «Динозавры» и прочие атрибуты массового развлечения дискредитируют музей.

Список использованных источников

1. Соколов, Г. И. Античная скульптура. Рим. Альбом. ИЗОГИЗ / Г. И. Соколов. – М.: Сов. художник, 1965. – С. 6.
2. Санкт-Петербургский музей восковых фигур. Буклет; авт.-сост. Б. А. Косолапов, худож. М. А. Бычков, фотограф. В. А. Воронцов. – СПб.: Лимбус пресс, 2000. – 27 с.
3. Восковые персоны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wax.ru>. – Дата доступа: 22.03.2013.
4. Майстровская, М. Т. В масштабе Поднебесной / М. Т. Майстровская // Мир музея. – 2015. – № 6 (334). – С. 16–17.
5. Майстровская, М. Т. Композиционно-художественные тенденции формообразования музейной экспозиции: автореф. дис... д-ра искусств. : 17.00.06 / М. Т. Майстровская; Моск. худож.-промышл. ин-т им. С. Г. Строгонова. – М., 2003. – 53 с.
6. Ямпольский, М. Панорама как зрелище мира / М. Ямпольский // Декоративное искусство СССР. – 1987. – № 10. – С. 34–37.
7. Ямщиков, С. Сокровища личных коллекций: традиции и проблемы / С. Ямщиков // Наше наследие. – 1991. – № 1.
8. Веселицкий, О. В. Художественное проектирование музейных экспозиций в Ленинграде в 70 – 80-е гг. XX века : автореф. дис... канд. искусств. : 17.00.04 / О. В. Веселицкий ; СПб., 2010. – 26 с.

References

1. Sokolov G. I., *Antichnaia skul'ptura. Rim* [Ancient sculpture. Rome], 1965, Sovetskii khudozhnik, Moscow, RU.
2. Kosolapov B. A., *Sankt-Peterburgskii muzei voskovykh figur. Buklet* [St. Petersburg Museum of Wax Figures. Booklet], 2000, Limbus-press, St. Petersburg, RU.
3. "Wax people", Available at: <http://wax.ru>, (accessed 22.03.2013).
4. Maistrovskaia M. T., "On a scale of the Middle Kingdom", *Mir muzeia* [World of the museum], 2015, no. 6 (334), pp. 16–17.
5. Maistrovskaia M. T., "Compositional and artistic trends in the formation of museum exposition", Abstract of D. Sc. Dissertation, technical aesthetics and design, 2003, Moskovskii khudozhestvenno-promyshlennyi institut im. S. G. Strogonova, Moscow, RU.
6. Iampol'skii M., "Panorama as a spectacle of the world", *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative art of the USSR], 1987, no.10, pp. 34–37.
7. Iamshchikov S., "Treasures of personal collections: traditions and problems", *Nashe nasledie* [Our heritage], 1991, no. 3, pp. 1–3.
8. Veselitskii O. V., "Artistic design of museum expositions in Leningrad in the 70–80's. XX century", Abstract of Ph. D. dissertation, Fine and arts and crafts, 2010, Sankt-Peterburgskaia Gosudarstvennaia Khudozhestvenno-Promyshlennaia Akademiia im. A. L. Shtiglitsa, St. Petersburg, RU.

Информация об авторе

Горбунов Игорь Васильевич – кандидат искусствоведения, доцент. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (пр. Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: igorgiv2016@yandex.ru

Information about the author

Igor V. Gorbunov – Ph. D. (Art. Crit.), Associate Professor, Vitebsk State Masherov University (33 Moscow Ave, Vitebsk 210038, Belarus). E-mail : igorgiv2016@yandex.ru

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-1«1921/1939»

Паступіў у рэдакцыю 02.05. 2017
Received 02.05.2017

М. У. Мікуліч

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

ПАЭЗІЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ: НЯВЫВУЧАНЫЯ СТАРОНКІ

Анотацыя. Аналізуюцца неизученыя старонкі заходнебеларускай паэзіі 20–30-х гг. ХХ стагоддзя, ідэйна-эстэтычныя пошкі А. Дубровіча, В. Козловіча, В. Адважнага. Творчасць А. Дубровіча разглядаецца ў кантэксце традыцый лірыка-повесцевага стылевага течения, якому былі свойствены естэтычнасць мастацкага светавоспрыяцця і мыслення, злучэнне агульнага і асобнага, аб'ектыўнага і суб'ектыўнага. Звяртаецца ўвага на тым, што вершы А. Дубровіча выстраіваліся ў адпаведнасці з повесцева-нарратывым прынцыпам, адрасавалі на сябе ўвагу аспектамі эпічнага разгортвання сюжэта, афармленасці і публіцыстычнасці, предметнасці канкрэтнасці мастацкага выяўлення. В. Козловіч быў прадстаўніком вядучага ў паэзіі Заходняй Беларусі рымантычнага стылевага течения. Яго творы вызначаліся вострым канфліктам паміж лірычным героям і рэальнасцю, яны ўтверджвалі асабнасці нацыянальна-возраджэнскага доктрыны, героя-патрыятычнага духа, культывавалі рашучасць, напор, сілу. Проследжваецца іх заангажыраванасць у нацыянальна-історыю праблематыку, рымантычна-іdealізаваная выяўленасць. У творчасці В. Адважнага, прадстаўніка духоўна-ірацыянальнага стылевага течения, акцэнтываецца паэтызацыя асноў мстычнага эвалюцыянізму. Яго лірычнае свядомасць была адрасавана да хрысціянскага пераходнага крыніцы, ўтверджэнню іdealнага пачатку свету, вослаўленню веры ў Бога як безмежнае і вечнае Добра і Счастье. Раскрываюцца асабнасці грамадска-патрыятычнага і хрысціянска-рэлігійнага іdealнага паэта.

Ключевые слова: традыцыйны, паэзія, творчасць асобнасць, нацыянальнае свядомасць, менталітэт, рымантычны, стылевае течения, ўплыв

Для цытавання: Мікуліч, М. У. Паэзія Заходняй Беларусі: нявывучаныя старонкі / М. У. Мікуліч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 90–100.

M. U. Mikulich

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

POETRY OF WESTERN BELARUS: UNSTUDIED PAGES

Abstract. The article explores ‘unstudied pages’ of the Western Belarusian poetry of the 1920s–1930s and the quest for ideology and aesthetics by A. Dubrovich, U. Kazloushchik, and V. Advazhny. A. Dubrovich’s works are addressed in the context of traditions pertinent to the lyrical and narrative style characterized by an unforced artistic worldview, a combination of the general and individual and of the objective and subjective. It is noted that A. Dubrovich’s poems were arranged in accordance with the narrative principle; they attracted attention due to such their aspects as epically unfolded pattern, sketchiness and publicism, and substantive concreteness of artistic imagery. U. Kazloushchik was a representative of the romantic style that dominated in the poetry of Western Belarus. His works were marked by acute conflict between the lyrical hero and reality; they asserted specific features of the national revival doctrine and the heroic and patriotic spirit, and cultivated resoluteness, persistence, and strength. The article reveals their excessive involvement in the issues of national history and their romanticized imagery. It is noted that the works by V. Advazhny who represents the spiritually irrational stylistic trend, poeticize the foundations of mystical evolutionism. His lyrical consciousness addressed the Christian primary source, asserted the ideal beginning of the world, and glorified the faith in God as boundless and eternal Good and Happiness. Specific features of the poet’s social, patriotic and Christian ideal are identified.

Keywords: traditional, poetry, creative individuality, national consciousness, mentality, romantic, stylistic trend, influence

For citation: Mikulich M. U. Poetry of Western Belarus: Unstudied Pages. *Vesti Natsyional’noi akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 90–100 (in Belarusian).

Развіццё паэзіі Заходняй Беларусі (1921–1939) вызначалася ўзаемадзеяннем трох мастацка-стылявых плыней – лірыка-апавядальнай, рамантычнай і духоўна-ірацыянальнай. Да лірыка-апавядальнай плыні належалі, напрыклад, Міхась Васілёк, Міхась Машара, Мікола Засім, Ніна Тарас і інш., да рамантычнай адносіліся Уладзімір Жылка, Максім Танк, Піліп Пестрак, Валянцін Таўлай, да духоўна-ірацыянальнай – Казімір Сваяк, Наталля Арсеннева, Хведар Ілляшэвіч, Пётр Сяўрук... Тыповымі прадстаўнікамі адзначаных плыней з’яўляліся таксама адпаведна Алесь Дубровіч, Уладзіслаў Казлоўшчык і Вінцук Адважны, ідэйна-мастацкія пошукі якіх амаль не вывучаліся нашым літаратуразнаўствам.

Творчасць прадстаўнікоў лірыка-апавядальнай стылявой плыні сведчыла пра натуральнасць мастацкага светаўспрымання і мыслення, спалучэнне агульнага і асобнага, аб’ектыўнага і суб’ектыўнага, калектыўнага, масавага і асабістага. Яна звяртала на сябе ўвагу вастрынёй сацыяльнага погляду, сцвярджаннем ідэй грамадзянскай актыўнасці, барацьбы супраць несправядлівасці і прыгнёту, глыбокім раскрыццём шчырага свету чалавечай душы, багацця і разнастайнасці яе ўяўленняў і перажыванняў. Тут лірычна пранікнёны аналіз працэсаў грамадскага развіцця дапаўняўся іх сацыяльна-маральнай, а часам і духоўна-псіхалагічнай выверкай. У ёй выразна адчувалася ўстаноўка на актыўнасць і насычанасць унутранага асваення рэчаіснасці, эмацыянальна напоўненае жыццё, паказ індывідуальных адносін да падзей і фактаў, самавыяўленне, спавядальнасць і інш.

Паэты гэтай стылявой арыентацыі будавалі свае творы па прынцыпу рэалістычнага самаруху жыцця, калі ў іх рамках адбываліся пэўныя падзеі, разгортваліся сітуацыі, развіваліся адносіны, вырашаліся канфлікты і інш. Тут аўтар ішоў за з’яваў і фактам, раскрываючы да іх сваё стаўленне. Яго мастацкая свядомасць была забяспечана адначасова зрокам, слыхам, думкай і пачуццём. Тут лірычны сюжэт разгортваўся як тыповы лірычны час, духоўны свет героя раскрываўся як свет народнага асяроддзя, а перажыванні народнага асяроддзя раскрываліся як духоўныя перажыванні героя.

Якраз у рэчышчы гэтага мастацкага дыскурсу развівалася лірыка Алеся Дубровіча (сапр. – Аляксей Рэдзька, 1906–1942). Як і М. Васілёк, М. Машара, Г. Новік, многія іншыя паэты, А. Дубровіч напоўніцу зведаў на сабе ўздзеянне побытава-эканамічных і грамадска-сацыяльных забарон і абмежаванняў, палітычнага ўціску, за ўдзел у народным руху пратэсту Заходняй Беларусі пабываў у турэмных засценках.

Нават на аснове небагатай творчай спадчыны А. Дубровіча можна меркаваць аб тым, што ён валодаў значнымі здольнасцямі, самабытным паэтычным дарам, умеў у звычайным, будзённым, часовым, зменлівым разгледзець сутнасць з’явы ці працэсу, праз аналіз прыватнага прыйсці да разумення сэнсу падзей, раскрыць характар сацыяльных змен і зрухаў, адметныя асаблівасці грамадскага развіцця. Як і творы Г. Новік, яго вершы выяўлялі свет асобы, што жыла клопатамі і праблемамі сялянскага асяроддзя, бараніла ідэй сацыяльнай справядлівасці і свабоды, права на звычайныя чалавечыя радасці. Даволі часта яны будаваліся па апавядальным прынцыпе, звярталі на сябе ўвагу аспектамі эпічнай разгорнутасці малюнка, нарысавасці і публіцыстычнасці, прадметнай канкрэтнасці паэтычнай вобразнасці:

Зелянее на сонцы пад плотам
і шапоча маркотна крапіва,
што на вёсцы нядоля, бядота,
што так мала жывуць тут шчасліва.
Што счарсцвелага хлеба скарынка
часта ўпрочкі ідзе ад абеду;
што у місцы малая крупінка
ўсё гарцуе, не робячы следу...
.....
І шапоча крапіва, што блізка
гэны час, час з вясною расстання,
што, схіліўшыся гора к ёй нізка,
перарве яе дзён красаванне.
Што у хаце галодныя дзеці
калісь справяць над ёю памінкі:
будуць вочкі іх свечкай гарэці,
знікнуць з твару нядолі слязінкі [7, с. 370].

У вершах А. Дубровіча рэальнае з яго дэталямі і падрабязнасцямі, прадметна-рэчыўнае перапляталася з духоўна-лірычным, эмацыянальна-пачуцёвым, з ахопленасцю лірычнага героя высокімі грамадзянскімі мэтаімякненнямі. Зусім відавочна, што сюжэт лірычнага перажывання ў іх быў абумоўлены непрыняццем заходнебеларускай рэчаіснасці з яе антыдэмакратычнымі і антынароднымі законамі і парадкамі, сцвярджаннем ідэі сацыяльнай і духоўнай свабоды краю.

Як адзначаў М. Бельскі, А. Дубровіч «верыў у сілу паэтычнага слова» [2, с. 3], ён заклікаў заходнебеларускага песняра сплаціць «свой доўг вялікі», адважна кінуць у свет «Усхваляваныя напевы» з тым, «Каб новых дзён яны засевам Ёзняліся з-пад штодзённых бед. Каб хваляю на буйнай ніве Яны плылі і ўшыр і ўздоўж...» («Усхваляваныя напевы...»). Паэт сцвярджаў залежы народнага духу і веры, патэнцыял нацыянальна-вызваленчага руху, маральныя каштоўнасці змагароў за народнае шчасце, даволі часта звяртаючыся да лірыка-абагульненай вобразнасці, умоўных сродкаў мастацкай выразнасці. Думаецца, у многім яскрава і пераканаўча сведчаць пра гэта наступныя радкі (верш «Мы»):

Мы – скрыўджаных няпраўдай струны,
Адным распалены агнём.
Мы гімн пакуце граем сумны
І славу барацьбе пяём.

Натхненне наша у змаганні
За шчасце новага жыцця,
Мы летуцім аб светлым ранні,
І шмат у песнях пачуцця.

Мы сэрцам полымным і чыстым
Асвецім шлях сябрам другім,
І верым – песняй урачыстай
Мы перамозе зложым гімн [7, с. 371].

Слова А. Дубровіча, сапраўды, гучала «рэвалюцыйна ясна» (Г. Каханоўскі), пераканаўча і важна.

Шмат у чым тыповым для мастацкіх пошукаў А. Дубровіча з'яўляецца верш «Гэй, віхор шырокакрылы...», вытрыманы ў лірычна-пранікнёным вобразна-эмацыянальным ключы. У ім лірычны герой звяртаецца да «падарожніка няпрытульнага» віхора, пытаецца ў яго, «дзе зьвіваў» ён «хмарам грывы, дзе спраўляў свой лёт разгульны?». «Раскажы, што ў сьвеце бачыў, – прапануе ён, – скрось – на захадзе й на ўсходзе, – крумкачы аб чым дзе крачуць, аб чым весткі ў сьвеце ходзяць?..»

– Быў далёка я за морам,
цалаваўся з акіянам,
на сваіх сьняговых горах
я гуляў з вясельлем п'яным, –

паведамляе віхор. «І на захадзе й на ўсходзе сьвет грыміць і звоніць стальлю... Гэй, там ёсьць чаму паўчыцца!...», – шматзначна сцвярджае ён [5, с. 224].

Лірыка-апакаліптычная плынь з'яўляецца найбольш даўняй і распрацаванай у нашай літаратуры, тыповай для яе, але вядучае месца ў заходнебеларускім паэзіятворчым працэсе належала рамантычнай мастацка-стылявой плыні. Тое было абумоўлена асаблівасцямі грамадска-сацыяльнага асяроддзя, разгортваннем у краі нацыянальна-патрыятычнага руху, народна-вызваленчай барацьбы. Творы прадстаўнікоў рамантычнай мастацка-стылявой плыні характарызаваліся асаблівым, рамантычна-ўзвышаным, лірычна-пранікнёным, ладам светаадчування і мыслення героя, яго абвостраным успрыманнем народных бед і няшчасцяў, праблем і супярэчнасцей грамадска-сацыяльнай рэчаіснасці, нястрымным парывам у будучыню, да ідэалаў свабоды і справядлівасці, добра і шчасця. Яны паэтызавалі высокія духоўна-маральныя каштоўнасці жыцця, поўніліся рамантычна-ідэалізаванымі вобразамі і карцінамі, вызначаліся драматычным зместам, інтэнсіўным рытміка-інтанацыйным гучаннем.

У нацыянальна-адраджэнскім рэчышчы рамантычнай стылявой плыні паэзіі Заходняй Беларусі разгортваліся творчыя пошукі Уладзіслава Казлоўшчыка (сапр. прозвішча – Казлоўскі, 1896–1943). Гэта быў вядомы спартыўны журналіст і публіцыст, аўтар кніг «Фізічнае выхаванне грамадзян-

ства» (1927), «Аб фізічным выхаванні ў беларусаў» (1928), «Плач беларускай старонкі-маткі па дзетках сваіх рэнегатах» (1930), грамадска-палітычны дзеяч, адзін з заснавальнікаў Беларускай нацыянал-сацыялістычнай партыі. У 1932 годзе ён выдаў вершаваны раман «Путы каханья», у 1935 – зборнік вершаў «Шляхам змаганья», а ў 1940 – вершаванае апавяданне «Казюк на кірмашы».

Усе ці амаль усе мастацкія творы У. Казлоўшчыка былі звернуты да выяўлення агульнай сацыяльнай эмоцыі – выкрыцця і адмаўлення свету прыгнёту і несправядлівасці. Праблемна-тэматычны змест, настрой і пафас зборніка «Шляхам змаганья» вызначалі нацыянальна-вызваленчыя матывы, ідэі барацьбы, непрыняцця заходнебеларускай рэчаіснасці, з якой лірычны герой знаходзіўся ў вострых супярэчнасцях. Паэт адчуваў сябе ў мэтанакіраваным, дынамічным руху, велічным паходзе па праўду і справядлівасць, у дружнай кагорце змагароў за свабоду і незалежнасць Беларусі. «Наперад ідзем мы няўхільна і цвёрда Шляхам змаганья, – чытаем у праграмным вершы, якім адкрываецца зборнік. – Мы ўжо не заплачам. Ні ў болі, ні ў страху Ніхто не пачуе у нас нараканьня» («Шляхам змаганья»). Яго лірычны герой пакідаў у мінулым «І стогн стагодзьдзяў І сьлёз разводзьдзе», што «Не асьвяцілі няволі ноч». Гэта спадчына, якой варта назаўсёды пазбыцца:

Ёсьць так з прадвеку,
Што чалавеку
Сьляза ня можа карыснай быць:
Хаця бы з гора
Наплакаў мора –
Ня зможа волі сабе здабыць... [6, с. 17].
(«Наш шлях – змаганне...»)

У вершах «Змагацца і дзеяць», «Не паддавацца» і іншых У. Казлоўшчык праводзіў паралель паміж, на яго погляд, вызначальнымі з’явамі і працэсамі, якія адбываюцца ў прыродным асяроддзі і чалавечым грамадстве, сцвярджаў думку аб тым, што «шчасьце і воля жывуць ў барацьбе». «Ці бачыў калі хто жыцьцё без змаганья? Ці жаласьць ў прыродзе знашоў хто ў каго? Дужэйшы слабога бярэ без чаканья...», – казаў паэт [6, с. 51]. Руху, клопату, барацьбе за сваё існаванне падпарадкавана ўсё жывое на зямлі, тое, што «ёсьць нярухліва, Бязжаласна згіне ў прыродзе, памрэ» [6, с. 51]. Задумваючыся над будучым, спрабуючы прадугледзець свае «Жыцьцёвае сьцежкі далейшы працяг», разгадаць, «якія дарожкі Прыдзецца» яшчэ прайсці, у вершы «Жыцьцёвы шлях» ён цвёрда заключаў наступнае: «Я знаю, што прыдзе тады мне падмога, Як будзе вясцьця мая барацьба» [6, с. 58].

Вершы У. Казлоўшчыка сцвярджалі асаблівасці нацыянальна-адраджэнскай дактрыны, героіка-патрыятычны дух, культывавалі рашучасць, напор, волю, сілу. У іх дамінавалі тэмперамент, маральная бескампраміснасць, адважны парыў у будучыню. «Тварыць трэба сілу, вясцьця трэба бой», – казаў паэт, звяртаючыся да свайго «брата Крывічаніна»; «Калі будзе сіла і ў нашых руках, Дык праўда сама прыдзе нам з барацьбы...» («Сіла»). Ён цвёрда верыў, што «З курганаў вяковых, са стогну стагодзьдзяў Ускрэсьне дух волі – з трыумфам паўстане»; «І пульсам магутным забьецца ў народзе, Ахопіць змаганьнем і душы, і сэрцы...» («Дух волі»). «Раней ці пазней» родная старонка пойдзе ў «бой аканчальны, вызвольны. Тады сьвет пачуе маланкі-грымоты З пярунаў, што пусьціць народ паднявольны» («Будзеш незалежнай»):

Няшчасныя дзеі Цябе гартавалі
І сілу давалі ў нядолі бязмежнай –
Ты мусіш паўстаці мацнейшай ад сталі
І быць незалежнай [6, с. 8].

«Уцякай хутчэй манлівы дым, Бо ўжо ідзе крывіцкі ўздым, – чытаем у вершы «Крывіцкі дух». Ён «Ідзе з нізоў», «Жыцьцё нясе для беднаты, Сьвятло для доўгай цемнаты» [6, с. 16].

Вершы У. Казлоўшчыка поўніліся рамантычна-ідэалізаванымі вобразамі долі-нядолі, бяды, праўды і крыўды, цемры-ночы, злога ярма, путаў-ланцугоў, паходу, змаганья, будучыні. У іх паэтызаваліся малады дух патрыятаў, што вырываўся на свабоду, «дух волі», які «грае песьні», «бойкая моладзь – арлы маладыя», «крывіцкі ўздым», услаўляліся Крывіцкая Пагоня, якая ляціць «Праз горы, рэкі і лясы», «Крывіцкі рыцар з неба», што спяшыць «У старонку, сковану ў ланцуг, Распутаць хоча ёй Пагоню», «духа гордасьць» і «волі цвёрдасьць», якія «Вядуць няўхільна

ў вызвольны бой» («Песня беларускай моладзі», «Пагоня», «Наш шлях – змаганне» і інш.). Дадзеная асаблівасць уласціва і яго кароткім лірычным замалёўкам, імпрэсіям у прозе «Шлях моладзі», «Прачніся, беларусе!», «Не ў нас вясна» і інш. [4, с. 177–183].

Як мы адзначылі, У. Казлоўшчык востра адчуваў нацыянальныя і сацыяльныя праблемы і беды беларускага народа, яго лірычны герой быў ахоплены ўзнёслымі грамадзянска-патрыятычнымі імкненнямі, але паэту далёка не заўсёды ўдавалася забяспечыць належны духоўна-эстэтычны ўзровень выяўлення жыццёвага матэрыялу. Многія яго вершы выглядалі як паэтычныя фармулёўкі ідэалаў, тых мэт і задач, якія ставілі перад сабою лірычны герой і яго аднадумцы, як аптымістычныя прароцтвы надыходу волі і незалежнасці. У. Казлоўшчык своеасабліва пастуліраваў актуальныя ідэі нацыянальнай і сацыяльнай свабоды Беларусі, быў скіраваны на рамантычна-адцягненае, абагульнена-ідэалізаванае ўспрыманне жыццёвых працэсаў. Як і творам некаторых іншых аўтараў, ім не ставала лірычнай глыбіні, належнай узгодненасці знешняга і ўнутранага, адзінства думкі і эмоцыі. Лірычны характар выглядаў у іх паслаблена, збеднена, без разліку на шматмернасць рэчаіснасці, складанасць жыцця. Адсюль – вобразна-стылявая адналінейнасць, лозунгавая плакатнасць і рытарычнасць, абстрактная экспрэсіўнасць:

Хай нам жыве Беларусь дарагая
Сьмела да волі ідзе.
Мэты сваей хай хутчэй дасягае,
Люд свой да шчасця вядзе.
.....
Дык, брацьця, сьмела ідзем мы наперад,
Куйма адважна свой лёс!
Доўгай нядолі парвём стары нерат,
Што мохам крыўды парос [6, с. 12].
(«Хай нам жыве...»)

Або:

Распутай Пагоню,
Устань, рыцар слаўны!
Вазьмі у далоню
Наш гэрб, сьцяг дзяржаўны.

Акрый гэтым сьцягам
Пакутну старонку,
Ляці роўным шляхам
За воляй ў дагонку [6, с. 30].
(«Устань, рыцар слаўны»)

Творчасць заходнебеларускіх паэтаў-рамантыкаў, прадстаўнікоў нацыянальна-адраджэнскай лініі Л. Родзевіча, І. Дварчаніна, Я. Бартуля, У. Казлоўшчыка характарызавалася вострым драматычным канфліктам паміж асобай лірычнага героя і рэчаіснасцю, імкненнем да нацыянальнай і сацыяльнай справядлівасці і гармоніі. Вялікі і ёмісты нацыянальна-гістарычны матэрыял, гераічныя старонкі беларускага мінулага актуалізаваліся ў іх шавіністычнай палітыкай санацыі, асіміляцыі і акаталічвання, якую праводзілі польскія ўлады, ростам духоўнай самасвядомасці народа. Услаўленне нацыянальнага мінулага, натуральна, прадугледжвала адмаўленне сучаснага стану рэчаў, несправядлівасці і прыгнёту ў грамадстве. Акумуляючы ў сабе багаты героіка-патрыятычны пафас, яны сцвярджалі прынцыпы і ідэі барацьбы і няскоранасці, свабоды асобы і краю, выяўлялі надзеі на перамогу і шчасце.

У творах паэтаў нацыянальна-адраджэнскай рамантычнай лініі гістарычнае мінулае беларускага народа паўставала не ў выглядзе нейкіх канкрэтных «рэканструяваных» сюжэтаў, падзей і эпизодаў, карцін і вобразаў. Прадстаўнікі гэтай стылявой лініі звярталіся да яго ў кантэксце прасторава-часовага суаднясення, якое прадугледжвала пераемнасць самой нацыянальнай генетычнай памяці, гераічнага духу продкаў, ідэі няскоранасці і супраціўлення. Яны малявалі нацыянальна-гістарычнае мінулае ў міфалагізавана-ідэалізаваным абліччы, не ў саслоўна-класавай дыферэн-

цыяцы і звязаных з ёю грамадскіх супярэчнасцях і канфліктах, а як узор належнай дзяржаўна-палітычнай арганізацыі, сацыяльна-прававога ўрэгулявання, характэрнай адаптаванасці свабоды выбару і неабходнасці абавязку чалавека.

Творчасці паэтаў духоўна-ірацыянальных памкненняў таксама быў уласцівы характар апазіцыі заходнебеларускай рэчаіснасці з яе грубай эмпірычнасцю і ўтылітарызмам, несправядлівасцю і прыгнётам. Аднак сацыяльна-гістарычная абумоўленасць жыцця цікавіла іх у значна меншай ступені, чым прадстаўнікоў папярэдніх стылявых плыней, а то і зусім не цікавіла. Ідэйны, грамадска-палітычны аспекты імі фактычна не распрацоўваліся. Прадстаўнікі гэтай плыні К. Сваяк, Х. Ілляшэвіч, А. Бязозка, П. Сяўрук і інш. адмаўлялі прынцыпы падпарадкавання паэзіі і ў цэлым літаратуры і мастацтва пэўнай сацыяльнай місіі, у прыватнасці, мэтам і задачам заходнебеларускай грамадска-ідэалагічнай барацьбы, народна-вызваленчага руху, лічылі іх цалкам самадастатковай духоўна-эстэтычнай субстанцыяй і каштоўнасцю. Яны зыходзілі з таго, што мастацкая творчасць развіваецца на асновах безумоўнасці і самазаконнасці, не прадугледжвае знешніх намераў, не служыць пэўнай карысці і выгадзе. Яна знаходзіцца над рэчаіснасцю, над сацыяльнымі мэтайскненнямі – нават самымі актуальнымі і прагрэсіўнымі, над грамадскімі інтарэсамі і запатрабаваннямі. Іх лірычны герой не прадугледжваў сацыяльных ідэй, непасрэдна не залежаў ад грамадскага асяроддзя і не намагаўся падпарадкаваць яго сваім прынцыпам і перакананням. Ён звяртаў на сябе ўвагу характэрнай канцэнтраванасцю на сваім унутраным суб'ектыўным свеце, які амаль не судакранаўся са светам знешняй рэчаіснасці, але быў уключаны ў прастору вялікага касмічнага цэлага. Галоўную задачу ён бачыў у сцвярдзенні высокага духоўна-эстэтычнага пачатку і разглядаў сацыяльнае асяроддзе як умову і крыніцу паўнакроўнасці ўспрымання жыцця, душэўна-псіхалагічнай раўнавагі і гармоніі.

Свету сацыяльнай і нацыянальнай несправядлівасці і прыгнёту паэты гэтай стылявой плыні супрацьпастаўлялі ідэі духоўна-маральнага ўдасканалення чалавека і грамадства. На іх думку, рэальная сіла і задача мастацтва заключаюцца ў тым, каб прасвятляць і пераўтвараць жыццё на асновах праўды і міласэрнасці, цяпення і згоды, цеплыні і спагады, любові і ўсёдаравання як праяў боскай наканаванасці чалавечай душы. Яны разглядалі мастацкі твор не як сродак дасягнення пэўнай мэты, а як саму мэту, існаванне прыгожага ў прыгожым, арэол анталагічнай тайны, асвечанай інтуіцыяй.

Духоўна-ірацыянальная стылявая плынь заходнебеларускай паэзіі сцвярджала салідарнасць усяго існага, асновы і прынцыпы станоўчага ці ідэальнага ўсёадзінства як гармонію быцця і свету, дзе кожны кампанент існуе ў сістэме шматлікага многага, у бессвядомым імкненні да суладнасці і ўзгодненасці ўсяго з усім. Яго ўтварае ўзаемазвязанасць усіх космаэвалюцыйных працэсаў, узаемапрацікненне астральнага, трансэндэнтнага, прыродна-біялагічнага, сацыяльна-гістарычнага і духоўна-чалавечага пачаткаў, якія збіраюць сусвет у адзінае цэлае, абумоўліваюць у ім месца асобы. Тут дабро прадугледжвае існаванне зла як рэальнага суб'екта і дзейнай сілы ў сістэме ўсеагульнай раўнавагі. Яно не перамагае зло, а паслядоўна авалодвае ім, падпарадкоўвае яго служэнню сваім інтарэсам і каштоўнасцям. Чалавек і прырода па-сапраўднаму могуць выявіць і сцвердзіць сваю зместавую сутнасць толькі ў суаднесенасці з усёй паўнатай і разнастайнасцю станоўчых і свабодных ідэй святла і добра, Вышэйшым сусветным сэнсам. Мастацкія пошукі прадстаўнікоў гэтай плыні вызначаліся наяўнасцю характэрнай духоўна-інтэнцыянальнай эмоцыі, якая акрэслівала модус існавання лірычнага героя праз адметнае сінтэзаванне свету натуральных бачнасцей і адчуванняў як стыхіі абсалютнай усеагульнасці, матэрыяльнага універсуму і творчай суб'ектыўнасці.

Асноў містычнага эвалюцыянізму ў поглядзе на жыццё чалавека і грамадства прытрымліваўся Вінцук Адважны (сапр. – Язэп Германовіч, 1890–1978), паводле слоў А. Станкевіча, «арыгінальны і даволі плодны беларускі пісьменьнік і паэт» [9, с. 85], які вёў свае мастацкія пошукі, у многім арыентуючыся на духоўна-эстэтычны вопыт аднадумцы і сябра К. Сваяка, хоць і ў прыкметна іншай стылявой манеры. Яго лірычная свядомасць таксама была звернута да хрысціянскай першакрыніцы, сцвярдзення ідэальнага пачатку свету, услаўлення веры ў Бога як бязмежнае і вечнае Дабро і Шчасце. Пра гэта сведчаць вершы, сабраныя ў зборніку «Беларускія цымбалы», які выйшаў у 1933 годзе.

Як і К. Сваяк, В. Адважны зыходзіў з таго, што сусвет уяўляе сабою ідэальнае ўсёадзінства, якое арганізуецца і забяспечваецца раўнавагаю і салідарнасцю яго ўнутрана самадастатковых і адначасова ўзаемазвязаных і ўзаемазалежных складальных частак і элементаў. Рэалізуючы сваю

зместавую сутнасць у свабодным і гарманічным суіснаванні, ва ўзаемнай спраецыраванасці і абумоўленасці, усе яго з’явы і працэсы, прадметы і рэчы падпарадкоўваюцца высокаму духоўнаму сэнсу, сведчаць «станоўчую ўсёпранікальнасць», характэрную дасканалую сабранасць. Мы бачым, што думка і перажыванне паэта вынашаныя, абгрунтаваныя, пранікнёныя:

На ўсё свой час. Бог сьвет устроіў
І так яго для нас прыкроіў,
Што жыць разумна лёгка дужа,
Бо чалавеку сьвет тут служба.

А людзі – проста няпрытомны!
На мудрасць Божую няпомны:
Законаў Божых не пазналі –
На свой капыл перапраўлялі [3, с. 19].

У вершы В. Адважнага «Ліпень», які сцвярджае багацце і разнастайнасць, паўнату жыцця, шматлікія з’явы і прадметы рэчаіснасці таксама функцыянуюць па прынцыпу: усё цэлае – для мяне і я – для ўсяго цэлага. Разам з тым твор увасабляе ідэю адзінства і дамінуючай ролі святла і вады ў прыродзе і сусвеце, што арганізуюць сувязь неба і зямлі, духоўнага і матэрыяльнага, з’яўляюцца носьбітамі жыццядайнага і эстэтычнага пачаткаў, забяспечваюць прадудцыраванне і развіццё добра, ісціны і красы. Пасля цёплага ліпенскага дажджу з громам і маланкамі выглянула сонца:

Перастаў злавацца –
Стаў Ільля сьмяяцца:
Выпусціў вясёлку.
Расхілілісь кветкі,
Разгулялісь дзеткі,
Разлятальісь пчолкі.
Ўсё кругом сьмяецца,
А мне так здаецца –
Траўка радасьць чуе.
Сонца з неба скоча,
Рэчанька ласкоча,
Твар вады цалуе [3, с. 22–23].

Прыродны свет, грамадскае асяроддзе ўспрымаюць уздзеянне святла і вады, у якой, паводле слоў У. Салаўёва, «матэрыяльная стыхія ўпершыню вызваляецца ад сваёй коснасці і непранікальнай цвёрдасці» [241, с. 47–48], пераўтвараюць іх унутраную энергію, жыццяноснаю сілу і атрымліваюць паступальны рух да якаснага абнаўлення:

Ўжо прагнана ліха,
Сонца сходзіць ціха
Да зямелькі ў сваты.
Птушкі распялісь,
Людзі адазвалісь –
Ўжо пяюць дзяўчаты.
Там і тут вясёлкі:
Дзеткі, як анёлкі,
Ходзяць серад збожа.
А зямелька шчасна,
А прырода красна –
Божа, добры Божа! [3, с. 23].

Гэта той выпадак, калі «ўся прырода нібы гаворыць з чалавекам на даступнай яму мове сімвалаў, апавядаючы аб красе, якая больш за яе саму, якая ёсць у замежнасці і павінна быць чаканаю на зямлі» [80, с. 14]. Будучы сусветна-гістарычнаю асноваю, увасабленнем добра, ісціны і красы, Дух, сіла Божая, нязменна прысутнічае ў чалавечым грамадстве, прыродзе і сусвеце, прыдае ім мэту, сэнс і значэнне, арганізуе жыццядзейнасць малога і вялікага, прыватнага і агульнага. У сваю чаргу яны самі валодаюць здольнасцю да актыўнага прадудцыравання і развіцця, бо падуладныя ўніверсальнаму закону быцця, бессвядома адлюстроўваюць унутраную логіку сусветнага цэлага.

В. Адважны сцвярджаў духоўна-маральную напоўненасць чалавечага жыцця, выступаў за тое, каб сацыяльныя і нацыянальныя праблемы і супярэчнасці заходнебеларускай рэчаіснасці вырашаліся сілаю дабра і праўды, пераканання і справядлівасці. Грамадскаму злу, граху і насіллю, канкрэтным людскім бедам і няшчасцям, на яго погляд, могуць і павінны супрацьстаяць душэўная цеплыня, усёдараванне і ўсёпрымірэнне. В. Адважны ўслаўляў цяжкую духоўна-маральную працу чалавека па ўвасабленні вобразы Бога, распаўсюджанні і ўмацаванні ў матэрыяльна-прыродным свеце пакоры і цяпення, любові і веры. Супрацьстаячы волі інстынктаў і выпадковых здарэнняў, яны, на думку паэта, уплываюць на законы фізічнага жыцця людзей, адухаўляюць іх прыродную сутнасць, рэгулююць паводзіны і ўчынкi, а ў цэлым прасвятляюць грамадскае асяроддзе, насычаюць яго маральным зместам, прыдаюць яму ўнутраную цэласнасць. Любоў і вера не проста прадугледжваюць наяўнасць выразнага душэўна-пачуцёвага стану чалавека, яго эмацыянальна-псіхалагічную зараджанасць, а сведчаць пра пэўную перадыслакацыю ўнутранага «я» асобы на аб'екты ці аб'екты знешняга свету, выяўляюць адчуванне і бачанне іх асаблівых рыс і ўласцівасцей. Усё гэта знайшло сваё ўвасабленне ў такіх вершах В. Адважнага, як «Прарок», «Сірата», «Мудрасць Саламона» і іншых, прасякнутых рэлігійна-паэтычным сімвалізмам.

Лірычны герой верша «Прарок» з зямлі «быў узнесен на вышыны», туды, «гдзе пануюць серафіны», над якімі толькі Бог Усемагутны. Там ён убачыў, як яны стаялі «з паклонам ніж – глыбокім, Закрыўшы вочы», «Прад Божым тронам» і спявалі «песню бязупынна: «Сьвяты, сьвяты, сьвяты навекі!» Апынуўшыся ў нязвычайнай для сябе сітуацыі, лірычны герой паэта «маўчаў, як пень – нямова, Ня мог сказаць разумна слова». І тады Бог «Даў знак анёлу – серафіну» ратаваць неразумнага «дзяціну»:

Й анёл ўзяў вуголь аўтарны
З агня, што там гарэў ахвярны,
І тым вуглём гаруч – гарачым
Язык мне чысьціў, вусны значыў.
І бачыў Бог – сьвяты навекі!

І стаў я чысты, стаў вясёлы,
І рады ўсе былі анёлы,
І прынялі мяне за брата:
Было з таго у небе сьвята –
І бачыў Бог – сьвяты навекі! [3, с. 9–10].

«Слабы і цёмны і пахілы», лірычны герой В. Адважнага праходзіць ачышчэнне і ахрышчэнне «Агнём нябесным» і самаахвотна выклікаецца ісці «на сьвет нікчэмны», «да таго народу, Што у грахах згубіў свабоду...» «Благія, цёмны тыя людзі, – разважае ён, – Але браты мае аднакжа – Там кроў мая жывая такжа»:

«Ідзі!» мне кажа: «пасылаю;
Я тваю слабасць добра знаю:
Ты маеі сілай будзеш сільны,
Ты маеі праўдай – непамыльны...»
Сказаў мне Бог – сьвяты навекі!

Лірычны герой паэта вяртаецца на зямлю і з гонарам і адказнасцю выконвае высокую місію, ускладзеную на яго Богам. Ён прасвятляе жыватворнай боскай ідэяй людскія душы і сэрцы, выкараняе з грамадскай рэчаіснасці грэх і зло, эгаізм і пыху ўздзеяннем дабра, веры і любові, імкнецца да таго, каб яны трывала ўвайшлі ў сьвядомасць сучасніка, авалодалі яго ўнутраным светам:

Я скалы цвёрдыя пакрушу,
Я сэрцы гордыя прымушу
Пазнаць ўсю праўду Божу з неба:
Што трэба нам, чаго ня трэба!
Сьвяты мой Бог – сьвяты навекі! [3, с. 11].

Паэт схіляецца да думкі, што сапраўдным жыццём на зямлі становіцца тады, калі яго насычаецца глыбокім духоўным зместам, падуладна Найвышэйшай волі, касмічнаму розуму, калі чалавек звяртаецца ў паза межнасць, да Бога. Толькі пры гэтай умове ён набывае магчымасць

усвядоміць і зразумець рэальны стан з'яў і рэчаў, спасцігнуць таямніцу таямніц, адвечную загадку быцця, цудадзейнай сутнасці сусвету.

У нечым блізкім да папярэдняга з'яўляецца верш В. Адважнага «Сірата». Яго лірычны герой у раннім узросце, калі быў «яшчэ хлопчык маленькі», застаецца без бацькоў, «Адзін – як той колас у полі, Адзін – для гаротнае долі...» Чуйны і гарманічны, ён хінецца да людзей, шукае ў чалавечым асяроддзі «душы сабе роднай» і не знаходзіць. Яму не рады сваякі, яго, жабрака, праганяюць дзеці, крыўдзяць пастушкі, дзяўчына, з якою ён звязваў свае надзеі на ўзаемнае каханне і шчасце, «Ад сэрца... адарвана», «другому аддана». Напоўніцу зведаўшы сіроцкага хлеба, крыўды і прыніжэння, здэку і гора, лірычны герой паэта вырашае ісці «на службу да Бога», туды, «Гдзе творыцца духа багацце». Якраз у веры ў Бога ён становіцца свабодным, самадастатковым і шчаслівым. «Тут мне адчынілася неба, – чытаем у вершы, – А сэрца, як сьлёзы тут чыста, А Богам душа прамяніста: Чаго-ж мне, чаго яшчэ трэба?» [3, с. 16]. Бог дае яму магчымасць звярнуцца да свету, які глуміцца над вераю, крыжue Бога («Ты лжэш! лжэш ад веку да веку – Ганебна сіротак марнуеш!»), да людзей, сваіх кроўных братоў-беларусаў («Вы праўды, вы цноты шукайце, Руку сіраціне падайце – Паўстане так доля народна»). Ён стаў «кнікаць да згоды», «Бо згода – найбольша багацьце, Бо згодай стаяць ўсе народы»:

У нашых у сэрцах пакутных
Ёсьць сіла гартоўнае сталі;
Мы столькі ўжо гаравалі! –
Ёсьць сіла у плечах магутных.
Ёсьць сіла у працы, у згодзе...
Зямля, хоць і шэра, нам родзіць
І шчыры труды нагародзіць –
Ёсьць сіла у нашым народзе.
Каб мы перасталі сварыцца,
Зямля больш радзіла-б нам хлеба,
Паўней зарабілі-б на неба,
Каб мы захацелі здружыцца [3, с. 16].

Натхнёная праца лірычнага героя В. Адважнага прыносіць свае вынікі: дух авалодвае чалавечай свядомасцю, вядзе да змен і зрухаў у шырокім грамадскім асяроддзі. Неўзабаве перад ім разгортваецца рамантычна-ўзвышаная, ідэалізаваная, поўная глыбокага сімвалічнага зместу карціна:

Вось брат мой – душою адроджан –
Падаў руку брату другому;
Той слабаму даў, той старому:
Народ паўстае адмалоджан.
Сіроты знаходзяць апеку,
Удовы – належну апору,
Слабыя – у моцных падпору:
Знайшлася душа ў чалавеку [3, с. 17].

«Народ стаў адной грамадою», а гэта прывяло да таго, што з ім пачалі лічыцца чужынцы, пачалі разумець і паважаць яго інтарэсы і каштоўнасці блізкія і далёкія суседзі. «У братняй сям'і міжнароднай, – чытаем у заключнай частцы верша, – Мы сталі усім пажаданы... Мы цешымся доляй свабоднай!» [3, с. 17].

Грамадзянска-патрыятычны ідэал звязваўся ў свядомасці В. Адважнага з рэлігійным ідэалам, Праўдай Божай, верай Хрыстовай. Як адзначаў А. Станкевіч у прадмоўным крытычным нарысе да зборніка «Беларускія цымбалы», менавіта з «несьмяротных ідэалаў Хрыстовай рэлігіі і этыкі» ён «чэрпае поэтыцкае натхненне, да іх кліча народ свой і ў іх бача непарушную веру ў поўнае зьдзейсьненне беларускіх народных ідэалаў, бо справа народная ў В. А. гэта частка справы Божай» [3, с. XIX]. «Даўно мы запалі у летарг глыбокі. Дарэмна будзілі нас Божы прарокі, – пісаў В. Адважны ў вершы «Народ беларускі...» «– Нам праўду казалі – мы праўды ня чулі. Нам ў вочы сьвяцілі, ад веку мы спалі, Сваіх-жа прарокаў яшчэ не пазналі...» [1, с. 36]. Абяздолены і прыгнечаны беларус-сялянін, у якога «Ад працы, ад гора ўжо сьцёрліся сілы...», пакутліва б'ецца «на полі цяжкім, На полі ад веку благім, камяністым» без асаблівага спадзеву на плён і вынікі

сваіх клопатаў і намаганняў. Выйсце з гэтага няпростага становішча паэт бачыў у духоўным адзінстве, паяднанні канкрэтнай асобы і народнай масы ў любові і веры ў Езуса Хрыста на глебе ўзаемапавагі і ўсёдаравання. Адраджэнне-ўваскрасенне Беларусі адбудзецца ў адпаведнасці з Провідам Божым, на шляху да святой праўды і справядлівасці, ахвярнага цягнення і міласэрнасці. Менавіта таму ён заклікаў:

Народ беларускі ўсё чэзьне, гібее...
 Прыйдзі, Хрысьце Божа, Ты наша надзея!
 Народ губіць розум, зракаецца волі!
 Народ, што ня бачыў свабоды ніколі;
 Народ, што адбіўся ад праўды, ад шчасця;
 Народ, што век плача, ня ўмее сьмяяцца,
 Ніколі ня можа да дзела прыбрацца –
 Папасці на сьлед сваей долі ня можа... [1, с. 36].

Разглядаючы паэзію В. Адважнага ў згаданым крытычным нарысе, А. Станкевіч заўважаў: «Рэлігійны элемент у «Цымбалах» займае выбітнае і цікавае месца – ён для песьняра зьяўляецца – хоць на выгляд займае скромнае месца – першым і апошнім пунктам апоры, нягаснучым сьвятлом, у блеску якога ён піша і снуе свае разважаньні аб жыцці беларускім. Гэта на вершах В. А. кладзе асаблівы адпячатак суцэльнасці, супакою, жыццёвай мудрасці – бяз таго мучэння, якім адзначаюцца вершы Каз. Сваяка» [3, с. XVII]. У сувязі з дадзеным слушным заключэннем варта падкрэсліць, што ў адрозненне ад творчасці К. Сваяка, у якой дамінавалі духоўна-філасофскі, рэфлексіўны пачатак, скіраванасць на выяўленне драматычнага свету асобы, ідэйна-мастацкія пошукі В. Адважнага вызначаліся большай сацыяльнай заангажаванасцю, звернутай да пэўных праблем і супярэчнасцей рэчаіснасці. Паэт ішоў шмат у чым ад факта, падзеі, з'явы, аддаваў перавагу непасрэднаму руху думкі і перажывання, яго вобразныя абагульненні нярэдка мелі лірыка-апавядальны, публіцыстычны, сатырычна-выкрывальны характар. Дарэчы, у многіх сваіх вершах В. Адважны абмяжоўваўся традыцыйнымі для беларускай літаратуры матывамі і вобразамі, простымі, а часам і спрошчанымі сюжэтна-тэматычнымі калізіямі, мастацкая вартасць якіх прыкметна зніжалася рытарычнай дэкларацыйнасцю і дыдактычнасцю, эстэтычнай нявыверанасцю.

Творчыя пошукі Алеся Дубровіча, Уладзіслава Казлоўшчыка і Вінцука Адважнага – прыкметная з'ява літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі. Яны былі звернуты да раскрыцця актуальных праблем і супярэчнасцей заходнебеларускай рэчаіснасці, раскрывалі характэрныя асаблівасці духоўна-сацыяльнай свядомасці беларускага народа на адным з самых складаных этапаў яго гістарычнай жыццядзейнасці па шляху да дзяржаўнай незалежнасці і суверэнітэту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адважны, В. Народ беларускі... / В. Адважны // Беларускі каляндар на 1933 год. – Вільня: [Б. в.], 1933. – С. 36.
2. Бельскі, М. Ён прыйшоў у сінязорны край: да 60-годдзя Алеся Дубровіча / М. Бельскі // ЛіМ. – 1966. – 8 ліп. – С. 3.
3. В. А. Беларускія цымбалы: з крытычным нарысам Ад. Станкевіча аб жыцці і творстве В. А. / В. А. ; выд. Беларус. інстыт. гаспад. і культуры. – Вільня: [Б. в.], 1933. – 72 с.
4. Вяртанне да сваіх: Станіслаў Грынкевіч, Франук Грышкевіч, Уладзіслаў Казлоўшчык / Беларускі саюз у Рэчы Паспалітай. – Беласток: [Б. в.], 1999. – 190 с.
5. Дубровіч, А. – Гэй, віхор шырокаккрылы... / А. Дубровіч // Калосьсе. – 1938. – Кн. 4. – С. 224.
6. Казлоўшчык, Ул. Шляхам змаганьня: зборнік вершаў / Ул. Казлоўшчык; выд. «Новага шляху». – Вільня: [Б. в.], 1935. – 64 с.
7. Ростані волі: з заходнебеларускай паэзіі. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 416 с.
8. Станкевіч, Ад. Аб жыцці і творстве В. А. (Вінцука Адважнага) / Ад. Станкевіч // В. А. Беларускія цымбалы: з крытычным нарысам Ад. Станкевіча аб жыцці і творстве В. А. / В. А. ; выд. Беларус. інстыт. гаспад. і культуры. – Вільня: [Б. в.], 1933. – С. III–XIX.
9. Станкевіч, Ад. Беларускі хрысціянскі рух (Гістарычны нарыс) / Ад. Станкевіч; выд. «Хрысціянскай Думкі». – Вільня: [Б. в.], 1939. – 272 с.

References

1. Advazhny V., “Belarusian people ...”, *Belaruski kaliandar na 1933 god* [Belarusian calendar 1933], Vilnia, LT, 1933, p. 36.
2. Belski M., “He Came to the Country with Blue Stars: To Ales Dubrovich’s 60th Anniversary”, *Litaratura i mastatstva* [Literature and Art], 1966, July 8, p. 3.
3. Germanovich Ia., *Belaruskiiia tsymbaly : Z krytychnym narysam Ad. Stankievicha ab zhhytstsi i tvorchastsi V. A.* [Belarusian Cymbals: A Critical Essay of Ad. Stankiewich about the V. A.’s Life and Creative Work], Druk im. Fr. Skaryny, Vilnia, LT, 1933.

4. *Viartanne da svaikh* : Stanislaŭ Grynkevich. Franuk Gryshkevich. Uladyslaŭ Kazloŭshchyk [Return: Stanislaŭ Grynkevich, Franuk Gryshkevich, Uladyslaŭ Kazloushchyk], [Belarusian Union in the Polish-Lithuanian Commonwealth], Bialystok, PL, 1999.

5. Dubrovich A., “Hey, the Vortex with Wide Wings...”, Kalos’sse [Ears], 1938, Book 4, p. 224.

6. Kazloŭshchyk Ul., *Shliakham zmagannia: zbornik vershaŭ* [By Fighting: Collection of Poetry], Novy Shliakh, Vilnia, LT, 1935.

7. *Rostani voli: z zakhodnebelaruskai paezii* [Crossroads of Freedom: from the West-Belarusian Poetry], Mastatskaia Litaratura, Minsk, BY, 1990.

8. Stankevich Ad., “The Life and Creative Work of VA (Vintsuk Advazhny)”, in Germanovich Ia., *Belaruskiia tsymbaly* : *Z krytychnym narysam Ad.Stankevicha ab zhytstsi i tvorchastsi V. A.* [Belarusian Cymbals: A Critical Essay of Ad. Stankevich about the V. A.’s Life and Creative Work], Ed. Belarusian Institute of Economy and Culture, Vilnia, 1933, III, XIX.

9. Stankevich Ad., *Belaruski khrys’tsiianski rukh (Gistarychny narys)* [Belarusian Christian Movement (Historical Review)], Khrystsianskaia Dumka, Vilnia, LT, 1939.

Информация об авторе

Микулич Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com

Information about the author

Nikolai V. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Literature Interrelations, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com

ПРАВА

LAW

УДК 346.26:719:341.355.22

Поступила в редакцию 14.03.2017
Received 14.03.2017

И. Э. Мартыненко

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Аннотация. Цель статьи – раскрыть содержание государственной политики в сфере историко-культурного наследия Беларуси, корректировка которой произведена в связи с принятием Кодекса о культуре, вступившего в силу 3 февраля 2017 г. Акцентируется внимание на полномочиях всех государственных органов, участвующих в культурной политике. На основе анализа нормативных правовых актов о культуре и практики их применения определены полномочия государства в области управления, охраны, использования и популяризации историко-культурного наследия. Называются инструменты реализации государственной политики по обеспечению сохранности историко-культурных ценностей, определены факторы, определяющие выбор конкретных инструментов, предложены приоритеты в их использовании на данном этапе развития общества. Приводятся конкретные статистические данные, свидетельствующие о ресурсном обеспечении государственных программ охраны и восстановления памятников истории и культуры Беларуси. Статья рассчитана на специалистов в области охраны историко-культурного наследия. Выводы и рекомендации могут быть использованы при реализации государственной политики и государственных программ в целях обеспечения сохранности нашего культурного и исторического наследия.

Ключевые слова: культура, историко-культурное наследие, государственная политика в сфере культуры, сохранение культурных ценностей

Для цитирования: Мартыненко, И. Э. Государственная политика в сфере историко-культурного наследия / И. Э. Мартыненко // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 101–110.

I. E. Martynenko

Grodno State Yanka Kupala University, Grodno, Belarus

**PUBLIC POLICY IN THE SPHERE OF HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE**

Abstract. The article aims to give coverage to the contents of the public policy in the sphere of historical and cultural heritage of Belarus, as it was amended following the adoption of the Cultural Code which came into force on 3 February 2017. The focus is made on the powers of all public bodies involved in the cultural policy. Based on the analysis of culture-related normative legal acts and practices of their application, the powers of the state to manage, protect, use and promote historical and cultural heritage have been determined. The article identifies instruments to implement the public policy to preserve historically and culturally valuable objects, defines factors that determine the choice of particular instruments, and proposes priorities for their use at the current stage of social development. Specific statistical data are given to prove that government programs for the protection and restoration of monuments of history and culture in Belarus are supported by respective resources. The article is addressed to historical and cultural heritage protection specialists. The conclusions and recommendations can be used to implement public policies and government programs aimed to preserve our cultural and historical heritage.

Keywords: culture, cultural heritage, public policy in the sphere of culture, preservation of cultural valuables

For citation: Martynenko I. E. Public Policy in the Sphere of Historical and Cultural Heritage. *Vesti Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 101–110 (in Russian).

Введение. Сфера культуры объединяет деятельность по сохранению историко-культурного наследия, развитию библиотечного, музейного, архивного дел, поддержке и развитию исполнительских искусств, изобразительного искусства, развитию традиционной народной культуры, укреплению международных связей, усилению притягательности белорусской культуры для соотечественников, проживающих за рубежом, представителей других культур. 3 февраля 2017 г.

вступил в силу Кодекс Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре) [1], положивший начало новому этапу развития законодательства об охране историко-культурного наследия. На этот момент в Государственном списке историко-культурных ценностей Беларуси зарегистрировано 5552 историко-культурные ценности. Цель данной статьи – раскрыть сущность государственной политики в сфере историко-культурного наследия Беларуси с учетом требований, определенных в Кодексе о культуре.

Основная часть. Государственную политику обычно определяют как целенаправленную деятельность органов государственной власти и управления по решению общественных проблем, достижению и реализации общезначимых целей развития общества или его отдельных сфер. Она является средством, позволяющим государству достичь определенных целей в конкретной области (в сфере культуры, историко-культурного наследия), используя правовые, экономические, административные методы воздействия, опираясь на ресурсы, которые имеются в его распоряжении.

Построение системы органов управления в сфере охраны памятников на протяжении развития общества неоднократно изменялось. Определяющими факторами при этом являлись в советский период государственное устройство СССР и административное деление союзных республик.

Направлениями государственной политики в сфере культуры и историко-культурного наследия являются: обеспечение охраны историко-культурного и археологического наследия; содействие созданию, распространению и популяризации субъектами культурной деятельности культурных ценностей; регулирование ввоза и (или) вывоза культурных ценностей, недопущение без законных оснований вывоза из Республики Беларусь культурных ценностей и незаконной передачи права собственности на них, принятие мер по возвращению в Республику Беларусь культурных ценностей, которые без законных оснований вывезены с ее территории или не возвращены.

Государству в лице уполномоченных органов принадлежат разработка и определение основных направлений государственной политики в той или иной области (сфере). В соответствии со ст. 1 Закона «О Президенте Республики Беларусь» [2] именно Президент Республики Беларусь, являясь высшим должностным лицом государства, олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики.

Для осуществления охраны историко-культурного наследия в стране разрабатываются **государственные и другие программы сохранения, охраны, использования и популяризации историко-культурных ценностей.**

В рамках ранее действовавшей государственной программы «Культура Беларуси» на 2011–2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2010 г. № 1905, и государственной программы «Замкі Беларусі» на 2012–2018 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 января 2012 г. № 17, выполнялись реставрационные работы в Лидском (XIV в.) и Новогрудском (XIII–XIV вв.) замках, консервация и благоустройство руин замков в Гольшанах (XVI–XVII вв.), Крево (XIV в.), Старого замка в г. Гродно (XIV в.). Была завершена реставрация дворца и открыт новый музей М. К. Огинского в д. Залесье Сморгонского района Гродненской области.

Несмотря на реализацию данных государственных программ, остался нерешенным ряд проблем, в том числе: наличие значительного числа объектов историко-культурного наследия, находящихся в ненадлежащем техническом состоянии и не имеющих функционального приспособления; отсутствие у большинства объектов культурного наследия утвержденных составных элементов, подлежащих охране, разработанных и утвержденных проектов зон охраны; значительный объем несанкционированных раскопок на объектах археологического наследия; недостаточные темпы информатизации сферы историко-культурного наследия и его присутствия в мировом информационном пространстве; дефицит квалифицированных кадров, в первую очередь для проведения реставрационных работ на объектах культурного наследия, в фондах музеев и библиотек; недостаточное присутствие объектов наследия в международных охранных списках, в том числе Списке всемирного наследия ЮНЕСКО, Репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества (ЮНЕСКО); неравный доступ к музейным и библиотечным фондам жителей населенных пунктов, не имеющих стационарных учреждений культуры; недостаточный объем финансирования работ по охране и реставрации объектов историко-культурного наследия.

Эти обстоятельства потребовали разработки и принятия новых государственных программ. Так, Советом Министров Республики Беларусь утверждены:

– государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. (постановление от 4 марта 2016 г. № 180) [3];

– государственная программа на 2015–2020 гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн [4].

В связи с утверждением указанной выше государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. утратила силу государственная программа «Замки Беларуси» на 2012–2018 гг. (постановление от 6 января 2012 г. № 17).

Целями **государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг.** являются:

– сохранение исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций;

– активное вовлечение граждан Беларуси в культурную жизнь страны, реализация творческого потенциала нации;

– обеспечение качественного формирования, сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь как части информационного ресурса страны;

– содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусской диаспоры.

Данная государственная программа включает подпрограмму «Наследие», задачей которой является **сохранение историко-культурного наследия**. Утверждены следующие целевые показатели подпрограммы «Наследие»:

– количество нематериальных историко-культурных ценностей, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (не менее 86 проявлений творчества человека до 2020 г.);

– количество досье на объекты наследия Республики Беларусь, разработанных и представленных в Центр всемирного наследия ЮНЕСКО (не менее 5 досье к 2020 г.). Министерство культуры Республики Беларусь утвердило график подготовки досье *пяти объектов*, которые поэтапно до 2020 г. планируется подготовить и внести на рассмотрение международных экспертов Центра всемирного наследия. Как выяснилось в ходе исследования, это досье «Материальное воплощение духовного наследия Святой Ефросиньи Полоцкой на примере Спасо-Преображенской церкви в Полоцке»; досье «Августовский канал – произведение природы и человека» – трансграничный объект; досье «Борисоглебская церковь в Гродно как пример гродненской архитектурной школы» и «Культовые постройки оборонительного типа в Сынковичах, Мурованке, Камаях», «Культовое деревянное зодчество XVI–XIX веков на территории Беларуси, Украины и Польши».

Заметим, что целевой показатель по количеству досье на объекты наследия Республики Беларусь, подготовленных и представленных в Центр всемирного наследия, отражает уровень представленности историко-культурного наследия Республики Беларусь в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО. Значение показателя обусловлено выполнением Республикой Беларусь обязательств по имплементации Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия, принятой ЮНЕСКО в 1972 г.

Ожидается, что реализация мероприятий государственной программы повысит социальную и экономическую эффективность функционирования сфер культуры, сфер архивного дела, взаимодействия с белорусами зарубежья и позволит реализовать поддержку приоритетных направлений развития национальной культуры: охраны историко-культурного наследия; расширения доступа к культурным благам различным категориям населения; обеспечения сохранности и приспособления под современные функции историко-культурных ценностей; обеспечения внесения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО объектов наследия. Объем финансирования подпрограммы составляет (все цифры указаны на момент принятия государственной программы, т.е. до деноминации) 9 367 617 140,6 тыс. руб., в том числе: из республиканского бюджета – 1 999 236 193,7 тыс. руб.; из местных бюджетов – 6 427 534 379 тыс. руб.; за счет собственных средств организаций – 940 846 567,9 тыс. руб.

В целях реализации государственной политики в военно-мемориальной сфере постановлением Совета Министров Республики Беларусь 4 июня 2014 г. № 534 утверждена **государственная программа на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн** (действует в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 7 сентября 2016 г. № 706) [5].

В данной государственной программе определены основные направления работы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, в том числе: обеспечение сохранности воинских захоронений и захоронений жертв войн; установление и сохранение сведений о погибших и пропавших без вести в ходе войн; выполнение международных договоров и обязательств Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере.

Цель государственной программы – увековечение погибших при защите Отечества и сохранение памяти о жертвах войн. В рамках реализации данной программы планируется проведение таких важных мероприятий, как выявление и локализация неучтенных воинских захоронений, строительство мемориальных комплексов, установка памятника на воинском захоронении периода Первой мировой войны в д. Ратичи Гродненского района, проведение полевых поисковых работ и экспертных исследований.

Конкретный план *Мероприятий по реализации государственной программы на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн* уточнен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 сентября 2016 г. № 70 и включает реконструкцию, реставрацию, капитальный и текущий ремонты, благоустройство воинских захоронений, мемориальных комплексов, мест боевой и воинской славы; реконструкцию братской могилы периода Первой мировой войны в д. Залесье Сморгонского района и др.

Государственное управление в сфере историко-культурного наследия. Согласно ст. 10 Кодекса о культуре государственное управление в сфере культуры осуществляют: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, Министерство культуры Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы, другие государственные органы в соответствии с их компетенцией.

Президент Республики Беларусь определяет единую государственную политику и осуществляет государственное управление в сфере культуры. В соответствии со ст. 8 Закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 12 декабря 2013 г. № 93-З [6] Президент Республики Беларусь устанавливает порядок формирования, размещения, хранения и использования ценностей Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь. Данный фонд составляет часть казны Республики Беларусь и состоит из государственного резервного фонда, золотого запаса, фонда драгоценных камней, оперативного фонда, фонда переработки и *культурно-исторического фонда* (выделено автором. – *И. М.*). Согласно требованиям п. 7 Положения о Государственном фонде драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 19 апреля 2006 г. № 260 [7], *культурно-исторический фонд* формируется Министерством культуры и Министерством финансов из драгоценных камней, самородков драгоценных металлов, иных ценностей, изготовленных с применением драгоценных металлов и драгоценных камней, *имеющих историческую, художественную, научную или иную ценность*.

Полномочия Совета Министров Республики Беларусь в сфере историко-культурного наследия определены в ст. 12 Кодекса о культуре. Совет Министров Республики Беларусь обеспечивает проведение единой государственной политики и развитие международного сотрудничества в данной области. Кроме того, Совет Министров Республики Беларусь осуществляет полномочия в соответствии с Положением о Государственном фонде драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь. Так, решение об использовании ценностей культурно-исторического фонда принимается Правительством по согласованию с Президентом Республики Беларусь.

Полномочия Министерства культуры Республики Беларусь в сфере историко-культурного наследия. Республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в сфере культуры и координирующим в этой сфере деятельность других

республиканских органов государственного управления и местных исполнительных и распорядительных органов областного и базового территориального уровней, является Министерство культуры Республики Беларусь (далее – Минкультуры), конкретный круг задач и полномочий которого определен постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Вопросы Министерства культуры» от 17 января 2017 г. № 40 [8] (вступило в силу 3 февраля 2017 г.).

В структуру Минкультуры входят управления, отделы и секторы. В систему Минкультуры входят структурные подразделения облисполкомов, Минского горисполкома, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере культуры, и подчиненные Минкультуры государственные организации. Для обеспечения реализации государственной политики в сфере культурного наследия в составе Министерства культуры создано специальное подразделение – **управление по охране историко-культурного наследия**, которое несколько раз реорганизовывалось.

Так, после провозглашения независимости Беларуси специализированный орган охраны памятников находится в составе Министерства культуры. В 1988–1992 гг. это была Государственная инспекция по охране памятников, в 1992 г. образована Государственная инспекция по охране историко-культурного наследия («Дзінас»), которая существовала до 1998 г. и затем была преобразована в два комитета – Комитет по реставрации и консервации памятников и Комитет по охране историко-культурного наследия.

В июле 2001 г. вышеназванные подразделения Министерства культуры были объединены в Комитет по охране историко-культурного наследия, который действовал только до сентября этого же года. В связи с совершенствованием органов государственного управления Комитет преобразован (2001 г.) в Департамент с тем же названием, а затем – в Управление по охране историко-культурного наследия (апрель 2004 г.), которое функционирует и в настоящее время (т.е. по состоянию на 1 января 2017 г.).

Управление по охране историко-культурного наследия Министерства культуры действует в следующем составе: отдел научно-проектных работ и реставрационного производства; отдел искусствоведов-экспертов по вывозу культурных ценностей с территории Республики Беларусь; отдел по охране историко-культурного наследия [9].

Согласно п. 4. Положения о Министерстве культуры, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Вопросы Министерства культуры» от 17 января 2017 г. № 40, к числу основных **задач Минкультуры** относятся: проведение государственной политики и осуществление государственного управления в сфере культуры; определение общей стратегии развития сферы культуры; обеспечение сохранения, развития, распространения и популяризации белорусской национальной культуры и языка; обеспечение прав и свобод, защита законных интересов граждан в сфере культуры; содействие обеспечению общедоступности культурной деятельности и культурных благ, повышению их качества.

Минкультуры в соответствии с возложенными на него задачами выполняет такие важные **функции**, как содействие развитию научных и технических разработок и исследований, позволяющих Республике Беларусь устранять опасности, угрожающие ее культурному наследию (п. 5.11 Положения о Министерстве культуры); организация и содействие проведению мероприятий по охране историко-культурного и археологического наследия (п. 5.12 указанного положения).

Именно Минкультуры **принимает решения**:

– о присвоении материальной культурной ценности, которая имеет национальное, международное или всемирное значение, а также нематериальной культурной ценности статуса историко-культурной ценности и категории историко-культурной ценности, о лишении данного статуса таких историко-культурных ценностей;

– об изменении категории историко-культурной ценности.

Кроме того, Минкультуры формирует и ведет *Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь*; формирует и ведет *Банк сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь*, осуществляет допуск к пользованию ресурсами Банка сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь. Эти функции могут быть возложены на уполномоченное Минкультуры лицо.

Минкультуры **выдает** (п. 5.18 Положения о Министерстве культуры):

- разрешения на выполнение научно-исследовательских и проектных работ на материальных историко-культурных ценностях;
- заключения о соответствии принимаемой в эксплуатацию недвижимой материальной историко-культурной ценности научно-проектной документации на выполнение ремонтно-реставрационных работ;
- заключения в случае согласования места размещения земельного участка на территории недвижимых материальных историко-культурных ценностей и в зонах их охраны;
- свидетельства на руководство разработкой научно-проектной документации на выполнение ремонтно-реставрационных работ на материальных историко-культурных ценностях.

Минкультуры **согласовывает** (п. 5.19 Положения о Министерстве культуры):

- научно-проектную документацию на выполнение ремонтно-реставрационных работ на материальных историко-культурных ценностях;
- эскиз средства наружной рекламы, которое планируется разместить на недвижимых историко-культурных ценностях категории «0», «1», «2», без категории, на их территории и в зонах их охраны;
- градостроительные проекты, которые содержат сведения о памятниках археологии;
- проектную документацию на выполнение земляных, строительных, мелиоративных и других работ, осуществление иной деятельности на памятниках археологии;
- ввоз оружия, имеющего культурную ценность;
- проведение историко-культурных либо иных мероприятий организациями и объединениями, в которых осуществляется ношение копий (реплик) оружия и боеприпасов, а также оружия и боеприпасов, имеющих культурную ценность;
- организации, которые осуществляют хранение культурных ценностей, изъятых, арестованных, обращенных в доход государства, и их дальнейшее использование (реализацию, безвозмездную передачу).

Новым законодательством (п. 5.21 Положения о Министерстве культуры) определено, что именно Минкультуры вносит в международные организации предложения о включении историко-культурных ценностей в Список всемирного культурного и природного наследия, Список мирового наследия, которое находится под угрозой, или в другие списки в соответствии с международными договорами Республики Беларусь.

Минкультуры устанавливает факт причинения вреда историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей, производит расчет размера такого вреда, устанавливает обязанность по уплате компенсации за вред, причиненный историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей, ее размер и периодичность выплаты (п. 5.24. Положения о Министерстве культуры).

Согласно требованиям п. 5.25 указанного выше Положения, Министерство культуры осуществляет методическое, организационное содействие и контроль за своевременностью и полнотой осуществления отчислений за предпринимательскую деятельность, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны охраны недвижимой материальной историко-культурной ценности, и выплаты компенсаций за вред, причиненный историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей.

Минкультуры также осуществляет аттестацию специалистов для проведения историко-культурной или искусствоведческой экспертизы коллекционируемых, а также обращенных в доход государства оружия и боеприпасов, копий (реплик) оружия и боеприпасов.

Полномочия Министерства обороны Республики Беларусь в сфере военно-исторического наследия определены Указом Президента Республики Беларусь «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» от 24 марта 2016 г. № 109 [10]. Согласно требованиям данного нормативного правового акта Министерство обороны:

- организует и координирует работу по увековечению памяти о погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн;

- разрабатывает государственные программы по увековечению памяти о погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, выполняет функции заказчика – координатора указанных программ;

- проводит архивно-исследовательские работы по сбору информации о неучтенных воинских захоронениях, установлению данных о погибших, обнаруженных при проведении полевых поисковых работ;

- ведет государственный учет захоронений погибших в ходе войн, регистрацию захоронений иностранных военнослужащих на территории Республики Беларусь, а также государственный учет воинских захоронений, находящихся на территориях иностранных государств;

- организует деятельность специализированной поисковой воинской части, проведение полевых поисковых работ, а также работы по локализации захоронений иностранных военнослужащих. Так, Положение об отдельной специализированной поисковой воинской части утверждено приказом Министерства обороны Республики Беларусь от 4 апреля 2005 г. № 12. Общее руководство поисковой воинской частью осуществляет начальник *управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь*. Поисковая воинская часть состоит из: управления; специализированных поисковых рот (специализированных поисковых взводов, взвода обеспечения); рекогносцировочных поисковых групп. 1 марта 1995 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн» от 30 ноября 1994 г. № 231 был сформирован 52-й отдельный специализированный поисковый батальон, включавший 3 специализированные поисковые роты с местами дислокации в г. Минске, Витебске и Гродно. В связи с мероприятиями по реформированию Вооруженных Сил, а также в целях совершенствования системы управления поисковым батальоном в 2002 г. произошли организационно-штатные преобразования, в результате которых в составе 52-го отдельного специализированного поискового батальона остались 2 специализированные поисковые роты с пунктом постоянной дислокации в г. Минске;

- ведет автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь».

Полномочия местных исполнительных и распорядительных органов, иных государственных органов в сфере историко-культурного наследия. В соответствии со ст. 14 Кодекса о культуре местные исполнительные и распорядительные органы в сфере культуры: принимают участие в проведении государственной политики; осуществляют управление в сфере культуры на территории соответствующей административно-территориальной единицы; разрабатывают и реализуют государственные и другие программы, направленные на сохранение, развитие, распространение и популяризацию культуры (историко-культурного наследия); организуют и содействуют проведению мероприятий по охране историко-культурного и археологического наследия.

В целях научно-методического обеспечения учета, хранения, восстановления, содержания и использования историко-культурных ценностей при Министерстве культуры создаются **Белорусский республиканский научно-методический совет по вопросам историко-культурного наследия и советы по вопросам историко-культурного наследия** (традиционно в профессиональном обороте используется термин *Рада* как сокращенное наименование данного совета. – *И. М.*)

Основными задачами Совета в соответствии с требованиями ст. 84 Кодекса о культуре являются: научно-методическое обеспечение охраны историко-культурного наследия; выработка предложений по вопросам охраны историко-культурного наследия.

Компетенция Белорусского республиканского научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия. В целях решения данных задач Совет принимает решения о:

- необходимости (отсутствии необходимости) придания культурной ценности, которая может иметь мировую, международную или национальную значимость, статуса историко-культурной ценности;

- значимости культурной ценности для отдельного региона, на территории которого она находится, и рекомендации соответствующему местному исполнительному и распорядительному органу областного территориального уровня придать ей статус историко-культурной ценности;

- необходимости отнесения историко-культурной ценности к категории «0», «1» или «2» или необходимости изменения категории историко-культурных ценностей категорий «0», «1», «2», «3»;

– невозможности научно обоснованного восстановления недвижимой материальной историко-культурной ценности;

– возможности (невозможности) согласования научно-проектной документации на выполнение ремонтно-реставрационных работ на материальных историко-культурных ценностях, которые могут привести к значительному изменению этих историко-культурных ценностей, их уничтожению, утрате или исчезновению.

Совет выдает заключения о полном изучении памятников археологии; невозможности сохранения недвижимой материальной историко-культурной ценности на месте ее пребывания; факте отступления от требований законодательства при осуществлении руководства разработкой научно-проектной документации на выполнение ремонтно-реставрационных работ на материальных историко-культурных ценностях; признании изменения материальных историко-культурных ценностей научно обоснованными или научно необоснованными.

Совет осуществляет научно-методическое обеспечение охраны историко-культурного наследия.

В целях содействия охране историко-культурного наследия при местных исполнительных и распорядительных органах базового территориального уровня создаются областные (Минский городской) **советы по вопросам историко-культурного наследия**.

В соответствии со своей компетенцией, определенной в п. 6 ст. 84 Кодекса о культуре, областные (Минский городской) советы по вопросам историко-культурного наследия принимают решения о том, что:

– материальная культурная ценность имеет значимость для отдельного региона, на территории которого она находится, и ей необходимо придать статус историко-культурной ценности;

– материальная культурная ценность может иметь мировую, национальную или международную значимость и необходимо направить предложение в Министерство культуры о придании ей статуса историко-культурной ценности;

– отсутствует необходимость придания материальной культурной ценности статуса историко-культурной ценности;

– необходимо отнести историко-культурную ценность к категории «3».

Данные советы также вырабатывают предложения по организации и проведению мероприятий по охране историко-культурного наследия.

Кодекс о культуре регулирует вопросы взаимодействия государственных органов с органами территориального общественного самоуправления, общественными объединениями и иными юридическими лицами, гражданами (ст. 15 Кодекса о культуре). Так, в целях объективной оценки проблем в сфере культуры и разработки мер по их решению при государственных органах могут создаваться на общественных началах **общественные советы (комиссии) и другие консультативные органы (экспертные формирования) по вопросам культуры**. Состав таких общественных советов (комиссий) утверждается государственным органом, при котором они создаются, их решения носят рекомендательный характер.

Данные общественные комиссии и другие консультативные органы должны стать партнером государства, способствовать реализации государственных и иных программ, направленных на проведение мероприятий по охране историко-культурного и археологического наследия, содействовать развитию международного сотрудничества в данной сфере.

Заключение. К основным инструментам реализации государственной политики в сфере историко-культурного наследия относятся: во-первых, правовое регулирование охраны, сохранения и использования историко-культурных ценностей; во-вторых, государственный учет, формирование и ведение Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь; в-третьих, мониторинг состояния историко-культурных ценностей; в-четвертых, разработка и внедрение эффективных форм обеспечения сохранности историко-культурных ценностей и способов включения их в социально-экономическое развитие общества; в-пятых, определение источников финансирования мероприятий по обеспечению сохранности историко-культурных ценностей; в-шестых, обеспечение взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, общественными объединениями и религиозными организациями, юридическими и физическими лицами в данной сфере. Выбор конкретных инструментов зависит

от таких важнейших **факторов**, как: ответственность государства за сохранность историко-культурных ценностей; степень юридической защищенности историко-культурных ценностей; доступность информации об историко-культурных ценностях. Применение указанных инструментов может быть эффективным в рамках обеспечения государственного регулирования и общественного контроля за сохранностью историко-культурных ценностей.

Анализ нормативных правовых актов о культуре и практика их применения позволяют выдвинуть предложение о создании **Государственной инспекции Республики Беларусь по охране историко-культурного наследия**.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Acknowledgements

This article is prepared with the support from the Belarusian National Foundation for Fundamental Research.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-3 : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016 г., 2/2412.
2. Аб Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 21 лют. 1995 г., № 3602-XII // Ведамасці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1995. – № 17. – Арт. 179.
3. Об утверждении Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016 – 2020 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 мар. 2016 г., № 180 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – № 5/41814.
4. Об утверждении Государственной программы на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 июня 2014 г., № 534 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 10.06.2014 г., 5/38957.
5. О внесении изменений и дополнений в Государственную программу на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 сент. 2016 г., № 706 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 10.09.2016 г., 5/42580.
6. О драгоценных металлах и драгоценных камнях : Закон Респ. Беларусь, 21 июня 2002 г., № 110-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. – 2/2091.
7. Об утверждении Положения о государственном фонде драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 апр. 2006 г., № 260 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 69. – 1/7502.
8. Вопросы Министерства культуры [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 янв. 2017 г., № 40 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.01.2017 г., 5/43246.
9. Официальный сайт Министерства культуры Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.kultura.by/by/urpaulenne-ра-аhove/>. – Дата доступа : 02.02.2017.
10. Об увековечении памяти о погибших при защите отечества и сохранении памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 мар. 2016 г., № 109 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 26.03.2016 г., 1/16340.

References

1. “Code of the Republic of Belarus on Culture, July 20, 2016 № 413-W, Adopted by the House of Representatives June 24, 2016, approved by the Council of 30 June 2016”, 2016, Available at: http://etalonline.by/?type=text®num=Hk1600413#-load_text_none_1_, (accessed 02.08.2016 г.).
2. “On the President of the Republic of Belarus: Law Rep. Belarus, February 21 1995 № 3602-XII”, *Vedamastsi Viarkhoŭnaga Saveta Respubliki Belarus* [Vedomosti of of Belarus of the Supreme Council], 1995, no. 17, art. 179.
3. “On the approval of the State Program “Culture of Belarus” for 2016–2020 : Resolution of the Council of Ministers of the Republic of. Belarus, 4 March. 2016, No. 180”, *Natsional’nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2016, no. 5/41814.
4. “On the approval of the State Program for 2015–2020 on the perpetuation of the dead in the defense of the Fatherland and the preservation of memory of the victims of wars: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, June 4, 2014, No. 534”, Available at: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21400534>, (accessed 10.06.2014).
5. “On the introduction of changes and additions to the State Program for 2015–2020 on perpetuating the victims in the defense of the Fatherland and preserving the memory of the victims of wars: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, 7 Sept. 2016, No. 706”, Available at: <http://www.lawbelarus.com/000247>, (accessed 10.09.2016).
6. “On Precious Metals and Precious Stones: The Law of the Republic of Belarus, 21 June. 2002, No. 110-3”, *Natsional’nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2013, no. 2/2091.
7. “On the Approval of the Regulations on the State Fund of Precious Metals and Precious Stones of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus. Belarus, 19 April. 2006, No. 260”, *Natsional’nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2006, no. 69, art. 1/7502.

8. “Questions of the Ministry of Culture: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Cyprus. Belarus, 17 January. 2017, No. 40”, Available at: <http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/january/22686/>, (accessed 24.01.2017).

9. “Official website of the Ministry of Culture of the Republic of Belarus”, Available at: <http://www.kultura.by/by/upraulenne-pa-ahove/>, (accessed 02.02.2017).

10. “On the perpetuation of the memory of the deceased in the defense of the fatherland and the preservation of memory of the victims of wars: Decree of the President of the Republic of Belarus, 24 March. 2016, No. 109”, Available at: <http://права.бел/novosti/novosti-pravo-by/2016/march/10430/>, (accessed 26.03.2016).

Информация об авторе

Мартыненко Игорь Эдуардович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: martinenko@tut.by

Information about the author

Igor E. Martynenko – D. Sc. (Law), Professor, Head of the Civil Law and Process Chair, Grodno State Yanka Kupala University (22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus). E-mail: martinenko@tut.by

ISSN 1024-5928 (print)

ЭКАНОМІКА

ECONOMICS

УДК 338(476)

Поступила в редакцию 02.05.2017

Received 02.05.2017

П. Г. Никитенко

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НООСФЕРНОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

2017 году – Году науки в Беларуси посвящается

Аннотация. Рассматривается политико-экономическая ноосферная стратегическая модель суверенной, созидательной, разумной и духовно-нравственной жизнедеятельности белорусского, российского, украинского, казахского, китайского и других народов в контексте мировой цивилизации.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферная политэкономия и экономика, ноосферная модель, интеграция, человек, технологии, цивилизация, закон времени ускорения научно-технологического развития, смена логики социально-экономического поведения, кризисы, гибридные войны

Для цитирования: Никитенко, П. Г. Стратегическая модель ноосферного цивилизационного развития / П. Г. Никитенко // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 4. – С. 111–122.

P. G. Nikitenko

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

A STRATEGIC MODEL OF NOOSPHERIC CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Abstract. The article explores a politico-economic noospheric strategic model for sovereign, creative, rational, spiritual and moral life of the Belarusian, Russian, Ukrainian, Kazakh, Chinese and other peoples in the context of the world civilization.

Keywords: noosphere, noospheric political economy and economics, noospheric model, integration, man, technology, civilization, law of time of scientific and technological development acceleration, socio-economic behaviour logic change, crises, hybrid wars

For citation: Nikitenko P. G. A Strategic Model of Noospheric Civilizational Development. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2017, no 4, pp. 111–122 (in Russian).

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан».

В своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию 22 апреля 2014 г. Президент подчеркнул: «Наш курс выработан всем обществом – молодыми и старшими поколениями, рабочими и крестьянами, предпринимателями и интеллигенцией, сторонниками власти и ее критиками. Всеми, кто неравнодушен к Отечеству и кто любит Беларусь. И если мы и дальше сохраним главную ценность – наше единство, то Беларусь (прежде всего на основе многовекторной политики вместе с Казахстаном, Китаем, Россией, Украиной, Европой, США, Африкой и др. – *П. Н.*) сбережет независимость и продолжит свой уверенный путь в будущее».

Всё, что делается в мире, – рукотворно! Законы природы и общества объективны, но их исполнение субъективно. Случайностей в мире нет. Случайность есть проявление закономерности и динамики развития разума людей – субстанции любой экономики, всей жизнедеятельности человека. На эту закономерность жизнедеятельности людей обращали внимание известные исторические личности. В частности, лидер революционеров XIX века В. И. Ленин утверждал, что власти в СССР достаточно, но не хватает ума тому слою коммунистов, которые управляют. В конечном итоге игнорирование этой закономерности привело ко всем трагическим событиям XX века, в том числе и распаду СССР. Однако соответствующих должных выводов человечество пока не сделало.

Отсюда наряду с прокризисными догмами современной эпохи человеческой цивилизации нас гнетёт целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы, уклады и модели производства и сопутствующие им устарелые мировоззренческие взгляды, идеологии, производительные силы, технологии, общественные и политэкономические отношения.

По мнению П. А. Столыпина, «народ, не имеющий национального самосознания (т.е. разума. – П. Н.), есть навоз, на котором произрастают другие народы».

Мы живём и трудимся в системе действия планетарной капитало- и докапиталоцентрической парадигмы общественности и социально-экономического развития. Капитал, особенно фиктивная его форма (Д–Д'), и Закон капиталистического накопления, обоснованные К. Марксом, стали глобально господствовать на планете, в каждом государстве, регионе, предприятии, домашнем хозяйстве.

Мировое сообщество подошло к необходимости смены данной мировоззренческой и идеологической капиталоцентрической парадигмы. Тело, подчёркивал К. Маркс, легче изучать, чем клеточку тела. Клеточкой-субстанцией новой парадигмы общественности и социально-экономического развития может выступать ноосферный (созидательный, разумный, духовно-нравственный) уклад экономики и ноосферная модель общественного цивилизационного развития человечества.

В последние годы ноосферологи, философы, политэкономы, экологи, социологи, политологи, богословы, культурологи, биологи, физики, химики и другие ученые все чаще пытаются связывать истоки современной экономической, социальной, экологической ситуации на планете с **действием закона времени ускорения смены технологий и адекватной ему смены логики социально-экономического поведения**, с несоблюдением содержания и принципов нового уклада – ноосферной экономики (постиндустриальной, инновационной экономики, экономики счастья, зеленой экономики и др.) и ноосферной политической экономии.

Излагаемая модель в целом соответствует основным законам стран – Конституциям Республики Беларусь, России, Казахстана и других государств, марксовской методологии общественного воспроизводства капитала, методологии цивилизационного развития А. К. Шторха, Кейнса о сильной и эффективной роли государства в общественном воспроизводстве и, главным образом, учению В. И. Вернадского о ноосфере – сфере разума, а также научным разработкам А. Л. Чижевского о влиянии солнца на жизнедеятельность людей, Н. Тесла об энергии и др. В ноосферной модели воспроизводства национального богатства и социально-экономического цивилизационного развития общества к производительному труду, а это принципиально важно осознать и понять всем, особенно руководящим кадрам, относится не только труд в сфере материального (вещного) производства, но и труд людей, занятых в социальной сфере: науке, образовании, здравоохранении, культуре, искусстве, спорте, религии и других видах деятельности.

Еще К. П. Прутков точно и верно, на наш взгляд, отмечал: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи **не входят в круг наших понятий**».

«Мы переживаем не кризис, волнуемый слабые души, а величайший перелом мысли (разума. – П. Н.) человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия...» – писал в XX веке выдающийся академик В. И. Вернадский, для которого характерна постановка проблем научного стратегического предвидения. И теперь такое переходное время наступило (время разработки новых научных понятий. – П. Н.).

Главной особенностью формирования ноосферной экономики, всей ноосферной жизнедеятельности людей на планете является возрастание роли Китая. Эту особенность мы (П. Н.) называем тенденцией китаезации мировой цивилизации XXI века. Эта тенденция будет определять экспортно-импортную способность любой страны мира, включая, естественно, и Республику Беларусь.

Для создания прочных, эффективных интеграционных отношений Беларуси, России, Украины, Казахстана, Китая, других стран и континентов важно обратиться к опыту Косыгинской реформы в СССР (1965 г.), к сожалению, не законченной, бессознательно проваленной ближайшей командой

управленцев Брежневского периода, которой не доставало именно разума и за которой стоял международный капитал и так называемая «наука хрематистика».

Что это такое?

Хрематистика (от др.-греч. *χρηματιστική* – обогащение) – термин, которым Аристотель обозначал науку об обогащении, искусство накапливать деньги и имущество, накопление богатства как самоцель, как сверхзадача, как поклонение прибыли. Этой «науке» посвящён «Капитал» К. Маркса.

В Косыгинской реформе содержалось много интересного, разумного, духовно-нравственного для развития региональных экономик Беларуси, России, Украины, Казахстана и других республик СССР.

Главными её принципами являлись учёт и контроль всего национального богатства, включая природные ресурсы каждой республики, каждого суверенного государства. Все граждане в ноосферной экономике также должны иметь в своей собственности доли стоимости национального богатства, включая природные, накопленные трудовые, финансовые, интеллектуальные ресурсы и т. д.

Каждый человек вправе от рождения до ухода в мир иной иметь в своей собственности и на индивидуальном банковском счёте стоимость доли рукотворного и природного богатства, иметь закон об интеллектуальной собственности, национальный фонд экономической защиты каждого гражданина не менее 1 % от ВВП. Единая налоговая система должна быть также единой для граждан ЕАЭС. Налоги все трудоспособные граждане обязаны платить одинаково, но не более 1/3 дохода (вновь созданной стоимости ВВП) от трудоспособного возраста, независимо от места и сферы трудовой занятости. По примеру Европейского союза и СССР таможенные границы и преграды, системы тарифного и нетарифного регулирования имеют право на упразднение. Эти транзакционные издержки в сфере обращения товаров, работ и услуг должны быть сведены до минимума. Сейчас они составляют до 70% их цены. Денежно-кредитная система может строиться на долговом ссудном проценте в пределах $-0,5 < 0 > +0,5\%$.

Цифровая экономика и интернет-технологии в формировании модели ноосферного развития становятся объединяющим базовым технологическим ресурсом мировой экономики и всей жизнедеятельности людей на планете (внедрение новых паспортов с чипами, искусственный интеллект и т. д.).

Решение данных вопросов явится началом формирования новой, разумной и духовно-нравственной (ноосферной) парадигмы социально-экономического устойчивого и инновационного развития и региональной интеграции Беларуси, России, Украины, Казахстана, Китая и других стран. Главным политико-экономическим принципом, в первую очередь для союза Беларуси и России, имеет право стать следующий: жить своим разумом, созидательно, суверенно, с опорой на собственные силы и без долгов перед настоящими и будущими поколениями своих граждан. При этом необходимо учитывать мировые демографические процессы.

Динамика населения людьми планеты Земля*
Rate of human settlement of Earth

8000 г. до н. э.	–5 млн чел.
500 г. до н.э.	–100 млн чел. (через 7500 лет)
600–700 гг.	–200 млн чел. (через 1150 лет)
1250 г.	–400 млн чел. (через 600 лет !)
1805 г.	–1 млрд чел. (через 555 лет !)
1927 г.	–2 млрд чел. (через 122 года !)
1959 г.	–3 млрд чел. (через 32 года !)
1974 г.	–4 млрд чел. (через 15 лет !)
1987 г. 11 июля	–5 млрд чел. (через 13 лет !)
1999 г. 12 октября	–6 млрд чел. (через 12 лет !)
2011 г. 31 октября	–7 млрд чел. (через 12 лет!)
2015 г. 1 января	–7,4 млрд чел. (через 3,2 года !!!)

Прогноз: прибавка очередного миллиарда людей на планете Земля – **через каждые 11–12 лет**, и период будет уменьшаться до 10, 9, 8 лет.

Примечание. *Разработка автора.

Потенциальная скорость биологического воспроизводства себе подобных у человека **более чем в девять раз выше**, чем у животных (у человека воспроизводство занимает около 3/4, а у животных – 1/12 биологически активного времени жизни).

Следует иметь в виду как закономерность, что рост численности людей без соответствующего накопления и развития их индивидуальной сферы разума (ноосферы) не способствует росту производительной силы труда, динамике роста ВВП, национального рукотворного богатства, инновационному социально-экономическому развитию стран и регионов мира, в том числе и сокращению рабочего времени.

Практическая деятельность людей на всех уровнях и сферах в соответствии с действием закона времени ускорения научно-технологического развития предполагает системное использование семи политэкономических институциональных жизнедеятельностных управленческих подсистем (**приоритетов**): **1)** мировоззренческой; **2)** историко-биолого-генетической; **3)** информационно-идеологической; **4)** кредитно-финансовой; **5)** алкогольно-наркотической; **6)** культурно-нравственной (музыкально-цветовой); **7)** силовой (военной, административной, властной).

В настоящее время идут мировые гибридные войны по всем названным приоритетам. Победа в этих войнах будет за разумом. В контексте данной закономерности актуальна мысль У. Черчилля о том, что империями будущего будут империи разума (искусственного интеллекта. – *П. Н.*).

Сфера разума – **ноосфера** (греч. νόος – разум и σφαῖρα – шар) остается пока за пределами осознанного включения в нанотехнологические производительные силы и производственные отношения, а потому не рассматривается в качестве главного политико-экономического субстанционального фактора. Это не позволяет надлежащим образом учитывать роль и влияние синергетического нанофенторазума и его кластерного носителя – Человека – в процессе общественного воспроизводства, хотя стремительный рост наукоемкости ВВП, развития новых высоких нанофентотехнологических укладов по закону времени является сутью ноосферной экономики.

Сам человек, по В. И. Вернадскому, является геологической производительной силой, по своим природным и духовно-нравственным качествам способен к самосовершенствованию и переходу в другие энергомагнетические формы и виды существования. Он единственный на планете Земля, кто не только потребляет всё жизненно необходимое в хозяйстве, но и производит своим трудом – разумной целесообразной деятельностью. Именно только человек как кластерное понятие является главной синергетической производительной силой и носителем производственных отношений.

Человек как понятие рассматривается нами (*П. Н.*) как разумный космосо-природный, духовно-нравственный, энергомагнетический, нанотехнологический, созидательный, не живущий за чужой счёт биокластер, состоящий из воды, атомов, бактерий, микробов, вирусов, нейросетей, способный к разумной жизнедеятельности, самосовершенствованию, самовоспроизведению и переходу, трансферу (реинкорнации) в другие энергомагнетические формы и виды существования. Разум, дух, слово, язык, сознание, знание, страх, власть, насилие, зависть, инстинкт самосохранения, интуиция, любовь, вера, надежда и другие понятия отражают названия соответствующей энергомагнетической материальности атомов, молекул, бактерий, вирусов и других наноэлементов (10^{-9} м) и фемтоэлементов (10^{-15} м).

При этом само понятие «экономика» нами (*П. Н.*) трактуется в изначальном древнегреческом словосочетании: «οἶκος – ойкос» – хозяйство (дом, жилище) и «νόμος – номос» – правило, закон.

Ноосферная экономика в целом и ее составные структурные составляющие нацелены на благо и совершенствование человека и природосбережение. Она действует во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими естественными космосо-природными и общественными законами: сохранения материи, энергии и магнетизма, отрицания отрицания, единства и взаимопроникновения противоположностей, перехода количества в качество, соответствия спроса и предложения, возвышения потребности людей и т. д.

Ноосферная экономика нами (*П. Н.*) трактуется как разумный, духовно-нравственный способ общественного воспроизводства человека, товаров, работ и услуг на основе совершенствования

системы корпоративных стоимостных (экономических) производственных отношений и преимущественно постиндустриальных производительных сил с соответствующими показателями эффективности: креативным развитием личности, ее здоровьем, долголетием, максимальной занятостью трудоспособного населения, сохранением природы для будущих поколений, качественным воспроизводством ВВП (дохода) и его справедливым распределением между членами общества в зависимости от эффективности их труда.

Развивая учение А. Шторха о цивилизации, белорусская наука (П. Н.) отмечает, что главные невещественные блага также могут быть накапливаемы и обращаемы, как и вещественные блага. Отсюда следует, что труд создающих невещественные блага (например, труд учителей, ученых, врачей, чиновников, политических, религиозных деятелей и т. д.) следует считать в такой же степени производительным, как и труд земледельца и фабричного рабочего. Согласно учению К. Маркса, производительным трудом является только труд, который служит делу капитала при наименьших его затратах для получения прибыли.

Баланс и взаимоотношение сфер общественного воспроизводства в ноосферной экономике целесообразно, по нашему обоснованию (П. Н.), осуществлять в единстве не по двум (I, II) подразделениям воспроизводства капитала, как ныне общепринято по схеме К. Маркса, а по трем подразделениям воспроизводства фондов (П. Н.), включая человека и природу:

$$\begin{aligned} \text{I} \quad C_1 + V_1 + M_1 &= \Pi_1, \\ \text{I} \quad C_2 + V_2 + M_2 &= \Pi_2, \\ \text{III} \quad C_3 + V_3 + M_3 &= \Pi_3, \\ \hline \sum C + V + M &= \Pi, \end{aligned}$$

где **I** – воспроизводство средств производства, включая природные ресурсы; **II** – воспроизводство предметов потребления, включая дары природы; **III** – воспроизводство человека как биосоциального продукта (разум, знание, наука, образование, культура, услуги); *C*, *V*, *M*, *\Pi* – воспроизводство соответственно постоянных фондов, переменных фондов, прибавочного продукта и валового национального продукта (национального богатства). Данная модель в полной мере отражает разработки А. К. Шторха о цивилизационном развитии и С. Кузнецова о национальных счетах. В развернутом виде данная модель изложена в [1–2; 14–15; 17 и др.].

Сейчас, как известно, затраты на человека в бухгалтерском учёте неправомерно включают в издержки, себестоимость, расходы. Чем меньше затрат на человека, чем меньше зарплата, чем больше прибыль, тем более эффективным считается управление экономикой. **Экономический парадокс.** Стимулируется паразитизм, бюрократизм, обман, воровство (рейдерство), коррупция и эксплуатация созидательного человека, результатов его производительного труда. В обществе растёт число занятых в непроизводительной сфере (силовые, таможенные, контрольные структуры и др.).

Оптимальная эффективность ноосферной структуры ВВП может определяться по формуле золотого сечения следующим образом: 1/3 ВВП – сфера вещественного производства (товара); 2/3 ВВП – социальная сфера (услуги).

В ноосферной экономике и общественном воспроизводстве главным в производительной деятельности выступает третье подразделение, которое создает производительные силы и совершенствует производственные отношения, стимулирует созидательную деятельность человека (домашнее хозяйство, услуги), ведет к сокращению рабочего времени, формирует знания по природосохранению, воспитанию и воспроизводству человека.

С разделением и кооперацией труда для жизнеобеспечения человека в каждом государстве появляется необходимость использования взаимнообмена товаров и услуг, денег (валют) как средства информационного платежа и накопления фондов (резерва) и долга.

Еще И. В. Сталин отмечал: «Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс (всей накопленной сферой разума народа, национального богатства (П. Н.) в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из

экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, **что они окончательно запутались с теорией золотого запаса** (сегодня нефtedоллара. – П. Н.), **как единственного обеспечения устойчивости валюты?»**.

«**Золото** (нефtedоллар. – П. Н.) – для **идолопоклонников**, а не для нас, – писал Н. Ротшильд. – Пока есть идолопоклонники, а они **важнее золота** (нефtedоллара. – П. Н.), нашему делу ничто не угрожает».

Ноосферная экономика предполагает экономическую (стоимостную) и энергетическую оценку и учет всего природного и рукотворно накопленного национального богатства (фондов), введение его в ликвидность национальной банковской системы. Из результатов эмиссионного балансового расчета денежной массы и расчета денежной суммы долга следует, что вновь созданная рыночная стоимость валового национального продукта (дохода) осуществляется на основе правила золотого сечения по формуле

$$\text{ВВП (Д)} = 1/3 (\text{налоги}) + 2/3 (\text{заработная плата, прибыль, амортизация фондов}).$$

Эмиссионный балансовый расчет денежной массы может осуществляться по формуле:

$$\text{МД} = (\text{ВВП} + \text{Д} + \text{Нф}) \cdot \text{П} / \text{W} \cdot \text{Ц},$$

где МД – денежная масса; ВВП – воспроизводство валового национального продукта (товаров, работ и услуг); Д – сумма долга; Нф – денежная сумма накопленных фондов (резерв); П – временной период; W – скорость обращения денег; Ц – уровень цен отечественных и импортных товаров, работ и услуг.

Денежная сумма неиспользованных накопленных фондов (резервов, сокровищ) в мире составляет около 200 трлн долл. США.

В свое время Д. И. Менделеев, выдающийся русский учёный, химик, мыслитель, отмечал: «...Наука начинается там, где начинают измерять проявление сущности явления, когда основные положения единства количества и качества получают математическую формулировку...».

В основе создания любого ВВП, дохода, вновь созданной собственности лежит энергия, а до середины XX века господствовал мускульный вид энергии, требующий воспроизводство в основном за счёт подуктов питания, цены на которые, в основном как базовые, негласно и определяли все остальные цены на товары и услуги. С развитием научно-технического прогресса и глобализации рынка, основанных на использовании других видов энергии (солнца, ветра, воды, газа нефти и др.), деньги как средство международной информации и платежа разделённого и специализированного видов труда целесообразно **метрологически фиксировать** в международной Палате мер и весов, посредством базовых **энергоденег (кВт·час)** на единицу затрат производства и реализацию товаров, работ и услуг).

Соотношения курсов национальных валют в мировом торгово-экономическом, рыночном пространстве можно осуществлять на единой измерительной сущностной основе – 1/1. Банковский институт наделяется государственными функциями, правами разделять доход и риск его получения с заказчиком.

Не детализируя вопрос о функции денег, отметим, что фактически **проценты на кредитный долг** – это «раковое» заболевание (**экспонента**) финансово-экономической системы, **истинный генератор мировой инфляции**. Каждый цикл развития экономики просто не может не заканчиваться финансовой или военной катастрофой. Продолжительность этих циклов, перераспределения богатства, подъема и инфляционного роста экономики определяется величиной ссудного процента. Практически независимо от того, открытой или закрытой является экономика, время, необходимое для первого, самого длинного периода ростовщического удвоения суммы обращающихся денег при взимании 3 % годовых, составляет 24 года, при 6 % – 12 лет, при 12 % – 6 лет. С этими интервалами и связаны периоды инфляционно-девальвационного существования человечества и периодичность неизбежных финансовых кризисов в каждой стране и мировой экономике.

Сравнение учётных ставок нацбанков – регуляторов и схем финансирования национальных производителей***Comparison of discount rates of national regulator banks and financing schemes for national manufacturers**

Страна	Учетная ставка (ставка рефинансирования)	Схемы финансирования производителей
Япония	0,00% с октября 2010 г.	в основном по инвестиционным схемам
США	от 0 до 0,25% с декабря 2008 г.	в основном по инвестиционным схемам
Еврозона	от 0,25 до 0,15% с ноября 2013 г.	в основном по инвестиционным схемам
Великобритания	0,5% с марта 2009 г.	в основном по инвестиционным схемам
Россия	11% с 01.01.2016 г.	в основном по инвестиционным схемам
Казахстан	5,5% с августа 2012 г.	в основном по инвестиционным схемам
Китай	5,35% с марта 2015 г.	в основном по инвестиционным схемам
Республика Беларусь	24% с марта 2016 г. и 12% с 1 июля 2017 г.	в основном лишь по кредитным схемам

Примечание. *Разработка автора.

Взаимодействие разума, закона времени и социально-экономического поведения.

При реализации предложенной модели ноосферной экономики и общественного воспроизводства следует учитывать возрастающее действие космического разума и закона времени ускорения смены технологий, определяющего объективную смену логики социально-экономического поведения людей на планете Земля, целью которого является ее сохранение, а также сохранение самого человека, непрерывное повышение качества производимых товаров, услуг и социальная справедливость по их потреблению и распределению.

Периоды накопления противоречий и резонанса (совпадения частот – две мировые войны через 25 лет, революции в России, Германии, Мексике, Китае, Индии, сирийский и украинский конфликты и др.) биологического и социального времени жизнедеятельности человека:

1) биологическая частота (тренды смены поколений – 25 лет +–5 лет);

2) социальная частота (тренды смены технологий – 5 лет +–2года);

3) тренды смены концептуальной власти мировоззрения, логики социально-экономического поведения, закона капиталистического накопления и капитала. Развитие закона социалистического ноосферного накопления.

Долг как денежная форма оценки уровня зависимости, суверенитета людей, регионов и домашних хозяйств, состояния рабства у капитала, обмана, воровства (рейдерства, плагиатства) и паразитизма людей.

Денежная сумма долга рассчитывается по формуле:

$$S_k = S_n (1+\%)^n,$$

где S_k – конечная сумма долгового займа, увеличивающаяся по экспоненте; S_n – начальная сумма долгового займа; $(1+\%)$ – сложный ссудный процент долгового займа (экспонента); n (степень) – срок (период) долгового займа.

Известно, что долговое ростовщичество в Древней Греции каралось смертной казнью.

Обратим внимание на то, что для реализации библейской долговой концепции управления необходимо обладать искусством создавать долги, постоянно учиться этому и «внедрять» это в мировоззрение людей.

Следует добавить, что до сих пор не устаревают мысли, высказанные известными политиками и банкирами.

Например, второй президент США Дж. Адамс подчеркивал: «Есть два пути завоевания и порабощения нации: первый – мечом, второй – долгом».

Не менее оригинально высказывался основатель легендарной династии банкиров М. Ротшильд: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы».

А вот мнение председателя и управляющего Совета директоров, председателя Федеральной резервной системы США М. Эклза (1941 г.): «...Такова наша денежная система, **если бы не было долгов в этой системе, то не было бы и денег**».

Директор Банка Англии (1928–1941 гг.) Дж. Стемп так высказался по этому поводу: «Если вы хотите продолжать оставаться рабами банков, продолжайте оплачивать свое собственное рабство, позвольте им и дальше создавать деньги и контролировать долги государства... Заберите у них эту великую власть, и все великие состояния, как и мое, исчезнут, а они должны исчезнуть, чтобы этот мир стал лучше и счастливее».

Экономист Дж. Кеннет Гейлбрайт отмечал: «Процесс создания банком денег настолько прост, что ум отказывается в это поверить...».

«Хорошо, что люди нашей страны не понимают нашу банковскую систему и валютную систему. Если бы они в них разбирались, уже завтра утром началась бы революция», – подчеркивал Г. Форд.

В фильме «Бесценный доллар-1» показано искусственное ограничение национальной денежной эмиссии для любого государства, принятого в МВФ. Ни одно государство, вступившее в МВФ, не может иметь в банковской системе больше национальной валюты, чем у него имеется в наличии долларов США (в пересчете по курсу). При решении кредитно-финансовых вопросов, по сути, все банки государств выступают филиалами с единой финансовой политикой МВФ.

При этом МВФ выставляет ряд обязательных условий: непривлекательность внутреннего фонда накопления сбережений в национальных деньгах по сравнению с долларами США и другими валютами – долговой процент, обменный курс и др., ограничение эмиссии национальных денег, контроль роста заработной платы и пенсий – «затягивание поясов» и т. д.

Что касается фондов, представляющих основу ноосферной экономики, то они, на наш взгляд, по своему вещественному составу отличаются от капитала количественно. Это отличие состоит не в том, чтобы изъять из его состава рабочую силу, что имеет место в настоящее время, а в том, чтобы эта категория, наоборот, включала наряду с вещественными факторами не только рабочую силу, но и самого работника как ее трудового ресурсного носителя. В составе фондов, исходя из рассмотренной нами сущности ноосферной экономики, целесообразно учитывать не только трудовые ресурсы и средства производства, но и природные ресурсы, все рукотворное национальное богатство, включая разум. На основе соотношения дохода, ВВП (вновь созданной собственности) и фондов, индекса человеческого развития оценивается экономическая эффективность труда и накопленной сферы разума (интеллекта).

На основе такой трактовки возможно креативное использование опыта разработки и функционирования 1965–1980 гг. фондоэффективного механизма хозяйствования в СССР (Косыгинская экономическая реформа 1965 г.).

Отказ в 1980 г. от Косыгинской реформы стоимостного, бухгалтерского **учёта и контроля недр**, ресурсов и системы хозяйствования дал дорогу опасному рейдерству, паразитизму, воровству в богатейшей кладовой планеты Земля.

Господствующая в мире идеология «холодной (интеллектуальной, информационной. – П. Н.) войны», отраженная А. У. Даллесом в доктрине США (1944–1945 гг.), обосновывает непрерывное вмешательство во внутренние дела других стран и **является безнравственной «раковой опухолью»** ноосферного мировоззрения людей, **не позволяющая им стать Человеком**. К этому понятию на планете можно отнести не более 1% землян.

«Окончится война (Вторая мировая. – П. Н.), все утрясется и устроится. И мы бросим все, что имеем: все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг (разум. – П. Н.), сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России (СССР. – П. Н.).

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания. Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; отучим художников и писателей – отобьем у них охоту заниматься изобра-

жением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, зависти, насилия, садизма, предательства – словом, всякую безнравственность.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, процветанию взяточников и беспринципности. Бюрократизм, паразитизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость (зависть. – *П. Н.*), ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать на молодежь – станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов (людей, лишенных разума. – *П. Н.*).

Вот так мы это сделаем!».

И продолжают делать, насаждая в людях мировоззренческую, паразитирующую античеловеческую смуту, разруху и анархию. Что всему этому нужно противопоставить? Альтернативой должны стать законодательное (правовое) формирование и развитие нового ноосферно-созидательного, политико-экономического мировоззрения и ноосферной экономики под руководством государственных лидеров, приверженных созидательным гуманитарным принципам и общечеловеческим духовно-нравственным ценностям.

Главными ноосферными политико-экономическими президентскими принципами управления белорусским обществом становятся: жить своим разумом, духовно-нравственно, суверенно, многовекторно, с опорой на собственные силы и без долгов перед настоящими и будущими поколениями белорусского народа.

Основным политико-экономическим содержанием – субстанцией белорусско-китайского сотрудничества – является концептуальная мировоззренческая воля и власть национальных лидеров этих стран. На реализацию данных концепций направлена инициатива председателя КНР по созданию экономического пояса «Шелкового пути» (далее именуется как инициатива «Один пояс – один путь») и Директива № 5 Президента Республики Беларусь «О развитии двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой», а также создание Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», который будет специализироваться в отраслях электроники, машиностроения, тонкой химии, новых материалов, биофармацевтики и др.

Практическая реализация данных стратегических принципов развития ноосферной экономики и всей жизнедеятельности белорусского народа позволит сформировать объединительную национальную идею: разумная и духовно-нравственная созидательная Беларусь, где достойная зарплата и пенсионное обеспечение станут главными стимулами эффективного труда и раскрепощения инициативы людей.

Приоритетным действием в этом направлении может стать совершенствование законодательной деятельности в научной, образовательной и хозяйственной системах Беларуси. Посредством совершенствования правовой системы предлагается: включение предмета по формированию ноосферного мировоззрения, мышления и идеологии; создание в системе науки, образования и хозяйственной практики специальных научно-исследовательских учений и организационно-

управленческих структур, которые будут выполнять функции подготовки и переподготовки кадров ноосферного мировоззрения, мышления и идеологии, для чего целесообразно пойти по пути реорганизации действующих университетов, которые не соответствуют международным стандартам, на основе опыта функционирования элитных университетов мира (России, Великобритании, Германии, США и других стран). Университеты, которые не соответствуют международным стандартам, целесообразно, на наш взгляд, реорганизовать в профессиональные структуры, институты, колледжи, ПТУ и др.

Систему науки целесообразно организовать путем создания в ней международных ноосферных научно-исследовательских и образовательных школ. В системе организации и управления экономической деятельности важно эволюционно, на новой правовой базе осуществить переход от регионального и отраслевого подходов к кластеризации экономики и ее раскрепощению. В данном направлении заслуживает поддержки реализация поручений Президента Республики Беларусь своей Администрации и Правительству об их правовом решении.

Список использованных источников

1. Андреев, И. Л. Цивилизационный процесс под углом ноосферного зрения : в 3 кн./ И. Л. Андреев, П. Г. Никитенко. – Минск: Право и экономика, 2002.
2. Андреев, И. Л. Беларусь, Россия, СНГ, Африка и Европа: аспекты геополитики ноосферной жизнедеятельности / И. Л. Андреев, П. Г. Никитенко. – Минск: Право и экономика, 2010.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М. : МО, 1998.
4. Большаков, Б. Е. Наука устойчивого развития / Б. Е. Большаков. – М. : РАЕН, 2011. – 272 с.
5. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. , 1988.
6. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991.
7. Ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке / под науч. ред. А. И. Субетто, В. А. Шамахова: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Астерион, 2013. – 574 с.
8. Гусаков, В. Г. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь : [выступление Председателя Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова на совещании с ведущими учеными по вопросу перспектив развития науки 31.03.2014 г.] / В. Г. Гусаков // Веды. – 2014. – № 14. – С. 4–5.
9. Зазнобин, В. М. Концептуальная власть: миф или реальность? [Электронный ресурс]. – Минск, 1990. – Режим доступа: <http://www.russiapost.ru/archives/1089>.
10. Зазнобин, В. М., Ефимов, В. А., Петров, К. П., Грейвз, К. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kobtv.narod.ru/lector/zaznobin-list.html> <http://eatx.narod.ru/efimov.html>.
11. Кузык, Б. Н. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее: в 6 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – М. , 2006–2010.
12. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. , 1962.
13. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации, путь разума / Н. Н. Моисеев. – М. , 1998.
14. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск, 2006.
15. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П. Г. Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск, 2009.
16. Никитенко, П. Г. Формирование ноосферного мышления и мировоззрения – императив науки Беларуси в XXI веке / П. Г. Никитенко // Беларусь. думка. – 2001. – № 9. – С. 57–66.
17. Никитенко, П. Г. Социалистическое накопление и общественное воспроизводство: (не усвоенные уроки «краха СССР» и «социализма») / П. Г. Никитенко. – Минск, 2011.
18. Никитенко, П. Г. В духе ноосферного мировоззрения / П. Г. Никитенко // Наука. – 2016. – № 11 (2582). – 14 марта. – С. 3.
19. Ноосферная Этико-Экологическая Конституция человечества (Нoo-Конституция): материалы Саммита ООН по устойчивому развитию Рио+20<Ноосфера XXI века на Всемирном саммите ООН по устойчивому развитию Рио+20>, Бразилия, Рио-де-Жанейро, 13–23 июня, 2012.
20. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – М. , 1999.
21. Яковец, Ю. В. Глобальные экономические трансформации XXI века / Ю. В. Яковец. – М. , 2011.
22. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ay.by/lot/popper-k-otkrytoe-obschestvo-i-ego-vragi-v-2-h-tomah-508400329.html>; <http://www.torrentino.com/torrents/49529>.
23. Кузнецов, П. Г. Избранные труды / П. Г. Кузнецов. – Дубна, 2014.
24. Кузнецов, О. Л. Система Природа – Общество – Человек. Устойчивое развитие / О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – Дубна, 2000.

25. О праздновании 150-летия со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского: Указ Президента Рос. Федерации, 21 авг. 2012 г., № 1206 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
26. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 20 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>.
27. Концепции инновационного развития России, Беларуси, Республики Казахстан до 2020 года. Экономика цивилизаций в глобальном измерении / под ред. А. А. Пороховского, В. Н. Тарасевича. – М. : ТЕИС, 2011. – 772 с.
28. Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В. М. Гейца, В. Н. Тарасевича. – К. : ЦУЛ, 2014. – 1058 с.
29. Солонько, И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ / И. В. Солонько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. , 2011. – 304 с.

References

1. Andreev I. L., Nikitenko P. G., *Tsivilizatsionnyi protsess pod ugлом noosfernogo zreniia : v 3 kn.* [Civilization process at an angle of noospheric vision: in 3 books], Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2002.
2. Andreev I. L., Nikitenko P. G., *Belarus', Rossiia, SNG, Afrika i Evropa: aspekty geopolitiki noosfernoi zhiznedeiatel'nosti* [Belarus, Russia, CIS, Africa and Europe: aspects of the geopolitics of noospheric life], Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2010.
3. Bzhezinskii Z., *Velikaia shakhmatnaia doska* [Great chess board], MO, Moscow, RU, 1998.
4. Bol'shakov B. E., *Nauka ustoichivogo razvitiia* [Science of sustainable development], RAEN, Moscow, RU, 2011.
5. Vernadskii V. I., *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of the naturalist], Moscow, RU, 1988.
6. Vernadskii V. I., *Nauchnaia mysl' kak planetarnoe iavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon], Nauka, Moscow, RU, 1991.
7. *Noosfernaia paradigma razvitiia obshchestva, nauki, kul'tury, obrazovaniia i ekonomiki v XXI veke* [Noosphere paradigm for the development of society, science, culture, education and economics in the 21st century], in Subetto A. I., Shakhmatov V. A. (ed.), in 3 vol., vol. 1, Asterion, St. Petersburg, RU, 2013.
8. Gusakov V. G., “On the state and prospects of the development of science in the Republic of Belarus: [Statement by the Chairman of the Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, V. G. Gusakova at a meeting with leading scientists on the prospects for the development of science 03/31/2014]”, Vedy [Knowledge], 2014, no. 14, pp. 4–5.
9. Zaznobin V. M., “Conceptual power: myth or reality?”, Available at: <http://www.russiapost.ru/archives/1089>, (Accessed 3.04.2017).
10. Zaznobin V. M., Efimov V. A., Petrov K. P., Greivz K., Available at: <http://kobtv.narod.ru/lector/zaznobin-list.html> <http://eatx.narod.ru/efimov.html>, (Accessed 3.04.2017).
11. Kuzyk B. N., Iakovets Iu. V., *Tsivilizatsiia: teoriia, istoriia, dialog, budushchee : v 6 t.* [Civilization: theory, history, dialogue, future: in 6 volumes], Moscow, RU, 2006–2010.
12. Marks K., Engel's F., *Sochineniia, T. 25, ch. 2* [Works, Volume 25, part 2], Moscow, RU, 1962.
13. Moiseev N. N., *Sud'ba tsivilizatsii, put' razuma* [The fate of civilization, the path of reason], Moscow, RU, 1998.
14. Nikitenko P. G., *Noosfernaia ekonomika i sotsial'naiia politika: strategiiia innovatsionnogo razvitiia* [Noospheric Economy and Social Policy: Innovative Development Strategy], Minsk, BY, 2006.
15. Nikitenko P. G., Greben' V. A., Solodnikov S. Iu. (ed.), *Filosofiiia i ideologiiia zhiznedeiatel'nosti Belarusi: teoreticheskie osnovy antikrizisnoi modeli i mekhanizmy ee realizatsii* [Philosophy and ideology of the life of Belarus: theoretical foundations of the anti-crisis model and mechanisms for its implementation], Minsk, BY, 2009.
16. Nikitenko P. G., “Formation of noospheric thought and world outlook is the imperative of Belarusian science in the 21st century”, *Belarускаia dumka* [Belarusian thought], 2001, no. 9, pp. 57–66.
17. Nikitenko P. G., *Sotsialisticheskoe nakoplenie i obshchestvennoe vosproizvodstvo: (ne usvoennye uroki «krakha SSSR» i «sotsializma»)* [Socialist accumulation and social reproduction: (lessons learned from the “collapse of the USSR” and “socialism”)], Minsk, BY, 2011.
18. Nikitenko P. G., “In the spirit of the noospheric worldview”, *Nauka* [Science], 2016, no. 11 (2582), March 14th, p. 3.
19. *Noosfernaia Etiko-Ekologicheskaiia Konstitutsiia chelovechestva (Noo-Konstitutsiia): materialy Sammita OON po ustoichivomu razvitiuu Rio+20 “Noosfera XXI veka na Vsemirnom sammite OON po ustoichivomu razvitiuu Rio+20”* [Noosphere Ethical-Ecological Constitution of Humanity (Noo-Constitution): materials of the UN Summit on Sustainable Development Rio + 20 “Noosphere of the 21st Century at the UN World Summit on Sustainable Development Rio + 20”], Rio de Janeiro, BR, 2012.
20. Iakovets Iu. V., *Tsikly. Krizisy. Prognozy* [Cycles. Crises. Forecasts], Moscow, RU, 1999.
21. Iakovets Iu. V., *Global'nye ekonomicheskie transformatsii XXI veka* [Global economic transformations of the 21st century], Moscow, RU, 2011.
22. Popper K., “Open society and its enemies: in 2 volumes”, Available at: <http://ay.by/lot/popper-k-otkrytoe-obschestvo-i-ego-vragi-v-2-h-tomah-508400329.html>, <http://www.torrentino.com/torrents/49529>, (Accessed 3.04.2017).
23. Kuznetsov P. G., *Izbrannye Trudy* [Selected Works], Dubna, RU, 2014.

24. Kuznetsov O. L., Kuznetsov P. G., Bol'shakov B. E., *Sistema Priroda – Obshchestvo – Chelovek. Ustoichivoe razvitie* [System Nature - Society - Man. Sustainable development], Dubna, RU, 2000.

25. “On the celebration of the 150th anniversary of the birth of Vladimir Ivanovich Vernadsky: Presidential Decree Ros. Federation, 21 Aug. 2012, no. 1206”, Available at: <http://www.garant.ru>, (Accessed 3.04.2017).

26. “The concept of public safety in the Russian Federation: President of the Russian Federation. Federation on November 20 2013y.”, Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>, (Accessed 3.04.2017).

27. Porokhovskii A. A., Tarasevich V. N. (ed.), *Kontseptsii innovatsionnogo razvitiia Rossii, Belarusi, Respubliki Kazakhstan do 2020 goda. Ekonomika tsivilizatsii v global'nom izmerenii* [Concepts of innovation development in Russia, Belarus, Kazakhstan until 2020. The economy of civilizations in the global dimension], TEIS, Moscow, RU, 2011.

28. Geits V. M., Tarasevich V. N. (ed.), *Politicheskaia ekonomia: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Political economy: past, present, future], TsUL, Kiev, UA, 2014.

29. Solon'ko I. V., *Fenomen kontseptual'noi vlasti: sotsial'no-filosofskii analiz* [The Phenomenon of Conceptual Power: Socio-Philosophical Analysis], 3rd ed., Moscow, RU, 2011.

Информация об авторе

Никитенко Петр Георгиевич – академик, доктор экономических наук, профессор, советник. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : nikitenkopetr2@mail.ru

Information about the author

Petr G. Nikitenko – Academician, D. Sc. (Econ.), Professor, Adviser, National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nikitenkopetr2@mail.ru

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ДЕРИВАТОЛОГИИ:
О «СЛОВАРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»**

«Словарь – это книга книг».

А. Франс

Словари – поистине неисчерпаемая сокровищница любого национального языка. На протяжении всего существования лингвистической науки лексикографические труды имеют важное значение для развития и функционирования языка. Их значение трудно переоценить. Сегодня все больше осознается роль словарей в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия народа. Как верно заметил по этому поводу в свое время советский и российский лингвист Р. А. Будагов: «В филологии, как, впрочем, и почти в любой науке, есть две большие области знаний: одна из них обращена ко всем грамотным людям, а другая – прежде всего к специалистам. Словари <...> обращены ко всем людям и относятся тем самым к первой области знаний» [1, с. 134].

Рецензируемый «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» подготовлен известными российскими учеными-дериватологами В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым. На наш взгляд, это уникальное издание, которое содержит богатейший материал для специалистов в области словообразования. В словаре представлены сведения о всех (!) словообразовательных аффиксах (суффиксах, префиксах, постфиксах, интерфиксах) в полной совокупности их свойств и правил образования лексем с этими морфемами, выделяющихся в составе мотивированных слов современного русского языка и представляющих собой словообразовательные форманты или их части.

«Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» является своего рода оригинальным описанием деривационной системы русского языка, в котором за основную единицу принята служебная морфема (словообразовательный аффикс). Каждому из трех типов аффиксов (префиксам, интерфиксам и постфиксам) в словаре посвящен самостоятельный раздел: «Префиксы (приставки)», «Интерфиксы сложных слов», «Постфиксы». Суффиксы, во всем их многообразии, рассматриваются в четырех разделах: «Суффиксы имен существительных и прилагательных», «Суффиксы числительных», «Суффиксы глаголов» и «Суффиксы наречий».

Высокой оценки заслуживает разработка авторами структуры словарных статей, благодаря информативности которых пользователь, на наш взгляд, сможет получить ответы на вопросы о том, как образовать слово с помощью того или иного суффикса, префикса и т.д., обращаясь при этом к тем примерам новообразований, которые приведены в словаре. Каждая статья словаря состоит из трех частей: **вводной, семантико-словообразовательной и морфонологической.**

Вводная часть содержит заглавный морф (единственный или основной). Если заглавный морф – не единственный, то далее перечисляются все остальные морфы данной морфемы в алфавитном порядке*. Например, в статье, посвященной суффиксу *-щик/-чик²/-овщик*, заглавным является морф *-щик*. Морфы-омонимы обозначаются в словаре с помощью цифровых индексов: *-чик¹* и *-чик²*; *про-¹* и *про-²*; *ну-¹* и *ну-²* и т.д. После перечня морфов приводится грамматическая информация: *для всех аффиксов* – часть речи слов, в которых выступает данный аффикс; *для суффиксов существительных* – род и тип склонения или pl.t. (наличие только форм мн. числа); *для суффиксов прилагательных* – тип склонения (адъективный или притяжательный) или их краткая форма; *для суффиксов глаголов* – словоизменительный класс, тип спряжения, вид, переходность / непереход-

* Алфавитный список суффиксальных морфов приводится в приложении к словарю, носящем характер указателя.

ность; для суффиксов наречий, всех префиксов и интерфиксов грамматическая информация ограничивается указанием на часть (части) речи.

Семантико-словообразовательная часть статьи включает характеристику словообразовательных типов и подтипов с данным аффиксом в аспектах их семантики и продуктивности.

В **морфонологической части** каждой словарной статьи описание строится по морфам, первым из которых рассматривается заглавный морф статьи, а далее – все остальные в алфавитном порядке. При описании каждого морфа рассматриваются характерные для него морфонологические явления. Все явления, приводимые в морфонологической части статьи, иллюстрируются необходимым количеством примеров; непродуктивные явления подаются с исчерпывающими списками слов. Для наглядного представления сказанного приведем в качестве примера словарные статьи, в которых представлена характеристика префикса *небез-* и суффикса *-тв(а)*:

НЕБЕЗ- и орф. НЕБЕС-

ПРИ Л.

ЗМ: умеренная, но довольно значительная степень признака.

прл < *прл*

Сп.: преф.

ЗТ: обладающий в умеренной, но довольно значительной степени тем признаком, который назван мотивирующим *прл*.

Выгодный > небез-выгодный ‘довольно выгодный’, небез-обидный, небез-опасный, небез-основательный, небез-успешный, небез-известный, небез-ынтересный, небес-полезный.

Прод. в книжной речи.

■ **небез-**, и орф. **небес-**, [н’еб’ез].

Ударение. Тип I: известный – небез-известный

-ТВ(А)

Сущ., жен. Р., II СКЛ.

ЗМ: отвлеченное действие, названное мотивирующим словом.

сщ < *глг*

Сп: суф.

ЗТ: см. **ЗМ**.

Жать > жа-тв-а ‘действие по *глг* жать – жнут’, биться ‘сражаться’ > би-тв-а, клясться (клялся) > кля-тв-а, молить(ся) > моли-тв-а, ловить > лови-тв-а (книжн. устар.). Непрод.

■ **-тв(а)**, [тв]

После гласных (усечение инф. основ *глг* отсутствует): жа-тв-а, моли-тв-а.

Ударение. Тип I (на предсуф. слоге): моли’-ть-ся – моли’-тв-а, кля’-л-ся – кля’-тв-а.

Не менее информативным и содержательным является и предисловие к Словарю, в котором даются подробные сведения о структуре словаря и словарной статьи, а также приводится толкование используемых в словаре основных терминов и понятий *морфемике* (напр.: морф, словоформа, основа словоформы, виды морфов, формальная близость морфов, морфемная структура слова и др.) и *словообразования* (напр.: мотивированное слово, мотивирующее слово, словообразовательная мотивация, виды словообразовательной мотивации, словообразовательный формант, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, полисемия и омонимия аффиксов, словообразовательное значение, словообразовательный тип (подтип), способы словообразования и др.).

Положительным моментом является и то, что в словаре нашла свое отражение вся мотивированная лексика современного русского литературного языка в том ее объеме, в каком она зафиксирована в современных толковых словарях (включая «Словарь современного русского языка» в 17 томах и выходящий «Большой академический словарь русского языка»). Помимо этого, в нем используются неологизмы и окказионализмы, зафиксированные в словарях серий «Новые слова и значения» и «Новое в русской лексике». Вместе с тем читатель найдет в словаре и довольно много слов, лексикографически еще нигде не зафиксированных; их источник – собственная картотека авторов, отражающая разнообразные материалы современного словоупотребления по

данным газет, журналов, художественной литературы, устной речи (включая не только окказионализмы, но и специальную и диалектную лексику, достаточно широко отраженную в современной прессе и художественной литературе).

Выход в свет рецензируемого «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова – значительное событие в славянской лингвистике. Нет сомнения в том, что словарь найдет свое широкое практическое применение. Он будет полезен не только для ученых-русистов, но и для белорусских ученых, поскольку создание словаря словообразовательных аффиксов национального языка – насущная задача отечественной лексикографии.

Список использованных источников

1. Будагов, Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 151 с.

References

1. Budagov R. A., *Tolkovye slovari v natsional'noi kul'ture narodov* [Explanatory dictionaries in the national culture of the peoples], MGU, Moscow, RU, 1989.

Информация об авторе

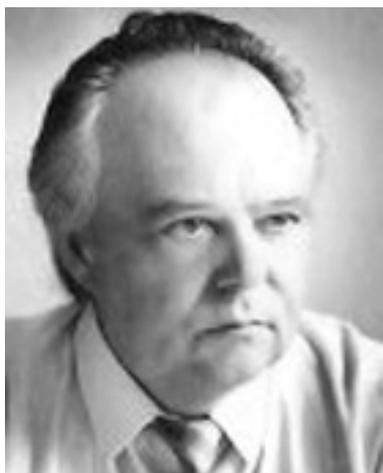
Елынцева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

Information about the author

Irina V. Elyntseva – Ph. D. (Philol.), Lead Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
BELARUSIAN SCIENTISTS

ЛЕОНИД ФЁДОРОВИЧ ЕВМЕНОВ
(К 85-летию со дня рождения)

В текущем году гуманитарная общественность страны отмечает 85-летний юбилей замечательного белорусского философа, ученого, педагога и литератора, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента НАН Беларуси Леонида Федоровича Евменова.

Леонид Фёдорович родился 22 июля 1932 г. в г. Чериков Могилевской области. Его путь в науку начался в Белорусском государственном университете, который он окончил в 1955 г. Продолжением стези знаний и научно-организационного мастерства стала учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Это авторитетное учебное заведение всесоюзного значения Леонид Федорович окончил в 1961 г. Именно отсюда берут начало три линии его творческой биографии: научная, преподавательская и общественная. Каждая из них отмечена яркими событиями личной и общественной жизни, ответственными задачами и миссиями. Так, в 1955–1958 гг. Л. Ф. Евменов работал секретарем Минского городского комитета ЛКСМБ. В 1961–1970 гг. он старший преподаватель, доцент Минского государственного педагогического института иностранных языков. Одновременно в 1963–1964 гг. проходит стажировку во Франции, в знаменитом на весь мир университетском центре Сорбонна. В 1970–1971 гг. Л. Ф. Евменов – лектор ЦК КПБ. В 1971–1974 гг. он снова работает за рубежом, представляя Советский Союз и Белорусскую ССР в отделе философских наук Департамента гуманитарных наук и культуры Секретариата ЮНЕСКО. Вслед за этим мы видим Л. Ф. Евменова на посту делегата БССР в комиссии ООН по правам человека, председателя этой комиссии.

На рубеже высокой жизненной зрелости, пройдя веку 40-летия, Леонид Федорович обращает пристальное внимание на реализацию накопленного потенциала исследователя, организатора науки. С 1975 г. Л. Ф. Евменов – доцент, заведующий кафедрой Белгосуниверситета. В 1977 г. защитил докторскую диссертацию, в 1979 г. получил ученое звание профессора. С 1979 г. на протяжении многих лет работал заведующим Отделом научной информации по гуманитарным наукам АН БССР, заведующим сектором научно-методологических проблем информации. В 1991 г. избран членом-корреспондентом Академии наук БССР. С 2002 г. работал в должности профессора, возглавлял кафедру философии и политологии Белорусского института правоведения. С 2009 г. – главный научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси.

Выполняя ответственные исследовательские и дипломатические функции, Л. Ф. Евменов принимал участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, в работе Генеральной конференции ЮНЕСКО, в многочисленных международных форумах по правам человека (в том числе во Всемирной конференции по правам человека в 1993 г.), заслужил широкий международный авторитет и признание. Одно из свидетельств этого авторитета – объявление Л. Ф. Евменова Человеком года (1998–1999, 1999–2000) по номинации Международного библиографического центра (Кембридж, Англия).

В поле исследовательского интереса Л. Ф. Евменова – важнейшие идейные коллизии западной философии XX–XXI столетий, теоретические основы философии политики и права в ракурсе реализации принципа достоинства и фундаментальных прав человека, системно-диалектический анализ глобального развития и осмысление стратегических принципов эволюции международных отношений в условиях новых интеграционных пространств, возникших в первые десятилетия XXI века. Об этом свидетельствуют заголовки основных подготовленных им книжных изданий – «Диалектика и революция» (Минск, 1964), «Философия антимарксизма и диалектика» (Минск, 1981), «Антигуманистические тенденции современного буржуазного искусства» (Минск, 1983), «Актуальные проблемы контрпропаганды» (Минск, 1985), «Тотальный кризис и права человека» (Минск, 1996), «Международная идеология прав человека: проблемы – решения» (Минск, 2000), «Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека» (Минск, 2015), «Логика достоинства и свободы личности» (Минск, 2016) и многих других. В целом же из-под пера Л. Ф. Евменова вышли более 200 научных и научно-публицистических работ, а также книг поэзии. Близится к завершению издание многотомного собрания сочинений автора.

Период творческого расцвета и концептуальной зрелости ученого пришелся на эпоху конца XX – начала XXI столетия. В отечественной гуманитаристике он ознаменовался быстрой сменой ценностно-мировоззренческих ориентиров и понятийного ландшафта. В этих условиях остро востребованными оказались присущие Леониду Федоровичу творческие компетенции: широкая философская эрудиция, способность видеть широкую дискурсивную перспективу, грамотно ориентироваться в многоголосии теоретических подходов и стилистик. Но главное – верность избранной исследовательской методологии, прошедшей проверку жизненным и рефлексивным опытом. Для Л. Ф. Евменова ею стала парадигма диалектического материализма. Но совершенно не в той клишированной форме, в которой она в советские годы бытовала на страницах ряда книг. Напротив, ученому потребовались огромные усилия по сопоставлению и систематизации находок различных философских течений, берущих на вооружение диалектический метод и трансформирующих его, в том числе в русле релятивизации, гносеологизации, сингуляризации.

То, что безусловно помогало и помогает Л. Ф. Евменову в решении его научных задач, – это твердый нравственный императив, созданный им, прежде всего, для самого себя, но также и для всех, кто выбирает путь философской рефлексии. Он гласит: в центре любого построения должен находиться Человек, а в эпицентр проблематики человека должна быть поставлена идея прав, достоинства и свободы личности. В сегодняшних реалиях акцент на человеке и его правах, концептуализация феномена достоинства делает философское знание предпосылкой особой гуманитарной экспертизы социально-экономического, технико-технологического, культурного развития современного общества. Достоинство человека, его не формально декларируемые, а реально осуществляемые права – это и важнейший индикатор состояния общественной системы, и основание для стратегического прогноза ее эволюции.

Л. Ф. Евменов убежден, что внимание к ценностным императивам международных отношений, приверженность в политике нравственным идеалам, призванным обеспечить выживание и развитие человеческого рода, творческое раскрепощение и рост каждой отдельной личности, – это единственный путь разрешения противоречий между странами, народами, культурами. Доказательство правоты этого убеждения – плодотворные и доброжелательные дискуссии представителей самых разных культурно-политических мировоззрений, традиций и культур на полях научно-практических форумов, организованных при непосредственном участии Л. Ф. Евменова: это международный круглый стол «Республика Беларусь – Европейский союз: стратегия взаимодействия в исторической перспективе» (2010), международные научно-практические конференции «Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства» (2013), «Межнациональное согласие и толерантность – ценностная основа евразийской интеграции» (2014) и др.

Впрочем, не секрет, что сам по себе международно-правовой дискурс, складывающийся вокруг понятий гуманизма, демократии, свободы, не является залогом осуществления гуманистических принципов на практике. Именно поэтому, полагает философ Л. Ф. Евменов, мировому сообществу для формирования вектора глобального развития требуется прочный концептуальный стержень.

И это не просто особая политическая доктрина, и даже не отдельное философское учение, а особая, строгая наука – наука прав человека, аксиоматика которой строится на конвергенционной триаде достоинства, прав и обязанностей человека. Леонид Федорович стал в нашей стране одним из основных проводников деятельности по созданию этой новой дисциплины, идея которой восходит к дискуссиям в ЮНЕСКО с участием таких ведущих мировых экспертов, как Б. Бутрос Гали, И. Сабо, Т. ван Бовен, Ф. Ньюмен, С. Маркс и, прежде всего, руководитель Международного института прав человека К. Вазак. Активный участник этих дискуссий Л. Ф. Евменов продолжает кропотливо аккумулировать теоретико-методологический потенциал для решения намеченных задач. Оценке этого потенциала, анализу социально-практических импликаций теории достоинства посвящена последняя по времени крупная работа Л. Ф. Евменова – вышедшая под его редакцией и с обширным авторским разделом коллективная монография «Логика достоинства и свободы личности» (Минск, 2016).

Неизменно присущий Л. Ф. Евменову организаторский талант, его живая и предельно интеллигентная манера общения, способность вдохновить и объединить вокруг себя молодые научные кадры, доброжелательность и высокий профессионализм способствовали эффективной работе возглавляемых им научных подразделений.

Желаем глубокому мыслителю, яркому и талантливому художнику слова, ученому и педагогу Леониду Федоровичу Евменову крепкого здоровья и новых творческих свершений, реализации самых сокровенных задумок и идей.

А. А. Лазаревич, Д. И. Широканов, С. А. Мякчило

Информация об авторах

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, директор Института философии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com

Широканов Дмитрий Иванович – академик, доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com

Мякчило Степан Антонович – научный сотрудник. Институт философии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com

Information about the authors

Anatoli A. Lazarevich – Ph. D. (Philos.), Director of the Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com

Dmitri I. Shirokanov – Academician, D. Sc. (Philos.), Chief Researcher Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com

Stepan A. Myakchilo – Scientific Researcher, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Institute.philosophy@outlook.com